

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**“Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет”**

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ВЫПУСК IX

ПГГПУ
Пермь 2014

Белавин А.М.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

900 ЛЕТ ИМЕНИ "ПЕРМЬ"

Ключевые слова: Пермь, летопись, географическое название, самоназвание народа.

Впервые слово "Пермь" появилось в древнейшей русской летописи "Повесть временных лет" и за 900 лет своей истории совершило путешествие от берегов Белого моря до Дальнего Востока, став географическим термином, именем жителей ряда местностей и этническим самоназванием.

Belavin A.M. (Perm)

THE NAME OF "PERM" IS 900 YEARS OLD

Key words: Perm, chronicles, geographical name, autonym.

The word "Perm" first appeared in the Primary Chronicle and in 900 years travelled from the shores of the White Sea to the Far East and became a geographical term, an ethnonym for the inhabitants of certain areas and an autonym.

Около 1113 года (как принято считать в отечественной исторической науке) монах Киево-Печерской лавры Нестор закончил свою летопись, вошедшую в историю под названием "Повесть временных лет" – наиболее ранний из дошедших до нас летописных сводов. Свод этот известен в составе ряда летописных сборников, сохранившихся в списках, из которых лучшими и наиболее старыми являются Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский 20-х годов XV века. "Повесть временных лет" – древнейшая из дошедших до нас русских летописей.

Первое письменное упоминание слова "Пермь" содержится в недатированной части Лаврентьевской летописи и относится, таким образом, к 1113 г., к моменту появления второй (по А.А. Шахматову) редакции "Повести временных лет" (Шахматов, 2001, с.10). Сначала Пермь называется среди народов, "сидящих" в Афетовой части: "Русь, Чудь и вси языци: Меря, Мурома, Вель, Морьдва, Заволочьская Чудь, **Пермь**, Печера, Ямь, Угра, Литва, Земгола, Корсь, Летьгола, Любь", а затем в списке народов, "иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вель, Мурома, Черемись, Морьдва, **Пермь**, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нерома, Либь" (Лаврентьевская летопись, 1926, с.3,10). Здесь перечисляются балтские и финно-угорские народы, окружавшие Русь в верховьях Волги, в Прибалтике, на Северо-Западе и Северо-Востоке Европейской части современной России.

Очевидно, под территорией **Пермь** из ПВЛ следует разуметь территорию современной республики Коми, которая известна в научной и художественной литературе как **Пермь Вычегодская** (по реке Вычегда), или Пермь Старая, или Пермь Малая с центром в селе Усть-Вым, точнее, не всю территорию, а часть течения Вычегды выше и ниже устья Выми и реку Вымь. С Пермью Вычегодской археолог Э.А. Савельева связывает вымскую археологическую культуру (Савельева, 1971), что, видимо, не оправдано (см. статью А.Л. Багина и М.В. Кленова в настоящем сборнике). На этой территории расположено несколько укрепленных поселений, которые их исследователями связываются с древнерусской колонизацией: Пожегское на Выми и Карыйбывское на

Вычегде городища и два селища – Ыджидьельское на р. Вымь и Лоемское ("Юрьев городок") на р.Луза. Наиболее крупным и хорошо изученным поселением является Пожегское городище, оно представляет собой типичное древнерусское мысовое городище, укрепленное с трёх сторон валами и рвами, действовавшее со второй половины XII в. до XIV в. Указанные поселения были центрами древнерусской колонизации Северного Предуралья (т.е. началом создания опорной сети колонизации), через них, видимо, проходил древнерусский (новгородской) путь на Югру, на этих поселениях (особенно на Пожегском городище), вероятно, находились пункты сбора дани. В XIII в. Пожегское городище, по мнению Э.А. Савельевой и М.В. Кленова, превратилось в важный торгово-ремесленный и военно-административный центр, контролирующий один из участков водно-волокового пути русских дружинников в Зауралье (Савельева, Кленов, 1992; Археология республики Коми, 1997, с.662-667). Данническая зависимость Перми XII в. подтверждается не только существованием указанных археологических объектов, но и данными летописей. Так, по свидетельству Новгородской четвертой летописи, уже через 74 года, в 1187 г.: "избъени быша даньники **Перемьские** и Югорьские, а друзии за Волоком, и паде головъ о сте кметей" (Новгородская 4-я летопись, 1848, с.17). В XIII-XIV вв. на территории республики Коми могли появиться смешанные финно-древнерусские общины, что документировано Лоемским комплексом (поселение и могильник).

Имя "**Пермь Вычегодская**" неоднократно приводится в русских источниках. Например, "Лета 7063 [1555 г.] повеле князь великий Иван Васильевич на **Перми Вычегоцкие** волостелем не быти, а волостелины доходы пооброчить деньгами. А в волостех учинити судеек, целовальников, сотеников, пятидесяцких и десятских по излюбю и им управа чинити и волостные доходы взимати" (ВВЛ, с.265). А вот термин "**Пермь Малая**", как доказывает П.А. Корчагин (см. статью в настоящем сборнике), является искусственным термином, придуманным историками, литераторами и географами, и в реальности такой территории никогда не было, а была просто Пермь или Пермь Вычегодская. Примеры такого рода фантомов достаточно многочисленны не только в сознании массового читателя – любителя истории, но и в сознании профессионалов-историков. Так историографическим именем является название государства "Киевская Русь" или "Древняя Русь", такого государства не было, было государство "Русская Земля" или "Русь". Историческое государство XIII-XV вв. "Орда" стала именоваться "Золотой Ордой" уже после его окончательного распада и исчезновения в начале XVI в. Первое упоминание названия "Золотая Орда" в русских источниках появляется в историко-публицистическом сочинении "Истории о Казанском царстве" (написанной около 1564 г.) и дошедшей до нас в большом количестве списков (Кунцевич, 1905). Таким образом, история с выдуманным именем "Пермь Малая" не единична, а попадание этого имени в один типологический ряд с Золотой Ордой и Киевской Русью даже отчасти приятно.

Кроме Перми из ПВЛ история знает еще две средневековые "Перми". Так, в грамотах 1264 и 1304-1305 гг. упоминается еще **Колоперемь (Голопермь)**: "А се волости новгородские: Бежиче, Городец, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, **Колоперемь**, Тре, Перемь, Югра, Печера..." (Грамоты, 1949, с.9). Местность под названием "Колоперемь", по мнению большинства исследователей, располагалась у южной подошвы Кольского полуострова, рядом с Терским берегом ("**Тре**") и получила свое название из-за обилия озер в этом крае – "**Озёрная окраина**".

Новгородские волости давали дань, служили местами колонизации, открывали путь на Север и на Восток. Так, историк В.О. Ключевский писал о них: "Течением реки Вычегды с ее притоками определялось положение Пермской земли. За Двинской землей и Пермью далее к северо-востоку находились волость Печора по обеим сторонам реки этого имени, а по ту сторону северного Уральского хребта – волость Югра. На северном берегу Белого моря была волость Тре, или Терский берег. Таковы были главные волости новгородские, не входившие в пятинное деление. Они рано приобретены были Новгородом; так, уже в XI в. новгородцы ходили собирать дань за Двину, на Печору, а в XII в. – на Терский берег. Новгородская территория расширялась преимущественно посредством военно-промышленной колонизации. В Новгороде составлялись компании вооруженных промышленников, которые направлялись по рекам в разные стороны от города, чаще всего на финский северо-восток, основывали там поселения, облагали данью покоренных туземцев и заводили лесные и другие промыслы" (Ключевский, 2002). Таким образом, волость Колопермь, или Кольская Пермь, могла появиться раньше, чем её в первый раз упомянули в договорной грамоте Новгорода с Тверским Великим князем Ярославом Ярославичем в 1264 года, вполне возможно, что и в XII веке она уже была.

Наконец, в 1324 году впервые упоминается и Пермь Великая в связи с поездкой московского князя Юрия Даниловича в Орду по вызову хана Узбека, "поиде... в Орду, а шел на *Пермь Великую* и поиде по Каме реке" (Московский свод, с.197). Юрий Данилович шел в Орду из Новгорода, поэтому путь через пермские земли был для него достаточно удобен, близок и относительно безопасен.

И хотя летопись не дает какой-либо географической привязки, кроме того, что через Пермь Великую можно выйти на Каму, под территорией *Пермь Великая* обычно понимают север современного Пермского края, так как письменные источники однозначно указывают, что слово Пермь Великая было еще и вторым именем города Чердынь – центра этой территории. Интересно, что территория Перми Великой сначала была относительно мала, во всяком случае, территория современного Коми-Пермяцкого округа и никакие современные районы Пермского края кроме части Чердынского в неё не попадали, а территории Чусова и Гамаль не входят в состав Перми Великой и вообще относятся к территории не Пермского края, а к современной республике Коми (Корчагин, 2013а, с. 104-107). По мнению П.А. Корчагина во времена Стефана Пермского (вторая половина XIV в.) и Федора Пестрого (поход 1472 г.) "... Пермь Великая — это весьма небольшой район по реке Колве протяженностью около 50 километров" (Корчагин, 2010, с.103). Расти она стала только после присоединения Предуралья к Московскому государству.

Связывать с Пермью Великою родановскую археологическую культуру XI–XIV вв. так же неоправданно, как и связывать вымскую археологическую культуру с Пермью Вычегодскою (см. статью А.Л. Багина и М.В. Кленова в настоящем сборнике). К первому упоминанию Перми Великой в письменных источниках в XIV в. от 147 учтенных родановских памятников XI в. осталось только 57, при этом самое существенное сокращение обжитых территорий произошло на рубеже XIII–XIV вв. (Вострокнутов, 2011, с.16-17). Наиболее плотно в XIV в. была заселена территория нынешнего севера Коми-Пермяцкого округа (Гайнский и Косинский районы), где по берегам Камы, Косы и их притоков располагается более 20 археологических объектов. Видимо эти памятники можно связать с народом "гаиане", "гаиняне", "гайяне" или "гайане",

упоминаемом в "Житие Стефана Пермского" в разных его летописных списках среди имен "местам и странам и землям и иноязычником, живущим вокруг Перми..." и считать население, оставившее эти северные памятники, наиболее вероятными предками коми-пермяков (Белавин, 2005). В состав Перми Великой XIV в. эти территории не входили.

Еще более сложно, на наш взгляд, связывать Пермь Великую с коми-пермяками, так как по определению Пермь Великая (термин-оппозит) – это зона колонизации из Перми (Вычегодской) – хоть и коми земли, но зырянской. "Сам факт появления в конце XIV в. оппозиции Пермь Вычегодская (она же Пермь Малая) и Пермь Великая ясно указывает на направление колонизации: в подобных парах определение "великая" служит указанием на колонизируемый район, тогда как определение "малая" (или его отсутствие) указывает на исходную область колонизации. По-видимому, появление коми населения в районах Верхнего Прикамья следует связывать с миссионерской деятельностью Стефана Пермского, одобренной великим князем Дмитрием Ивановичем, стремившимся окончательно выдавить новгородцев из их пермских владений" (Чураков, 2008, с.15). По мнению О.Н. Трубачева, колыбель этноса "Малая", а территория дальнейшего расселения "Великая" – "... таким образом *Великая Русь*, *Великороссия* – это не "возвысившаяся Россия", как можно было бы понять буквально, а "вновь освоенная, колонизированная Русь", "Русь дальняя", то понятно, что метрополией при этом колонизационном движении всегда оставалась собственно Русь..." (Трубачев, 2005, с.86). Таким образом, оппозиция Великая – Малая образно отражает противопоставление вторично основанной земли той земле, откуда это освоение происходит (Греция – Великая Греция и т.д.). Так и в нашем случае Пермь (Малая или Вычегодская) и Пермь Великая – материнская земля и земля колонизированная коми-зырянами, "Пермь дальняя".

Кстати, исходя из уже упоминавшейся статьи наших сыктывкарских коллег в настоящем сборнике – не ясно вообще, насколько Пермь Вычегодская (т.е. исходная для Перми Великой земля) являлась территорией коми. Скорее всего, она была заселена смешанными финно-славянскими общинами, среди которых, судя по публикациям сыктывкарских археологов, была распространена некая надэтничная материальная культура с выраженным преобладанием вещей древнерусского и прибалтийского типов. Нечто подобное (надэтничная материальная культура) можно наблюдать во всей зоне древнерусской колонизации Севера, которая осуществлялась смешанным потоком колонистов, такое же явление отмечено и для территории современного Пермского края (см. статью Н.Б. Крыласовой в настоящем сборнике).

Кроме того, древнерусские письменные источники показывают нам еще *Пермицу* – само уменьшительное название указывает на её меньшее значение или размер, чем *Пермь*. Это Лузская Пермца и Вилегодская Пермца. Первое упоминание о них содержится в Жалованной грамоте Перми 1485 г.: "А что пермяки *Луские Пермцы и Вилегоцские*, до них сысоленом и ужговцом дела нет, но тому тое пермяки присуду устюжский" (Документы по истории коми, 1958. Вып.4, с. 246). По мнению П.А. Корчагина, эти регионы оформились раньше – не позже XIV века – и сохранялась, по меньшей мере, до XVI-XVII вв. (Корчагин, 2013б, с. 9).

А.С. Кривошекова-Гантман писала о слове "*Пермь*", что "...с самого начала русские употребляли этот термин как этнотопоним, то есть как название народа и его территории" (Кривошекова-Гантман, 2006, с.177.). Что скрывается в этом слове? Этимологии его известны разные, от самой простой народной

этимологии: "**Пермь**" от коми-пермяцкого термина "**Парма** – высокая земля, гора, поросшая лесом (еловым или кедровым); до совершенно фантастических: от имени легендарного богатыря/бога **Перы** или от скандинавского географического термина **Биармия** (подробный обзор см.: Корчагин, 2013б, с.5-7). С научной точки зрения, наиболее верной является этимология академика Д.В. Бубриха, выводившего **Пермь** из вепсского **Perämaa**, буквально – "задняя земля", в смысле "Заволочье" (Бубрих, 1947, с. 30). Эту точку зрения разделяла и выдающийся коми-пермяцкий лингвист А.С. Кривошекова-Гантман: "слово **Пермь**" не коми и не русское. Его исток в языке летописной веси" (Кривошекова-Гантман, 2006, с.177). Таким образом **Пермь** – это "дальняя, задняя земля", а **Пермь Великая** – "дальняя предальная земля", т.е. "самый край" в смысле границы расселения финноязычного народа коми – родственного древней веси. Пермь – это фронтир финноязычного мира на Европейском Северо-Востоке. Отслеживая передвижение географического термина **Пермь** (топонима) по карте в соответствии с упоминанием его в письменных источниках, мы можем наглядно маркировать расширение зоны расселения предков коми народа с территории их гипотетической Прародины, находящейся в глубокой древности где-то севернее и западнее Верхнего Прикамья.

За пределами России в средневековье и в новое время Пермь была известна как '*Permia*', '*Permia Magna*' '*Пермия*', а все географические и этнографические сведения о ней были весьма неточны и расплывчаты.

Последнее официальное упоминание Перми Великой относится к 1719 г. в тексте указа об административной (губернской) реформе Петра Великого (часть Сибирской губернии). Но имя "**Пермь**" сохранялось в титуле императоров всероссийских. Вновь на карте России "**Пермь**" появляется в 1780 г., когда Пермское наместничество было учреждено Именным указом от 27 января 1780 г. Вышедший 26 ноября 1780 г. Именной указ Екатерины II «О назначении места для учреждения Губернского города Пермского Наместничества и о наименовании онаго Пермью» сделал административно-географической реальностью современный город Пермь.

Когда слово **Пермь** окончательно стало именем народа, т.е. этнонимом? Произошло это где-то в конце XV-начале XVI столетия. Так в "Житие Стефана Пермского", написанного, по мнению исследователей, не ранее первых десятилетий XV в. (Водовозов, 1972), слово "**Пермь**" употреблено как термин географический, описывая жителей земли по имени Перми. Епифаний Премудрый, автор "Жития", обозначает их как "**людей Пермских**" (например: '*Плачь пермских людей*'), т.е. термин употреблен не как этноним, а как топоним. В Никоновской летописи при описании событий 1472 г. (поход князя Ф.Пестрого на Пермь Великую) упомянуты "**пермичи**" (Никоновская летопись, 1901, с. 148), но в значении – "жители земли Пермской". В "Послании митрополита Симона князю Матвею" от 22 августа 1501 г. "**пермичи**" упомянуты также в контексте "жители Пермской земли" ("...да и всем Пермичем, большим людем и меншим, мужем и женам, юношам и младенцем, всем православным христианом, новопросвещённым Господним людем всея области Пермския земли..." – Акты исторические, 1841, с.168). Но вот в начале XVI в. Вычегодско-Вымская летопись, дифференцируя население Прикамья по этническому признаку, употребляет термин "пермяки", отличая среди жителей "**пермяков**" и "**русаков**" ("Лета 7014 (1506 г.) пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю, в Усолъе на Камском варенцы пожегл, цырны разорив, а **пермяков** и **русаков** вывел

и посекал" – ВВЛ). К концу XVI в. имя "пермяк" стало этнонимом: экзоэтнонимом – использовавшимся в русских официальных источниках для наименования части народа коми, и эндоэтнонимом – так часть коми стала называть самих себя. Только последним можно объяснить, что свой эндоэтноним коми принесли за много верст от Предуралья – в Пустозерскую волость и в "Платежной переписной книге Поморской Пустозерской волости" 1573-1574 гг. различаются русаки и пермяки ("...а людей в них *русаков* и *пермяков* двести восемьдесят два человека..." – Платежная книга, 1573-1574, л.10). Термин "Пермяки" до сих пор является самоназванием коми-язьвенцев в Красновишерском районе Пермского края и зюздинских коми-пермяков (Афанасьевский район Кировской области).

Одновременно слово "*пермяк, пермяки*" выступает этниконом (этнохоронимом), т.е. названием местожителей, образованного от топонима (хоронима) "Пермь" – так именуют жителей города Перми и Пермского края (хотя, с точки зрения словообразования русского языка, более правильными были бы слова "пермичи" (ср. омичи, томичи, москвичи), "пермцы" (ср. – тюменцы, вологодцы) и даже "пермяне" (ср. – смоляне), хотя этот термин используется как технический термин, классификационный в лингвистике).

Имя "пермяк" носят не только жители города Пермь и Пермского края. Так себя именуют жители 10 деревень "Пермяки" в Кемеровской, Нижегородской, Кировской, Свердловской области, в Пермском крае и Татарстане; жители деревни Перемяки в Ленинградской области, жители села Пермского в Приморском крае и села Перемского в Добрянском районе Пермского края, когда-то так себя именовали и жители села Пермского на Амуре (осн. 18 августа 1860 г. выходцами из Пермской губернии), которое в 1932 г. стало городом Комсомольск-на-Амуре. Так за 900 лет своей истории имя "Пермь" совершило победный путь по России от Белого моря до Дальневосточного Приморья.

Литература:

Акты исторические, 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334-1598. – СПб.: тип-я экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. – №112. – С. 168-169.

Археология республики Коми, 1977. – Археология республики Коми. – М.: ДиК, 1977. – 758 с.: ил.

Белавин, 2005 – Белавин А.М. Археологические памятники Верхокамья в этнической истории народов Коми-Пермяцкого округа // Труды Института исследований языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Пермь: ПГПУ. 2005. Вып 1. с.105-126

Бубрих, 1947 – Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. – Петрозаводск, 1947.

ВВЛ – Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. Вып.4. – Сыктывкар, 1958.

Водовозов, 1972 – Водовозов Н.В. История древней русской литературы. – М.: "Просвещение", 1972.

Вострокнутов, 2011 – Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI-XV вв. Опыт картографического исследования с

применением климатических данных // Казанская наука. 2011. № 8. – Казань: Казанский издат. дом. – С.15-19

Грамоты, 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949.

Документы по истории коми, 1958 – Документы по истории коми // Историко-филологический сборник, IV. Вып.4. – Сыктывкар, 1958.

Ключевский, 2002 – Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 1. Лекция двадцать третья. – М: АСТ, Харвест. 2002.

Корчагин, 2013а – Корчагин П.А. Комплексное историческое изучение ранней истории Перми Великой и Перми Вычегодской: границы и городки // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской конференции с международным участием "XIX Уральское археологическое совещание". – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2013. – с.104-107

Корчагин, 2013б – Корчагин П.А. Пермь: "Что в имени..." // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2013. №4. – С.4-21

Корчагин, 2010 – Корчагин П.А. Шли крестьяне, за ними – государство // Соль. 2010, №3, с. 102-103

Кривошёкова-Гантман, 2006 – Кривошёкова-Гантман А.С. Краткий топонимический словарь // Кривошёкова-Гантман А.С. Собр. соч. в 2-х томах. Т.2. Ономастика. – Пермь, 2006.

Кунцевич, 1905 – Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. – СПб, 1905.

Лаврентьевская летопись, 1926 – ПСРЛ, том I. Издание 2-е. Лаврентьевская летопись. Л., 1926-1928 // Вып. 1: Повесть временных лет. – Л., 1926.

Московский свод – Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т.25. – М.-Л., 1949.

Никоновская летопись, 1901 – ПСРЛ. – СПб., 1901. Т.12

Новгородская 4-я летопись, 1848 – ПСРЛ. Т.4. – СПб., 1848.

Платежная книга, 1573-1574 – Платежная переписная книга Поморской Пустозерской волости книг письма и дозора Василия Галина да подъячего Степана Федорова 7082 г (1573-1574). – Архив РИИ РАН Ф.115, оп.1, Д.1174. – URL http://vk.com/topic-3689368_24951684 (дата обращения 15.01.2014.)

Савельева, 1971 – Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. – М.: Наука, 1971. – 224 с.

Савельева, Кленов, 1992 – Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожегское городище. Докл. на заседании президиума Коми науч. центра УрО РАН 9 янв. 1992 г. Препринт. – Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН. 1992. – 31 с.

Толочко, 1999 – Толочко А.П. Химера "Киевской Руси" // Родина. – 1999. – № 8. – С. 29-33.

Трубачев, 2005 – Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М.: "Наука", 2005. – 286 с.

Шахматов, 2001 – Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. – М., 2001

Багин А.Л., Кленов М.В.

(Институт языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, Сыктывкар)

**ПЕРМЬ ВЫЧЕГОДСКАЯ (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-
ВОСТОКА)**

Ключевые слова: Пермь, вымская культура, этноним, миф.

Пермь Вычегодская – термин для обозначения комиязычного населения проживавшего на территории Европейского Северо-востока в средневековье, предков коми-зырян. Вымская археологическая культура не являлась достаточной основой для формирования народа коми-зырян.

Bagin A.L., Klenov M.V. (Syktyvkar)

**PERM VYCHEGODSKAYA (ON THE PROBLEM OF STUDYING THE
MEDIEVAL HISTORY OF THE EUROPEAN NORTH-EAST)**

Key words: Perm, Vym archaeological culture, ethnonym, myth.

Perm Vychegodskaya is a term for the medieval Komi-speaking population of the European North-East, the ancestors of the Komi-Zyryans. Vym archaeological culture did not provide a sufficient basis for the formation of the Komi-Zyryans.

Пермь Вычегодская – термин, употребляемый в историографии для обозначения комиязычного населения, проживавшего на территории Европейского Северо-Востока в средневековье, непосредственных предков коми-зырян¹. Существующая к настоящему времени концепция этнокультурной истории региона рассматривает ее как постепенное непрерывное развитие на протяжении всего железного века локальных археологических культур, приведшее, в конечном итоге, к формированию современных коми (зырян). При этом, в соответствии с лингвистической моделью развития и членения пермской языковой общности, население Коми края сначала, в рамках ананьинской культурной общности, входит в ряд общей прапермской, затем, в III в. до н.э. – IV(V) вв. н.э., в рамках гляденовской КО – пракоми языковой общности, а в VI–X вв. (ванвиздинская АК) выделяется как предки коми (зырян). Термин "Пермь Вычегодская" отражает процесс окончательного размежевания пракоми языковой общности и дальнейший процесс формирования коми-зырян с XI в. Название это, согласно существующей концепции, содержится в документальных актах XV в.²

Следует отметить, что к настоящему моменту возникла необходимость внести ряд уточнений в существующую концепцию формирования населения Европейского Северо-Востока и, в частности, в содержание термина "Пермь Вычегодская" и его соотношение с вымской археологической культурой XI–XIV вв.

¹ В работах региональных исследователей термин «пермь вычегодская» часто заменяется другими – пермь, вымская археологическая культура, вымская культура перми вычегодской).

² Общий и достаточно детальный анализ существующих концепций этногенетических процессов на территории Европейского Северо-Востока содержится в ряде обобщающих работ Э.А. Савельевой и И.Л. Жеребцова (Савельева, 1997, 1999, 2005, 2007; Жеребцов, Рожкин, 2005).

Согласно сложившейся в российской медиевистике историографической традиции, первое упоминание перми (как народа) содержится в географической преамбуле к ПВЛ, датируемой началом XII в. В дальнейшем "**пермь**" упоминается в дипломатической переписке Новгорода Великого в списке принадлежащих ему волостей, то есть как область без указания этнической принадлежности ее населения. Следует подчеркнуть, что новгородские источники XII-XIV вв. не содержат данных о географическом положении волости, ее границах, внутренней дифференциации населения. Неясно, состояла ли в даннической зависимости от Новгорода вся огромная территория Перми XV в., или это была только ее часть. И если да, то какая именно и в какой период. Неясно даже, входил ли вычегодский край в эту волость или под новгородской пермью следует понимать "**станы пермские**" на р. Пинеге (Давыдов, 1972). Первые сведения, фиксирующие географическое положение перми, относятся к концу XIV или началу XV в., содержатся в житие св. Стефана Пермского, составленного Епифанием Премудрым (Житие Святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым, 1897)³. Следует упомянуть, что этот источник трактует географию и этнографию региона, согласуясь с особенностями агиографического жанра и существующей литературной традицией. Географическое описание пермской земли, например, приведено по образцу ветхозаветного описания Эдема:

10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11 Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

12 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.

13 Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш.

14 Имя третьей реки Хиддегель: она протекает пред Ассириею. Четвёртая река Евфрат (Бытие, 2:10-14).

Согласно тексту Жития, основные реки Перми разделяются на пограничные (обходящие землю) и собственно насельные ("проходящая всю землю пермскую сквозь ню, исходяща из земли пермской, яко течет в другую страну перми"). Таким образом, согласно описанию Епифания, пограничной рекой на западе и севере перми является Вымь, на юго-западе – Вятка или часть ее бассейна (с учетом области расселения удмуртов) (Низов, 1996, с.196), на юго-востоке – часть долины Камы, после которой она поворачивает к югу (т.е. собственно Пермь Великая). Опровергает тезис о распространении перми в этот период до устья Вычегды то, что Вычегда названа исходящей из перми и далее текущей по северной стране до впадения в Двину. При поездке в пермь следовало подниматься Вычегдой до собственно начала этой страны. Впрочем, конкретные границы перми в пределах нижнего течения Вычегды не указаны. Возможно, Усть-Вым была практически пограничным пунктом, а распространение коми населения на нижнюю Вычегду произошло позднее.

О дифференциации внутри перми можно судить, исходя из списка земель, стран и мест, проживающих в перми и около нее. Из контекста ясно, что "пермь" в понимании Епифания – не народ, а страна, историческая область, а пермяне –

³ Необходимо отметить, что авторского оригинала Жития Стефана неизвестно – до нас дошли лишь списки, созданные гораздо позднее. Самые ранние списки Жития датируются концом XV в. Издание Жития 1897 г. наиболее известно, считается «классическим» и, как правило, именно к нему обращаются все исследователи текста. Оно основывается на списке ГИМ Синодальной библиотеки датируемом первой половиной 70-х гг. XVI в. Однако и оно содержит много ошибок.

это население этой области вне точного этнического определения. Важным для автора является лишь то, что все они язычники. В данном источнике приведены общие границы области перми, нет данных о выделении вычегодского пермского населения в какую-либо отдельную, внутренне консолидированную группу.

Некоторая дифференциация (не этническая, а церковная и административная) вычегодского и камского бассейнов все же намечается в XV в. – Стефан учреждает пермскую епархию "на вырост" и крестит пермян на крайнем северо-западе страны, в северодвинском бассейне. После окончания миссионерской деятельности Стефана в 1396 г., дальнейшее расширение епархии приостановилось на 48 лет. Удора была крещена четвертым пермским епископом Питиримом в 1444 г., Пермь Великая – в 1455 г. (Древние рукописи о Перми вычегодской. 1997, с.87-88), дополнительно крещена в 1462 г. пятым епископом Ионой. Только через 79 лет после учреждения кафедры, епархия охватила всю пермскую землю, до того ограничивалась вычегодскими, а затем вычегодско-мезенскими землями. В 1451 г. "прислал князь великий Василий Васильевич на пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая, да за ним за Ермолаем да за сыном ево Василием правити *пермской землей вычегоцкою*, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил *на Великия Пермь на Чердынню*. А ведати им *волости вычегоцкие* по грамоте наказной по уставной" (Древние рукописи... 1997, с.88). Из документа очевидно, что разделение пермских земель по бассейнам носит административный характер, епархия к 1455 или 1462 г. объединяет всю область. "Перми вычегодской" как этнической единицы в источнике нет – есть *вычегодская земля* Перми как единица административного управления. То же самое положение характерно и для жалованных грамот Ивана III 1485 и 1490 гг. В жалованной грамоте 1485 г. "волостные люди пермяки *Перми Вычегодские земли и мesty* вычегжане, удорены, сысолены" (Древние рукописи. 1997, с. 73), в 1490 г. – "пожаловал... землями по Вычегде, и во всей *вычегодской земле*" (Древние рукописи... 1997, с.78). "Пермь вычегодская" появляется только в названии грамоты 1485 г., однако этот заголовок документу дан опубликовавшим его П.Г. Дорониным условно, в оригинале он отсутствовал.

Некоторая этническая консолидация вычегодско-удорско-печорского коми населения намечается только в конце XVII – XVIII вв., с появлением этнонима "зыряне". Сам этноним древнее – в документах XV в. он передан как сирьяне (Житие Стефана Пермского), крещенные сирьяне ужговские (Жалованная 1485 г.), однако это наименование относится лишь к группе в составе вычегодского населения – жителям ужговской волости верховий Сысолы и Камы. В период XVI-XVII вв. употреблялся, в основном, этноним "пермь", "пермяне". Этноним же зыряне возникает вновь только у Избранта Идеса в записках о русском посольстве в Китай 1692-1695 гг., также касается жителей волости Ужга (Древние рукописи... 1997, с. 119). В дальнейшем, в XVIII-XIX вв. этот этноним распространился на все вычегодско-удорско-печорское комязычное население (Цыпанов, 1990). Однако этот этноним внешний, распространяется среди русского, удмуртского, мансийского и ненецкого населения, соседствующего с коми. Коми-пермяки и коми-зыряне до настоящего времени имеют общее самоназвание и самосознание, этнографические, лингвистические, фольклорные различия двух народов невелики.

Таким образом, можно говорить, что этноним "пермь вычегодская" в исторических документах отсутствует, создан искусственно, стилизован под документальность и активно используется региональными исследователями.

Назначение этого этнонима в рамках существующей концепции непрерывного генезиса коми-зырян одновременно и дифференцирующее и консолидирующее – призвано выделить северо-двинских, и удорских коми из общего массива пермских народов и объединить отдельные группы этого населения в единый этнос.

Далее происходит распространение этого этнонима вглубь веков (по крайней мере, до XI в.) на носителей вымской археологической культуры. Отдельной аргументации для распространения названия на более раннее время не приводится, поскольку население, согласно существующей концепции, генетически преемственное, на него можно распространить и этноним⁴. Не вдаваясь в этническое и культурное содержание вымской АК, попытаемся рассмотреть вопрос о ее преемственности с позднейшим коми населением.

Как отмечает ведущий исследователь культуры Э.А.Савельева, погребения наиболее хронологически поздней выделяемой ею группы (XIII-XIV вв.), представлены, в основном, на Кокпомъягском могильнике. Отдельные вещи, время бытования которых доходит до данного периода, встречаются, по мнению Э.А. Савельевой, на Ыджидьельском, Вадъягском и Жигановском могильниках (Савельева. 1987, с. 164; Археология..., с.607). Эти памятники расположены компактной группой на участке долины р. Вымь протяженностью около 42 км, центром которой является Пожегское городище (памятник имеющий древнерусское происхождение, датируется XII-XIV вв.). Как отмечает Э.А. Савельева, в большинстве случаев, из-за широких датировок погребального инвентаря, невозможно разделить в этой группе комплексы XIII и XIV в. (Савельева, 1987, с. 163), т.е. следует считать, что количество погребений собственной XIV в. в этой группе крайне невелико. В поселенческих материалах этого периода предметы и объекты XIV в. также единичны. Очевидно, можно говорить о том, что данный период характеризуется резким сокращением ареала вымской культуры, сокращением численности населения региона (погребения, относимые к этой группе, очень немногочисленны, более поздним временем ни один комплекс датировать нельзя) (Кленов, 2005, с.39-40).

По мнению И.Л.Жеребцова и К.С.Королева (Жеребцов, Королев, 2007, с.11), численность населения Коми края в 1485 г. составляла 7-10 тыс. чел. (количество ясачных луков 1707, каждый из которых принимается за семью из 4-6 человек). При естественном приросте стабильного населения (около 1% в оптимуме, без периодов голода, эпидемий, войн и т.д.) население края могло удвоиться за 100 лет (Макаров, 1990, 1997; Макаров и др. 2000). То есть, к концу XIV в. население должно было составлять 3,5-5 тыс. чел., в конце XIII в. – 1,75-2,5 тыс. чел. При уровне смертности 3,5-4,5 %, количество умерших на заключительном этапе существования вымской культуры т.е. за период 1285-1385 гг. должно было составить от 5125 (смертность 3,5% от 1750 чел.) до 11125 (смертность 4,5% от 2,5 тыс. чел.) человек. Эти цифры отражают **не столько реальную численность населения и, соответственно, умерших и захороненных, сколько гранично возможные, наиболее оптимальные для концепции непрерывности показатели.** Даже и в этом случае, эта цифра в десятки и сотни раз превосходит количество погребений на действующих в это время могильниках вымской культуры⁵. Общее количество погребенных за весь период

⁴ Остается неясным, почему этноним не распространяется в существующей концепции и на более раннее время – до VI в. н.э., на генетическую основу вымской АК – ванвиздинскую культуру.

⁵ Даже с максимальным расширением этой группы за счет недатированных погребений.

существования культуры (XI-XIV вв., около 350-400 лет), на всех известных исследователям памятниках, составляет около 2100⁶.

Следует отметить, что к концу XV в. значительно расширяется и ареал расселения, включает в себя Удору и нижнюю Вычегду выше Сольвычегодска и устья р. Вилядь, долину рр. Сысола, Вишера. Заселенная территория включает районы, в которых памятники XI-XIV вв. вымской культуры неизвестны.

Таким образом, даже исходя из самых оптимальных для концепции непрерывности демографических подсчетов, становится ясно, что в коми крае в конце XIV – XV вв. происходит значительный приток населения извне. Доля наследников вымской культуры в этом новом населении очень невелика.

Прекращение вымской культуры связывается исследователями с христианизацией края, проведенной Стефаном Пермским в 1380-1396 гг. и сменой культурно-хозяйственного типа, приведшей к смене системы расселения. В то же время, вместе с прекращением вымской культуры отмечается и прекращение существования русских поселенческих памятников (Пожегское городище, Карыбйвское, Гуль-Чунь, Ыджыдьельское поселения), что сложно увязать с процессом христианизации. Изменения в культурно-хозяйственном типе мало влияют на расположение кладбищ – до сих пор деревенские кладбища в Коми крае располагаются в большинстве своем в тех же топографических условиях, что и средневековые. Для вымской культуры исследователи реконструируют комплексное хозяйство с животноводством, подсечно-огневым земледелием и перелогом (Савельева, 1997, с. 609). Принципиального изменения такого типа хозяйства не происходит и позднее (Очерки ..., 1955, с.81). Сравнивать систему расселения этнографических коми и вымской археологической культуры невозможно, поскольку до сих пор известно всего два поселения, определяемые как собственно вымские – Жигановское и Леваты. Христианизация коми, как уже указывалось, являлась длительным процессом, и началась лишь в конце XIV века. По археологическим же материалам, демографический кризис в регионе начался гораздо раньше, и к моменту "Стефанова крещения" вымская культура либо уже практически не существовала, либо находилась на грани этого состояния. О причинах демографической катастрофы можно только догадываться. Возможно, это было отражением естественных процессов, реконструированных Н.А.Макаровым для более раннего времени, для района оз. Кубенское и Белозерья, выражавшихся в относительно кратковременной концентрации населения вокруг русских торгово-ремесленных центров, бурном развитии поселений в связи с интенсивной эксплуатацией промысловых ресурсов. В дальнейшем, по мере истощения ресурсов, процесс роста населения замедлялся, ликвидировались торговые и ремесленные центры, население рассеивалось (Макаров, Захаров, Зайцева, 2000). Еще одним фактором, повлиявшим на резкое сокращение населения в Коми крае было похолодание XIV-XVI вв. (Жеребцов, Королев, 2007, с. 11). Возможно действие и иных факторов. В ходе любого из десяти военных конфликтов 1316-1389 гг. великих князей (тверских, московских) с Новгородом, русские поселения могли быть уничтожены одной из конфликтующих сторон или просто заброшены. Археологические исследования на наиболее крупном поселении этого времени, Пожегском городище, показали, что в XIV в. было начато строительство последней, самой мощной системы укреплений. Строительство, вероятно, было не завершено, деревянные конструкции сгорели, городище прекратило

⁶ Всего на территории Коми края известно примерно 2450 погребений первой пол. II тыс.н.э.

существование. Причины этого неизвестны. Поскольку русские поселения были системообразующими для вымской культуры (Кленов, 2005, с. 38), их исчезновение не могло не привести к ее значительной трансформации. Немаловажным фактором могли быть и две эпидемии 1352 и 1363 гг., отмечавшиеся в соседнем Прикамье (Белавин, Крыласова, 2008, с.508). Какие бы причины или совокупности причин ни вызвали прекращение существования памятников вымской культуры, ясно одно – происходила не культурная трансформация, а демографический коллапс. Таким образом, можно предполагать, что вымская культура не могла стать реальной (достаточной) основой дальнейшего формирования народа коми-зырян, распространение на вымскую культуру позднейших названий неоправдано.

Повторное заселение региона, видимо, связано с патронажной деятельностью пермских епископов (с 1380 г.) и удельных вымских князей (1451-1503 гг.). К концу XV в. жалованная грамота 1485 г., как отмечалось, фиксирует в вычегодской земле уже 1707 ясачных луков без учета жителей епархиальных селений.

Литература:

Археология..., 1997 – Археология Республики Коми. – М.: "ДиК", 1997. – 758 с.

Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск // Археология Пермского края. Свод исторических источников. Вып. 1. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.

Вычегодско-Вымская (Мисаило – Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. – Сыктывкар, 1958.

Давыдов, 1972 – Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к Московскому государству // Науч. докл., Коми фил. АН СССР. Вып.33. – Сыктывкар, 1972.

Доронин, 1958 – Доронин П.Г. Документы по истории коми.// Историко-филологический сборник. Вып.4. – Сыктывкар, 1958.

Древние рукописи..., 1997 – Древние рукописи о Перми вычегодской. – Сыктывкар, 1997. – 128 с.

Жеребцов, Рожкин, 2005 – Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми Крае (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2005. – 376 с.

Жеребцов, Королев, 2007 – Жеребцов И.Л., Королев К.С. Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие коми // Историческая демография. – М.-Сыктывкар, 2007. – С. 10-17.

Кленов, 2005 – Кленов М.В. Пермь вычегодская. К проблеме формирования населения Коми края в эпоху средневековья // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 2. – М.-Сыктывкар, 2005. – С. 33-42.

Макаров, 1990 – Макаров Н.А. Население русского Севера в XI-XIII вв. – М., 1990.

Макаров, 1997 – Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: "Скрипторий", 1997. – 386 с.

Макаров, Захаров, Зайцева, 2000 – Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е. Сельские поселения на Кубенском озере в XII-XIII вв. – от расцвета

к запуску // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций. Тезисы докладов. – М., 2000. – С. 65-72.

Низов, 1996 – Низов В.В. Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. – Сыктывкар, 1996.

Очерки..., 1955 – Очерки по истории Коми АССР. Т.1. – Сыктывкар, Коми кн. изд-во, 1955.

Перевозчикова, 2008 – Перевозчикова Г.П. К вопросу об особенностях обряда кремации коми-пермяков и коми-зырян в эпоху средневековья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Мат-лы Всеросс. науч. конф. – Ижевск, 2008. – С. 459.

Савельева, 1971 – Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. – М.: Наука, 1971. – 224 с.

Савельева, 1987 – Савельева Э.А. Вымские могильники. XI-XIV вв. – Л.: Наука, 1987. – 200 с.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская (XI-XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. Ч. 6, гл. 3. – М.:ДиК, 1997. – С. 561-650.

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI-XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. Ч. 6, гл. 4. – М.:ДиК, 1997. – С. 651-691.

Савельева, Истомина, Королев, 1999 – Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь-вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 299-349.

Савельева, 2005 – Савельева Э.А. Истоки народа коми // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 3. М. – Сыктывкар, 2005. – С. 3-32.

Савельева, 2007 – Савельева Э.А. Формирование этнической территории древних коми-зырян // Историческая демография. М. – Сыктывкар, 2007. – С. 18-25.

Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях. – СПб, "Глаголь", 1995. – 280 с.

Цыпанов, 1990 – Цыпанов Е. А. Зыряне – загадочный этноним // Родники Пармы. – Сыктывкар, 1990

Корчагин П.А.

(Отдел истории, археологии и этнографии ПНЦ УрО РАН, Пермь)

ПЕРМЬ МАЛАЯ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИМУЛЯКРА*

**Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-06-96002 р_урал_а «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде»*

Ключевые слова: Пермь Малая, Пермь Великая, Пермца, симулякр, энциклопедические словари XVIII в., А.А. Дмитриев.

Широко распространённый в современной научной литературе топоним «Пермь Малая» на самом деле не существовал, поскольку в исторических источниках не встречается. «Пермь Малая» есть симулякр, плод заблуждения составителей энциклопедических словарей XVIII в., образовавших географический неологизм на, казалось бы, логическом противопоставлении Перми Великой.

Korchagin P.A. (Perm)

MINOR PERM: HISTORY OF A SIMULACRUM

Key words: Minor Perm, Great Perm, Permtsa, simulacrum, encyclopaedic dictionaries of the 18th century, A.A. Dmitriyev

“Minor Perm”, a toponym widely spread in contemporary scientific literature, did not exist, because it was not used in historical sources. “Minor Perm” is a simulacrum, resulted from a delusion of the compilers of encyclopaedic dictionaries of the 18th century, who formed a geographical neologism on a seemingly logical opposition to the Great Perm.

"Дело в том, что исторические источники допускают значительную неопределенность и сбивчивость в употреблении слова Пермь – то без всяких определений, то с прибавлением “Великая”, “Малая”, “Старая”. Трудно подвести итог всему, что было высказано в разное время многими учеными относительно значения этих слов".

А.А. Дмитриев

Пожалуй, самым распространённым историко-географическим штампом относительно территории нынешней Коми республики является речевой оборот "Пермь Вычегодская (Старая, Малая)". Причём, он встречается как в популярных и краеведческих работах, так и трудах вполне серьёзных и уважаемых учёных.

Так, В.С. Чураков в работе 2008 г. о расселении пермских народов уточнял соотношение терминов *Малый* и *Великий* следующим образом: "Сам факт появления в конце XIV в. оппозиции Пермь Вычегодская (она же Пермь Малая) и Пермь Великая ясно указывает на направление колонизации: в подобных парах определение "великая" служит указанием на колонизируемый район, тогда как определение "малая" (или его отсутствие) указывает на исходную область колонизации" (Чураков, 2008, с.14). А И.В. Побережников в статье "Походы московских воевод в Северное Зауралье в XV-XVI вв." из "Исторической энциклопедии Сибири" (2009) писал: "В 1379 миссионер Стефан Пермский начал

просветительскую деятельность в Перми Вычегодской (Перми Малой, или Старой) среди коми-зырян, которых к концу XIV в. христианизировали" (Историческая энциклопедия Сибири, 2009, с.664). Автор настоящих строк также писал о паре Пермь Великая и Пермь Малая. В статье 2011 г. о пермских князьях он посчитал, что "Пермь Великая же была своеобразными "выселками" из Перми Малой, которые достаточно рано начали играть самостоятельную роль в силу стратегической важности расположения на пересечении нескольких водно-волоковых путей" (Корчагин, 2011, с.121).

И, казалось бы, всё ясно и правильно: Пермь – Вычегодская – потому, что расположена в бассейне р. Вычегды, Пермь – Малая – поскольку её надо отличать от Перми Великой, и Пермь Старая – так как была... Но ведь не было Перми Новой ... Как не было и Перми Камской... Почему мы вообще решили, что у Перми Великой должна быть какая-то топонимическая пара? И вообще, а была ли Пермь Малая?

Обратимся к справочной литературе... В "Уральской исторической энциклопедии" (1998) читаем: **"ПЕРМЬ ВЫЧЕГОДСКАЯ** (далее П.В.), назв. народа и земли в басс. р. Вычегды. В ист. лит-ре встречается второе наим. П.В. – Пермь Малая.

Впервые оно использовано, по данным В.Н. Татищева, в "Степенной книге". В "Повести временных лет" П.В. перечисляется среди народов, плативших дань Руси. В 1264г. П.В. называется новгородской волостью. В XIV-XV вв. земли П.В. постепенно попадают в зависимость от Моск. гос-ва; в 1333г. по договору с Новгородом кн. Московский стал получать дань с Вычегды и, наконец, в 1471г. Новгород полностью отказался от своего владения П.В. в пользу Москвы. В XIV в. П.В. называли только земли по р. Вымь, частично Вычегде. В XV в. П.В. делилась на 5 вол.: Удорскую, Вымскую, Сысольскую, Вычегодскую, Ужговскую. Адм. ц. – г. Усть-Вым. Др. крупные ц. – городки Еренский и Вожемская гора...

Назв. П.В. применительно к нас. басс. р. Вычегды существовало до XVI в. В XVII в. на этой тер. разместились Яренский и частично Сольвычегодский у. Тер. П.В. в осн. совпадает с границей распространения пам. вымской культуры, к-рая послужила ядром формирования народа коми" (Бординских, 1998, с.409-410).

Текст статьи сразу же вызывает вопросы. Во-первых, почему такая странная косвенная (через Татищева) отсылка к "Книге степенной царского родословия..."? Ведь именно в вопросе географии (в том числе пермской) Василий Никитич видел "Порок степенной. Оный сочинитель [степенной] много себя и других обманул. Перво надлежит выключить Померанию, которую хотя Славене владели, но Руские никак. Також и Чехи или Боемия, Польша, Мазовия, Моравия, Болгары, Казарь, никогда Руси подданными не были. Польский Князь Мешко, одновременны с Святославом, не токмо подданным России не был, но боле между Князьями Римской империи числялся (6.).

В. Поскольку сие так есть, то о Черемисах, Мордве, Перми, сколь оному сочинителю без страха погрешности поверить можно, всякому явственно" (Татищев, 1796, с.225-226).

Если же обратиться непосредственно к источнику, то выяснится, что в первой части "Степенной...", в главе 7 "Имена областям руским" в перечне читаем "Черемиса, Мордва, **Пермь**, Печера..." (Книга степенная, 1775, с.82) просто, без какого-то определения. В разделе о "О Питириме епископе..." говорится, что он "бысть **Перми** епископ" (Книга степенная, 1775, с.445). В главе 9 Стефан Пермский "вземь благословение у Святителя, и иде въ неверныя люди въ **Пермскую землю**" (Книга степенная, 1775, с.524), и на той же странице

встречаем цитату из Епифаньева "Жития...": "Се же имена иноязычнымъ странамъ и местомъ живущихъ около **Перми**: Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, **Пермь великая**, Гамаль, Чюсовая...". В остальных случаях речь идёт либо о "*пермском епископе*", либо о "*пермском языке*". Во второй части "Книги степенной" интересующий нас топоним встречается только раз. В главе 11 "О взятии **Перми**, и о куплении Ростова" речь идёт о походе 1472 г.: "... посла Князь Великий Князь Федора Пестраго воевати **Великия Перми** за их неисправление. Он же шедъ и взя **Пермь**" (Книга степенная, 1775, с.132). Т.е. названия Пермь Малая (Старая, Вычегодская) в "Книге степенной..." , увы, не встречаются.

Во-вторых, на чём основано утверждение, что именно Пермь Вычегодская (не просто Пермь) в 1264 г. "называется новгородской волостью"? В грамотах 1264 и 1304–1305 гг. дословно: "А се волости новгородские: Бежиче, Городец, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, **Колонперемь**, Тре, **Перемь**, Югра, Печера..." (Грамоты, 1949, с.9). Две разные *Перми*, но ни одной *Вычегодской*.

В-третьих, кажется весьма противоречивым утверждение автора статьи: "*В XIV в. П.В. называли только земли по р. Вымь, частично Вычегде*". Не логичнее было бы тогда назвать регион *Пермь Вымская*?

В-четвертых, если в источниках, указанных автором, мы не нашли термина Пермь Вычегодская, то можно ли утверждать, что "Назв. П.В. применительно к нас. басс. р. Вычегды существовало до XVI в."? Здесь, кстати, у автора ко всему ещё и логическая ошибка. Если до и после этого места в тексте речь идёт о Перми Вычегодской как о территории, то в данном предложении (раскроем сокращения для наглядности) он использовал топоним как этноним: "Название Пермь Вычегодская *применительно к населению* бассейна р. Вычегды...". Хотя А.С. Кривошекова-Гантман писала о слове '*Пермь*', что "с самого начала русские употребляли этот термин как этнотопоним, то есть как название народа и его территории" (Кривошекова-Гантман, 2006, с.177), но всё равно невозможно представить '*Пермь Вычегодскую*' в качестве этнонима.

Проще всего прояснить время появления и происхождение топонима Пермь Вычегодская, который появился, вопреки мнению автора энциклопедической статьи, достаточно поздно: "Лета 6887 [1379 г.] иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде *в землю Пермскую на Вычегду* на проповедь слова божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан у пермян на Пыросе и на Виляде и крести их святей вере" (ВВЛ, 1958, с.258). Обратим внимание, что топоним "*Пермь Великая*" известен русским источником с 1324 г., когда московский князь Юрий Данилович совершил свою последнюю поездку в Орду, "поиде... в Орду, а шел на *Пермь Великую* и поиде по Каме реке" (ПСРЛ, 1949, с.197), а, значит уже возникла необходимость различения двух разных "*Пермей*".

И с сер. XIV в. в Вычегодско-Вымской летописи мы встречаем уточняющие местонахождение конкретной "*Перми*" определения: "[1386 г.] лета 6894 ... поиде епискуп Стефан в Новгород, потому с Новугородом размирье. Стефан поклонился владыке и боярам новгородским, дабы дружинником новгородским не разорити впредь *Пермскую земли и епархия Вычегдоцкие* земли беречи. Отпущен владыко Стефан от Новугорода с милостию и с дарами" (ВВЛ, 1958, с.260). Или: "Лета 7063 [1555 г.] повеле князь великий Иван Васильевич на *Перми Вычегдоцкие* волостелем не быти, а волостелины доходы пооброчить деньгами. А в волостех учинити судеек, целовальников, сотеников, пятидесяцких и десятских по излюбю

и им управа чинити и волостные доходы взимати" (ВВЛ, 1958, с.265). Или же: "Лета 7119 [1611 г.] повелением князя Дмитрея Пожарского да Прокопья Ляпунова присланы с *вычегоцкие пермские мест* на Ярославль ратные люди 50 человек, а в Великие Пермь пятьдесят-ж" (ВВЛ, 1958, с.269).

Отдельная и сложная история с топонимом Пермь Малая. Попробуем проверить утверждение автора энциклопедической статьи относительно упоминаний этого термина в исторической литературе. В весьма уважаемой "Советской исторической энциклопедии" (1963) читаем: "**МАЛАЯ ПЕРМЬ** (Пермь Малая) – древнее назв. терр. в бассейне р. Вычегды и ее притоков (рр. Сев. Кельтма, Виледь, Локчим, Сысола, Вымь, Яренга), заселенной народом коми (см. Коми АССР)" (СИЭ, 1965а, стб.266-267). Всё ясно и чётко, правда, хотя, к сожалению, нет ссылки на источник или научную литературу. Удивление возникает после ознакомления с другой статьёй: "**ВЕЛИКАЯ ПЕРМЬ** – древнее название народа коми и занимаемой им территории (см. Коми АССР)" (СИЭ, 1963, стб.132). Выходит Малая Пермь и Великая Пермь суть одно: "См. Коми АССР"? В статье "**КОМИ АВТОНОМНАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА**" о Перми упоминается дважды. Один раз как о народности "перми (вычегодской) применительно к XI-XII вв., а применительно к XIV в. как о территории "Перми (Вычегодской)" (СИЭ, 1965, стб.557). Но нет никаких пояснений по поводу Малой или Великой Перми...

Казалось бы, в "Большом энциклопедическом словаре" подобной путаницы нет: "**ПЕРМЬ**, древнерусское название в 13-17 вв. исторической области от Уральских гор до рек Печора, Кама и Волга, населенной народом коми. Присоединена к русскому государству в 1478. *Пермь Великая* – территория современной Коми-Пермяцкой авт. обл. *Пермь Малая (Старая, Вычегодская)* – территория современной республики Коми". Зато есть другая путаница. Если верить словарю, то город *Пермь Великая Чердынь*, а также упоминаемые летописями в контексте похода 1472 г. (не 1478!) "городки" *Покча, Урос и Искор*, находящиеся в Чердынском районе Пермского края в пределы Перми Великой (*Коми-пермяцкой автономной области, ныне округа – П.К.*) не попадают.

Интересно, что в "Большой советской энциклопедии" (1940) нет статьи под названием "Пермь Великая" или "Пермь Вычегодская", но есть статья "Пермская земля", написанная М. Симховичем. О качестве этой публикации можно судить уже по первым строкам, где перепутано всё, что можно перепутать: "**ПЕРМСКАЯ ЗЕМЛЯ**, территория к З. от Уральских гор, между рр. Камой, Вычегдой и Печорой. С древних времен П. з. по Каме и Чусовой (*Пермь Великая*, или Чусовая) была населена пермяками, или пермью (заволоцкая чудь русских летописей, самоназвание – коми-морт), а по Вычегде (*Пермь Вычегодская*) – коми прыянами, или вычегодской пермью" (БСЭ, 1940, стб.100-101).

Весьма неточное описание местонахождения Перми в "Большой советской энциклопедии" заимствовано из другого энциклопедического словаря – Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В статье "Пермская губерния" читаем: "*История*. Пространство к З. от Уральских гор до рр. Печоры, Камы и Волги носило в разные времена разные названия: в глубокой древности – Биармия (т. VI, 26-27), в древних русских летописях и договорах – "*Пермь*", "*Перемь*", "*Пермия*". В писцовых книгах XVI и XVII вв., в государевых грамотах и других указах появляется название "*Пермь Великая*" – в смысле всей страны, и "*Пермь Великая Чередынь* (так в тексте – П.К.)" – в смысле названия главного города страны. В книге Большому Чертежу (1627) встречаются "*Пермь Старая*",

как название г. Усть-Выма, на р. Вычегде, и "*Пермь Малая*" или "*Пермца*", как название одной зырянской волости в Сольвычегодском крае...

С XVI в. начинает возвышаться над *Пермью Старой Вычегодской Пермь Великая*; в начале второй половины XVI века она насчитывала много богатых монастырей, хотя христианство стало распространяться здесь почти на столетие позже, чем в *Перми Вычегодской*, где первые три монастыря учредил еще св. Стефан" (Энциклопедический словарь, 1898, с.334-335).

Казалось бы, вот она – ссылка на источник происхождения названия Пермь Малая. Однако, увы, отсылка на "Книгу Большому Чертежу" оказывается несостоятельной. В "Книге..." *Пермь Великая* упоминается на с.138, а *Пермь Старая* (как город Усть-Вым) на с. 163, 164, 168 и 181, а *Пермь Малая* ни разу (Книга Большому Чертежу, 2009, с.218). Заметим, кстати, что топоним Пермь Старая упоминается только в данном источнике и только применительно к конкретному населённому пункту, следовательно, называть так область в нижнем течении р. Вычегды мы не имеем права.

Не отличались точностью в "пермском вопросе" и словари XVIII столетия. В "Географическом лексиконе..." Ф. Полунина читаем: "...*Великою* называется *Пермь* не токмо по великой ея обширности, но и потому, что есть в Соливычегодском уезде, одна сырянская волость под именем *Малая Пермца*, чем сверх сходства языков и доказывается, что Сыряне от Пермаков не различны, но что оба за один народ почитаемы быть должны. Живущие из них близко российских селений все знают и говорят по Русски, кроме жен их, коих способом Пермской язык и впредь в силе своей остаться может" (Полунин, 1773, с.245-247).

Фраза, встречаемая у М.Д. Чулкова в "Историческом описании российской коммерции" (1785) в разделе о сибирских торгах и товарах: "*Великою* называется *Пермь* не токмо по великой ея обширности, но и потому, что есть в Соливычегодском уезде, одна Сырянская волость под именем *Малая Пермца*, чем сверх сходства языков и доказывается, что Сыряне от Пермьяков не различны, но что оба за один народ почитаемы быть должны" (Чулков, 1785, с.481-483), практически дословно заимствована из "Географического лексикона Российского государства" Ф. Полунина.

В "Новом и полном географическом словаре Российского государства" в статье ПЕРМЬ, (подразумевался "*главный город наместничества сего имени*") встречаем очень похожий текст: "... главное оногo Воеводство было в Чердыни, по сему когда и грамоты от Государя писались в *Великую Пермь* к Воеводе имреку, разумелось в *Чердынь*; *Великою* же называлась не токмо по великой ее обширности, но для различия от находящейся в сей же области одной Сырянской волости, называемой *Малая Пермца*..." (Лексикон, 1788, с.77). На этой же странице *Малая Пермца* ещё к тому же и перечислена среди "безуездных знатнейших селений" Пермского (sic!) наместничества.

Вероятно, из этого словаря информация о том, что Малая Пермца это безуездный город, попала в географический труд с потрясающе длинным названием "Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, : С присовокуплением самаго древняго и учения о сфере, так же и начальнаго для малолетних детей учения о землеописании. : Российская империя описана статистически, как ни когда еще не бывало. : Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших лучших писателей, учеными россиянами". В её отдельно изданной четвёртой части в описании Азиатской России встречаем и характеристику Пермского наместничества, а в нём: "Знатнейшие безуездные селения сего Наместничества суть: *малая Пермца*, Пятигор, верхний и нижний

Чусовский, новое Усолъе..." (Новейшее повествовательное землеописание, 1795, с.92). Так из словаря в словарь кочвал текст, содержащий принципиально невозможный, дважды умалительный топоним **Малая Пермца**.

Надо сказать, что историки этот уж совсем фантазийный топоним не восприняли всерьёз. В.Н. Берх, служивший в 1811-1821 гг. в Пермской казённой палате, не признал существования названия "Малая Пермца", предлагая следующее решение проблемы: *"В отношении к Перми, остается мне еще прибавить следующее: полагают, что Великою названа она по своей знаменитости; но едва ли сие заключение справедливо. Может быть хотели только сим прилагательным отличить ее от малой Перми, Зырянской волости, которая находится ныне в Усть-Сысольском уезде. (**)* Щекатова Географический словарь В книге Большого Чертежа, или в древнем топографическом описании России, находим мы еще Старую Пермь, которая стояла на правой стороне реки Вычегды, от устья оной во 140 верстах" (Берх, 1821, с.70-71). Василий Николаевич, хотя и сослался на словарь, но, понимая бессмысленность двойного умаления Перми, написал часть названия со строчной буквы. Василий Николаевич вообще критично относился к составителям словарей и не только к ним: "Все почти Историки наши, сочинители Географических словарей, и Чулков, в плодovitом описании своем о Российской Коммерции, утверждают единогласно, или лучше сказать повторяют без всякого изыскания, что ныншняя Пермь, есть Биармия древних" (Берх, 1821, с.66).

Интересно, что в первом произведении П.И. Мельникова-Печерского, написанном по свежим впечатлениям от пребывания учителем истории в пермской гимназии (1837-1839), повторяется версия В.Н. Берха: "В землях, близких к бывшим новгородским владениям, известна только **зырянская волость Пермица**, да еще **Лузская Пермица** (в Вологодской губернии), упоминаемая не раз в древних грамотах — и только" (Мельников, 1898, с.21).

Но за пределами Перми несообразности на этом не закончились. Упоминание Перми Малой содержится в главе "Поездки скандинавов в Бярмию" из книги А.М. Стриннгольма "Походы викингов...", опубликованном 1859 г. в Чтениях ОИДР. В сноске к тексту "Выше Булгара начиналась земля Бярмийцев: главным складочным местом ее была великая, древняя Пермь,⁴⁴⁵ теперь Чердынь, небольшой и неважный городок на Колве, где остались еще развалины древнего города" читаем: *"Великая Пермь"*, название города в Русских летописях. Strahlenberg. **Малая**, ныне так называемая, **Пермь** лежит к югу от прежней, при впадении в Каму р. Чусовой" (Стриннгольм, 1859, с.227). При впадении в Каму р. Чусовой ныне находится современный город Пермь, основанный в 1723 г., так что гипотезу (на самом деле просто домысел) А.М. Стриннгольма принять просто-напросто возможно.

А.А. Дмитриев в первом томе "Пермской старины", доверяя авторитету предшественников, с некоторой исследовательской инерцией отождествлял Малую Пермь и Пермцу: "...*Пермь Малая или Пермца* – в смысле названия одной Зырянской волости в Сольвычегодском крае, упоминается в некоторых местных документах Московского периода в Вологодском крае" (Дмитриев, 1889, с.51).

Но уже во втором томе подробно проанализировал смысловое наполнение топонима "Пермь Малая": "... в Соль-Вычегодском уезде в XVII веке существовало две *Пермицы*, т.е. две зырянские волости, из коих одна находилась на р. Лузе и другая — на Виледи. Первая называлась *Лузская Пермица*, а другая — *Вилегоцкая Пермица*, Слово „Пермица“ произошло, несомненно, от древнего названия „Пермян“, которым во времена св. Стефана и позже безразлично

называли предков нынешних Пермских и Зырян. *) См. "Пермскую Старину" вып. I, стр. 10. Эти-то две одноименные волости с одинаковым населением и составляли ту *Пермь Малую*, которую наши историки предполагали где-то на Вычегде, видимо, не имея ясного о ней представления. Строго говоря, *в действительности никогда не существовало именно такого географического термина, придуманного нашими учеными в позднейшее время, в смысле логического антипода Перми Великой*, и по слепой традиции употребляемого ими и поныне **) В новейшем "Учебном атласе по Русской истории" г. Замысловского (СПб. 1887 г.) (Замысловский, 1887, карта 8; Замысловский, 1887а, с.30) опять указана *фиктивная Малая Пермь* с главным городом Усть-Вым. См. карту №8. Только этим логическим выводом позднейших ученых из факта существования Перми Великой я и могу объяснить происхождение названия Перми Малой. В самом деле, в виду существования Великой и Малой Руси, очень легко было допустить и существование Перми Великой и Малой – особенно при малом знакомстве с историей самой Перми Великой. Но Малой Перми *de facto* все-таки не оказалось, а употреблялось в старину только название „Пермцы” на р.р. Лузе и Виледи, в недалеком взаимном расстоянии...

Итак термин „Малая Пермь” просто следует оставить, как позднейшее измышление, и заменить его термином “Пермца”, приурочивая это последнее наименование только к небольшой части бассейнов Лузы и Виледи. Иначе, какая путаница понятий выходит из-за этой Малой Перми, обыкновенно приурочиваемой учеными к средней Вычегде и Усть-Выму! Если тут, в средоточии Вычегдской Перми, лежала Малая Пермь, то отчего же эти самые ученые почти всегда называют – и опять совершенно ошибочно – первосвятителя Перми св. Стефана Великопермским?

Не следует ли строго логически заключить, что раз св. Стефан жил в Малой Перми, то его и называть должно „Малопермским”? Но когда и где встречал читатель такое наименование пермского апостола? Вот до какой степени смутны и сбивчивы доселе понятия о *действительной древней Перми вообще, Перми Великой и Пермце!* И эта логическая несообразность так укоренилась и упрочилась в понятиях множества ученых, что её до сих пор никто даже не заметил! По крайней мере, в печати я ни разу не встречал указания на этот старый исторический абсурд, а, напротив, в каждой новой статье о Перми и св. Стефане опять встречаю его повторение, как встречал тысячи раз и прежде" (Дмитриев, 1890, с.41-43).

Столь обширная цитата из книги А.А. Дмитриева приведена нами лишь для того, чтобы подчеркнуть, что и через столетие с четвертью после того, как Пермь Малая была охарактеризована им как научное недоразумение, всё так же "смутны и сбивчивы... понятия" наши о Перми. Александру Алексеевичу, умершему в 1902 г., были недоступны появившиеся позже публикации многих русских летописей, иначе он, несомненно, прибег бы к такому пусть несколько тривиальному виду доказательства, каким является обоснование путём непосредственного обращения к фактам.

Пермь Малая не известна русским летописям, в которых встречаются только: "Пермь (Пръмь, Пермичи), племя Чудское и земля его (Пермская, Перемская, Великая Пермь)" (Указатель, 1907, с.336). В Никоновской летописи Пермь (с разными определениями) поминается весьма часто, но вот Малой Перми мы не отыщем: "Пермь (Пермь Великая, Пермь Чусовая), племя Чудское и его земля. IX — XIII, XV, 2, 5. X — 6832, 189. XI — 6891, 82; 6894, 87; 6899, 124, 126; 6904, 164, 165; 6906, 167; 6924, 231. XII — 6967, 74; 6976, 120; 6977, 122; 6980, 142,

143, 148; 6980, 150; 6992, 215; 6999, 223-225; 7000, 232; 7004, 241; 7009, 253; 7010, 255. XIII(1) — 7019, 14; 7028, 36; 7043, 85; 7047, 129; 7055, 151; 7059, 170. XIII(2) — 7066, 310; 7071, 363, 364; 7072, 378-381; 7074, 402, 403; 7053, 446; 7055, 453; 7059, 470. XIV — 54. Пермь Великая. Пермь Чусовая. См. Пермь" (ПСРЛ, 1918, с.238).

В Устюжских и Вологодских летописях XVI-XVIII вв. искомый топоним не встречается ни разу, есть только: "Пермская земля (Великопермская земля, Пермь) 48, 93, 107, 108, 114, 115, 134, 135, 171, 180. Пермь Великая (Пермь, Чердынь), г. на левом берегу р. Камы 46-48, 52, 90, 91, 95, 99, 135, 167. пермяки, жители г. Перми 49, 91, 95, 108, 115, 136" (ПСРЛ, 1982, с.223). Те же топонимы мы встречаем в Вологодско-Пермской летописи: "Пермь Великая, г. на лев. бер. Камы, к сев. от устья Вишеры, — до пожара 1535 г. — 224, 243, 244, 278, 289. Пермь, нар. — 3, 9, 11" (ПСРЛ, 1959).

Не найдём мы Малой Перми ни в Новгородской летописи (по списку Дубровского): "Пермская земля 199. Пермь Великая, племя чудское и его земля 11, 13, 145, 199" (ПСРЛ, 2004, с.257), ни в Новгородской четвертой летописи "Пермь (Пермь Великая, Пермская земля), племя и его земля. 2, 5, 347, 457, 465, 491, 513. — Пермская епископия. 471" (ПСРЛ, 1929, с.676), ни в Московском летописном своде: "Пермь Великая, г., = Чердынь (на лев. бер. р. Камы, к сев. от устья Вишеры, — до пожара 1535 г.), — 280. Пермечи, жит, Перми Великой — 296. Пермская земля, — 227, 296" (ПСРЛ, 1949, с.441). В Холмогорской летописи название Пермь никак не подразделяется, есть только: "Пермь (коми-зыряне), народ и страна 10, 11, 80, 90, 124, 128, 133, 149, 166, 168" (ПСРЛ, 1977, с.246).

И так далее, и тому подобное... Но раз топонима нет в источниках, то, без сомнения, не было и в природе, в жизни, в истории. "Пермь Малая" есть не что иное, как симулякр, *phantasma*, историографический нонсенс, вошедший в научный оборот "через заднее крыльцо", посредством энциклопедических словарей, составленных просвещёнными любителями. Замечательные русские писатели, переводчики и лексикографы XVIII в. Л.М. Максимович, А.М. Щекатов и Ф.А. Полунин, к сожалению, не были ни профессиональными историками, ни профессиональными географами. Их топонимические заблуждения, переходя из издания в издание, из века в век, стали настолько привычными, что оказались общепринятыми и казались объективными.

Уважение и доверие к авторитету предшественников, столь необходимые в исторических исследованиях, сыграли с исследователями весьма злую шутку. Они в большинстве своём воспринимали факт существования Перми Малой на веру, некритично, даже не пытаясь проверить, а встречается ли такой топоним в каких-либо иных источниках. И даже подробные разъяснения А.А. Дмитриева не смогли изменить привычное неверное мнение, что, однако, не убивает надежду, что хотя бы в XXI в., уже хорошо понимая причины заблуждения, мы сможем-таки избавиться от исторического привидения по имени Малая Пермь.

Литература:

Берх, 1821 — Берх В.Н. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. — СПб., 1821.

БСЭ, 1940 — Большая советская энциклопедия. Т.45. — М., 1940.

Бординских, 1998 — Бординских Г.А. Пермь Вычегодская // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С.409-410.

ВВЛ, 1958 – Вычегодско-Вымская летопись//Историко-филологический сборник. Вып.4. – Сыктывкар, 1958.

Грамоты, 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949.

Дмитриев, 1889 – Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.1. Древности бывшей Перми Великой. – Пермь, 1889.

Дмитриев, 1890 – Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.2. Пермь Великая в XVII веке. – Пермь, 1890.

Замысловский, 1887 – Замысловский Н.И. Учебный атлас по русской истории. 3-е изд. – СПб., 1887. – Карта 8.

Замысловский, 1887а – Замысловский Н.И. Объяснения к учебному атласу по Русской истории. – СПб., 1887.

Историческая энциклопедия, 1950 – Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.-Л., 1950.

Книга Большому Чертежу, 2009 – Историческая энциклопедия Сибири. Т.2. К-Р. – Новосибирск, 2009.

Книга степенная, 1775 – Книга степенная царского родословия. Ч.2. – М., 1775.

Корчагин, 2011 – Корчагин П.А. Очерки ранней истории Перми Великой: князья Пермские и Вымские // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Вып.1(15).

Кривощёкова-Гантман, 2006 – Кривощёкова-Гантман А.С. Краткий топонимический словарь// Кривощёкова-Гантман А.С. Собр. соч. в 2-х томах. Т.2. Ономастика. – Пермь, 2006.

Мельников, 1898 – Мельников П. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь// Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т.12. – СПб.-М., 1898.

Новейшее повествовательное землеописание, 1795 – Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, : С присовокуплением самага древняго и учения о сфере, так же и начального для малолетних детей учения о землеописании. : Российская империя описана статистически, как ни когда еще не бывало.: Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших лучших писателей, учеными россиянами. Ч.4. Об Азии во обще, о северной, средней, или верхней, и южной Азии; об Африке во обще, северной, средней и южной Африке, и об африканских островах; об Америке во обще, о северной и южной Америке; такожь о мало знаемых и частию ново-открытых землях; о море и корабле-плавании и о течении знатнейших рек, на земном шаре. / Изданием книгопродавца Ивана Глазунова ; – Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1795.

Лексикон, 1788 – Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды, города, крепости, редуты, форпосты, остроги, лесашные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы, соборы, церкви и монастыри, рудные и другие заводы и фабрики, реки, озёра и моря, острова и горы, прежние и новые иностранные поселения, обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной империи Российской в нынешнем её состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великой новоустроенном, с объяснением и тех мест, которые в прежние войны и прошедшую Турецкую, а некоторые прежде того и от Персии храбростию

Российскою или обладаемы были, или и ныне находятся ещё во владении, также и тех, которые в преславное настоящее Царствование с Белоруссией и с Полуостровом Крымом к России присоединены, из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный. Ч.4. О-Р. – М., 1788.

Полунин, 1773 – Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы, и прочие достопамятные места обширной российской империи, с объявлением и тех мест, которые в прежнюю и нынешнюю Турецкую войну, а некоторые прежде того и от Персии, Российскою храбростью овладаемы были... / собранные Ф. Полуниним, предисл. Г.Ф. Миллера. – М.: при Имп. Московском Унив., изд. Х. Л. Вебера. 1773.

ПСРЛ, 1918 – Указатель к Никоновской летописи//ПСРЛ. Т.14. Ч.2. – Пг. 1918.

ПСРЛ, 1929 – Новгородская четвертая летопись//ПСРЛ. Т.4. Ч.1. – Л., 1929.

ПСРЛ, 1949 – Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т.25. – М.-Л., 1949.

ПСРЛ, 1959 – Вологодско-Пермская летопись//ПСРЛ. Т.26. – М.-Л., 1959.

ПСРЛ, 1977 – Холмогорская летопись//ПСРЛ. Т.33. – Л., 1977.

ПСРЛ, 1982 – Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. // ПСРЛ. – Л., 1982.

ПСРЛ, 2004 – Новгородская летопись//ПСРЛ. Т.43. – М., 2004.

СИЭ, 1963 – Советская историческая энциклопедия. Т.3. – М., 1963.

СИЭ, 1965 – Советская историческая энциклопедия. Т.7. – М., 1965.

СИЭ, 1965а – Советская историческая энциклопедия. Т.8. – М., 1965.

Стрингольм, 1859 – Стрингольм А.М. Поездки скандинавов в Бярмию//Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн.4. – М., 1859.

Татищев, 1796 – Татищев В.Н. История российская. Кн.1. Ч.2. – М., 1796.

Указатель, 1907 – Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, изданных императорскою Археографическою комиссиею. Отд. 2. Указатель географический. – СПб., 1907.

Чулков, 1785 – Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т.3. Кн.1. – М., 1785.

Чураков, 2008 – Чураков В.С. К проблеме расселения пермских народов в конце I – первой половине II тыс. н.э. // Иднакар. 2008. № 1(3). – С.14. – [электронный ресурс]. URL: <http://www.idnakar.ru/>.

Энциклопедический словарь, 1898 – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.23. – СПб., 1898.

Список сокращений:

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ВВЛ – Вычегодско-Вымская летопись

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

СИЭ – Советская историческая энциклопедия

Крыласова Н.Б.

(Отдел истории, археологии и этнографии ПНЦ УрО РАН, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

НАЧАЛО "ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ" ПРИКАМЬЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПОЯВЛЕНИИ НОВОЙ ТЕРРИТОРИИ ПОД ИМЕНЕМ "ПЕРМЬ"*

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-06-96002 p_урал_a «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде»*

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха Средневековья, Древняя Русь, культурно-экономические контакты, начало древнерусской колонизации

В археологической литературе утвердилась точка зрения о том, что русская колонизация пермского Предуралья началась в XV в., а более ранние предметы древнерусского происхождения проникали сюда путем опосредованной торговли через Волжскую Булгарию и Вымскую землю. Однако анализ имеющихся материалов позволяет предполагать, что стихийное переселение славяно-финских представителей древнерусского населения на Пермскую землю началось уже в XII-XIII вв. и, возможно, именно их появление привело к существенным изменениям облика материальной культуры.

Krylasova N.B. (Perm)

THE BEGINNING OF THE "OLD RUSSIAN COLONIZATION" OF THE KAMA REGION AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF A NEW TERRITORY UNDER THE NAME OF "PERM"

Key words: Perm Cis-Urals, Middle Ages, Old Russia, cultural and economic contacts, beginning of the Old Russian colonization

The viewpoint that Russian colonization of the Perm Cis-Urals started in the 15th century and earlier artefacts of the Old Russian origin reached the territory by trade routes via Volga Bulgaria and the Vym land is widely spread in the archaeological literature. According the analysis of the material, spontaneous migration of Slavic and Finnish representatives of the Old Russian population to Perm territory started in the 12th -13th centuries and it is probable that their arrival influenced the changes in the local material culture.

Благодаря археологическим исследованиям средневековых материалов Пермского Предуралья, особенно активизировавшимся с середины XX в., достаточно аргументированно доказано, что с X в. население этой территории находилось в тесном взаимовыгодном сотрудничестве с крупным феодальным государством Волжская Булгария. Для Булгарии эта территория была привлекательна, прежде всего, как богатейший источник сырьевых (прежде всего, ценных мехов, металлов, соли) и людских ресурсов. Местное население через посредничество болгарских купцов получало разнообразные товары (предметы роскоши, оружие, продукты) из "дальнего зарубежья" (как это принято говорить сейчас), многочисленную продукцию ремесленных центров самой Волжской Булгарии, а главное, имело возможность приобщиться к культурным инновациям и политической жизни внешнего мира. Пока Волжская Булгария контролировала этот регион, для любых конкурентов, которых не в меньшей степени привлекали природные богатства Приуралья, доступ сюда был закрыт.

Тем не менее, первые древнерусские материалы начали появляться в Прикамье еще в период расцвета взаимоотношений с Волжской Булгарии – с начала XI в. Показательным в этом плане является Рождественский языческий могильник, сопровождающий одноименное городище, которое являлось болгарской торгово-ремесленной факторией, соотносимой с известным по письменным источникам городком Афкула (Белавин, Крыласова, 2008, с.499-501). На могильнике, изученная часть которого датируется X-XI вв., обнаружено несколько предметов, отражающих наличие древнерусских связей. Показателен обломок серебряного денария, по определению Р.Ф. Вильданова, англосаксонского пенни с титулом и именем Этельреда II Неблагоразумного, чеканенного в г. Вилтон между 1009-1017 гг. Находки подобных монет на территории Пермского края относительно редки, источником их поступления сюда, по мнению Р.Ф. Вильданова, являлись Новгородские земли (Вильданов, 2008, с.537-539). В комплексах XI в. присутствуют отдельные экземпляры спиральновитых и разомкнутых пластинчатых широкосрединных перстней, подковообразных фибул, бубенчиков, зоо- и орнитоморфных подвесок западных форм (Крыласова, 2013, с.110) (рис.1). К более массовому материалу можно отнести бусы древнерусского производства, приток которых наблюдается с начала XI в. (Абдулова, 2008, с.535). Самой уникальной находкой, безусловно, является серебряная трапециевидная подвеска из погр. № 37, на лицевой стороне которой парадное изображение трезубца Владимира Святославовича, на оборотной – знак в виде соединения молота Тора и меча, соответствующего реальным прототипам X в. (тип 9 по А.Н. Кирпичникову) (рис.1/9). Основываясь на наиболее аргументированной точке зрения А.А. Молчанова по поводу подобных подвесок (которых известно всего чуть более 2 десятков), подвеска с Рождественского могильника была истолкована как верительный знак, дававший право купцу торговать как на территории древнерусского государства, так и в скандинавских землях (Крыласова, 1995; Крыласова, 2000, с.234-236). Однако публикация этой находки вызвала в археологической литературе несколько неожиданный резонанс. К примеру, появились такие интерпретации: "Можно предполагать с большой долей уверенности, что данное погребение принадлежит княжескому дружиннику скандинавского происхождения... Его пребывание в данном регионе, когда колонизация северо-востока еще не началась, вряд ли объяснимо, если не учесть более ранние связи с верховьями Вятки и Камы" (Мельникова, 1999, с.85); "Прямых подтверждений о подчинении поволжских финнов Руси (исключая мери) равно как и даннических отношениях практически нет. Исключение составляет находка подвески с древнерусским княжеским знаком из Рождественского могильника, которая могла принадлежать представителю местной верхушки коми-пермяков, связанной торговыми и данническими отношениями с Русью" (Петрухин, Раевский, 1998, с.124). Но эти точки зрения пока никакими фактами из письменных источников не подтверждаются и являются вольными историческими фантазиями.

Разумеется, в это время еще вряд ли происходили какие-то инфильтрации западного населения, хотя нельзя исключать возможности появления здесь, к примеру, отдельных странствующих ремесленников. В частности, возможно, изделиями подобных мастеров могли быть наборные расчески с футлярами, относительно широко распространившиеся в X-XI вв. на прикамских городищах. Учитывая, что в целом древнерусские материалы в этот период представлены в Пермском Предуралье весьма скудно, сложно представить, что расчески являлись предметом импорта, поскольку продажа изделий из кости и рога не могла быть

выгодной, тем более на территории, где в изобилии имелись собственные изделия подобного рода. В связи с этим интересна точка зрения В.Е. Нахапетян (Флеровой), предположившей, что деятельность гребенщиков, судя по крайне незначительным остаткам производства, носила "коробейный" характер, свойственный для стадии перехода этого ремесла от домашнего к специализированному производству, являясь, по сути, частью импорта готовых изделий, а не собственно местным производством (Нахапетян, 1995, с.59), и деятельность странствующих ремесленников-гребенщиков привела к существенной нивелировке типов гребней и технологических приемов обработки рога по всей Европе (Флерова, 2001, с.144). При таком способе распространения составные расчески могли получить ту массовость, которую мы наблюдаем на памятниках Пермского Предуралья.

Вероятнее всего, единичные древнерусские изделия могли поступать либо через посредничество болгарских купцов, либо через представителей коренного населения, принимавших участие в торговле болгар по Волжскому пути. По мнению А.М. Белавина, болгары были основными торговыми партнерами жителей Предуралья в обмене с Русью и Севером Европы, а Камский торговый путь служил своеобразным ответвлением трансъевропейского Волжского торгового пути (Белавин, 2000, с.162). Находки характерных прикамских материалов к западу от Предуралья концентрируются преимущественно в местах, связанных с системой Волжского торгового пути. На основании этого можно предполагать, что определенные группы выходцев из Пермского Предуралья могли быть расселены в ключевых точках вдоль Волжского пути с целью обеспечения прохождения торговых караванов. Возможно, именно в результате непосредственного контакта с поволжско-финским населением в Предуралье распространились изделия, выполненные в подражание косоплетки, которые изготавливались по искаженной технологии, сочетающей плетение из проволоки и литье. Эта техника начинает превалировать в изготовлении прикамских украшений из цветных металлов с конца XI – начала XII вв. По мнению А.М. Белавина, распространение этой технологии могло быть связано не только с этнокультурным влиянием, но и с миграциями населения из волжско-финских земель в Пермское Предуралье (Белавин, 2000, с.148).

Очевидно, с последней четверти XI-XII вв. начинается постепенный приток в Пермское Предуралье западных переселенцев. Как отмечает Н.А. Макаров, уже в XI-XII вв. объектом древнерусской колонизации стали не отдельные компактные районы, а обширная территория между Финнмаркеном и Северным Приуральем с достаточно неопределенными границами (Макаров, 1997, с.15). Именно с этого времени первые сведения об уральских землях появляются в древнерусских летописных источниках. В.А. Оборин обобщил данные, полученные из этих источников, показав, что уже с конца XI в. новгородцы начали стремиться закрепить свое влияние в приуральских землях на территориях, в меньшей степени контролируемых Волжской Булгарией – к северу от Пермского Предуралья, в Перми, Печоре и Югре, и к западу на Вятке и Чепце. Северное Приуралье было обложено данью, в качестве которой новгородцы требовали пушнину и серебро (Оборин, 1990, с.61-63). На Вятской земле, судя по письменным источникам, в XII в. новгородскими ушкунниками были основаны два городка – Никульчин и Хлынов (Оборин, 1990, с.61-63). Владимиро-суздальские князья, стремясь не только воспрепятствовать дальнейшей болгарской колонизации Поволжья и Прикамья и приобрести контроль над волго-камским торговым путем, но и сдержать проникновение на восток новгородцев,

начали создавать опорные пункты на северных подступах к Уралу. В 1173 г. в устье р. Юг был заложен городок Гляден, рядом с которым в 1212 г. основан г. Великий Устюг (Оборин, 1990, с.63).

Но письменные источники фиксируют только отдельные эпизоды истории освоения приуральских земель выходцами с древнерусских территорий. Археологические материалы показывают, что процессы эти происходили более оживленно. К примеру, по археологическим данным, приведенным В.А. Обориным, в Вятской земле в реальности появилось не менее десятка русских поселений городского типа, заселявшихся как новгородцами, так и выходцами из ростово-суздальских земель (Оборин, 1990, с.61-63). На Вымской земле выделено четыре древнерусских поселения XII-XIV вв., при этом Пожегское городище, по мнению исследователей, на раннем этапе функционирования представляло собой опорный пункт сборщиков дани (Археология республики Коми, 1997, с.662-666), на могильниках процент древнерусского импорта возрастал от 35-38% в XII в. до 50-56% – в XIII-XIV вв. (Археология республики Коми, 1997, с.657). Как считает Э.А. Савельева, многочисленные находки древнерусских изделий свидетельствуют не только о существовании тесных торговых связей Перми с Русью, но и проникновении и оседании русских на Выми и Вычегде уже с XII в. (Савельева, 1987, с.173).

На территории Пермского края в XII-XIII в. не произошло каких-либо значимых событий, нашедших отражение в письменных источниках. Но это не означает, что сюда, как и на соседние земли, не начали проникать стихийные переселенцы из западных областей. Именно с XII в. начинается существенно меняться облик материальной культуры. Н.А. Макаров, исследуя процессы колонизации северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв., выделяет территории распространения определенных инноваций в виде элементов культуры разного порядка, от типов погребальных памятников до деталей женского костюма и различных бытовых вещей (Макаров, 1997, с.27, 31-45). Некоторые из этих инноваций в Пермском Предуралье могли появиться равнозначно как из Руси, так и из Волжской Булгарии (круговая керамика, проушные топоры, замки и ключи). Но такие предметы, как западноевропейские денарии, стеклянные бусы древнерусского производства, шиферные пряслица, плоские и полые зооморфные подвески, подковообразные фибулы, кресты-тельники и образки, стеклянные браслеты, несомненно, являются элементами древнерусской культуры. Наиболее полно этот материал обобщен А.М. Белавиным (Белавин, 2000, с.144-157) (рис.4). Большинство аналогий этим предметам представлено в новгородских материалах, на основании чего можно предполагать, что основной поток переселенцев двигался с территории Северо-Западной Руси. Возможно, с древнерусским влиянием связаны и иные инновации, например, распространение пашенного земледелия, появление новых технологических приемов в различных ремеслах, начало использования горизонтального ткацкого станка и пр. Пожалуй, наиболее показательным фактом присутствия каких-либо переселенцев с территорий древнерусского Севера на территории Пермского Предуралья является широкое распространение с конца XI-XII вв. разнообразных украшений из легкоплавких сплавов (преимущественно, свинцово-оловянистых), а также формочек для отливки этих изделий (Вострокнутов, Крыласова, 2012) (рис.3). О.А. Щеглова в ряде статей показала, что традиция литья изделий из низкотемпературных сплавов была заимствована раннеславянским населением Поднепровья и Побужья в VI в. н.э. из Подунавья. Простота изготовления и, вероятно, дешевизна этих вещей, обеспечивающая их доступность, способствовали их массовому

распространению. Традиция изготовления мелких свинцово-оловянистых украшений распространялась с юга на север на волне славянского расселения, достигнув европейского Северо-Запада, где свинцово-оловянистые поделки стали производиться в массовом количестве (Щеглова, 2002, 2004, 2005; Егорьков, Щеглова, 2000). Появление некоторых видов украшений из легкоплавкого металла в Пермском Предуралье, к примеру, колечек-нашивок (рис.3/1, 5, 6-8, 10-12, вряд ли можно объяснить распространением моды на них среди местного населения под влиянием западных импортов, поскольку сама традиция использования в костюме подобных нашивных украшений была чужда финно-уграм. В частности А.Е. Леонтьев, комментируя находки изделий и слитков из легкоплавких металлов на территории расселения мери, отметил, что их наличие отражает исключительно посредническую роль этой территории в торговле свинцом и оловом между странами Северной Европы и Балтии с Востоком, в то время как у финского населения Поволжья украшения из свинцово-оловянистых сплавов особой популярностью не пользовались (Леонтьев, 1996). По мнению О.А. Щегловой, распространение определенной технологии и сырья не тождественно переносу ремесленной традиции изготовления определенных изделий, которая иногда не может преодолеть этнических и культурных границ (Щеглова, 2002, с.138). Возникновение моды на украшения из свинцово-оловянистых сплавов обычно сопоставляется с волнами славянских переселенцев. Но в нашем случае речь идет о "древнерусской колонизации", которая, по выражению Н.А. Макарова, представляла собой "не расселение этнических славян, а движение колонистов, связанных с древнерусской метрополией, будь то славяне, финны или скандинавы" (Макаров, 1997, с.7). О.А. Щеглова подчеркивает, что изготовление изделий из свинцово-оловянистых сплавов не требует высокой специализации, поэтому появление формочек для их отливки на поселениях свидетельствует о движении населения, а не мастеров (Щеглова, 2002, с.146). При этом мало было наладить производство дешевых украшений, необходимо, чтобы они пользовались спросом (Щеглова, 2002, с.147). Следовательно, распространялись они либо в среде переселенцев, давно знакомых с подобными украшениями, либо, предположительно, среди местных жителей, испытывавших культурное воздействие переселенцев при непосредственном контакте с ними (Вострокнутов, Крыласова, 2012, с.106).

Н.А. Макаров, раскрывая причины начала древнерусской колонизации, отмечает, что в X-XI вв. наблюдался период быстрого роста населения на коренных новгородских и ростово-суздальских территориях, резервы для внутренней земледельческой колонизации в отдельных районах "центра" были исчерпаны, избыточное сельское население вынуждено было отходить на окраины, и земледелие становится важной составной частью хозяйственной деятельности на осваиваемых территориях (Макаров, 1997, с.162). Возможно, именно с этим связано появление в конце XI-XII вв. на землях Пермского края пашенного земледелия, которое, судя по распространению наконечников пашенных орудий, наиболее интенсивно развивалось в северных, как ни парадоксально, наименее пригодных для этого по природно-почвенным условиям районах (Сарапулов, 2011, с. 87), отражая вполне убедительно доказанное представление о том, что расселение проходило по северным речным путям с системой волоков, а древнерусские колонисты проникали в Прикамье через территорию Перми Вычегодской.

Еще более мощным стимулом для древнерусской колонизации являлись широкие перспективы пушного промысла. В условиях постепенного истощения

пушных ресурсов в центральных районах Руси, северная пушнина являлась мощной подпиткой для древнерусской торговли и существенным источником поступлений в государственную казну (Макаров, 1997, с.162). Но, вероятно, существовали и иные факторы, привлекавшие переселенцев в Прикамье. В частности, исследования средневековых поселений показывают обилие остатков медеплавильного и бронзолитейного производства. Сомнительно, что вся получаемая продукция была рассчитана только на местное потребление, хотя использование изделий из меди и медесодержащих сплавов в костюмном убранстве и в быту было чрезвычайно широким. На ряде крупных городищ и специализированных металлургических селищ обнаружены формы-изложницы для отливки слитков. Слитки как чистой меди, так и сплавов на ее основе могли представлять собой товарный металл, который использовался в качестве сырья литейщиками и выполнял функции денежного эквивалента. Результаты анализа серии образцов плавильных сосудов, исследованных в лаборатории кафедры археологии МГУ Н.В. Ениосовой, показали, что во всех тиглях и литейных формах представлен один вид сырья – свинцовая латунь. Латунь широко использовалась в Древнерусском государстве, особенно в северо-западных областях (Ениосова и др., 2008, с.133). Но в поисках источников поступления латунных сплавов в Восточную Европу исследователи никогда прежде не обращались к Уралу. Уже первые выборочные анализы прикамских материалов показывают, что исследование цветной металлургии региона с помощью современных методик открывает широкие перспективы не только для изучения ее эволюции, но и для оценки особенностей и масштабов прикамской торговли, в которой важное место, очевидно, занимала не только продажа пушнины, но и поставка товарного металла на рынки Восточной Европы (Крыласова, 2013).

Как уже упоминалось, наиболее обоснованной к настоящему времени является точка зрения о том, что проникновение древнерусских переселенцев на территорию Пермского края происходило через земли Перми Вычегодской. Причем уже с XI-XII вв. в Пермском Предуралье, особенно на северных памятниках, в большом количестве начинают появляться вещи (в том числе, керамика), характерные для Перми Вычегодской, что отражает процесс проникновения сюда населения коми незадолго до древнерусских колонистов или одновременно с ними (Белавин, 2000, с.148). В.А. Оборин считал, что ранние древнерусские вещи могли проникать в Прикамье в результате опосредованного торгового обмена не только через болгарских купцов, но и через вымские земли или при миграции небольших групп смешанного славяно-финского населения (Оборин, Мельничук, 1989, с.79-80), при этом находки на одних и тех же памятниках древнерусских и вымских вещей и керамики могут свидетельствовать о проникновении вымских и древнерусских переселенцев в едином потоке.

Анализ особенностей материальной культуры, как привнесенной переселенцами, так и местной, трансформированной под воздействием инноваций, позволяет судить о том, что на протяжении XII-XV вв. среди населения края усиливался финский этнический компонент. Возможно, что уже именно тогда эта земля начала именоваться Пермь (Пера маа) – самая дальняя восточная земля, освоенная на тот момент финским населением (учитывая, что путь в нее лежал через Пермь Вычегодскую). При этом подавляющее большинство переселенцев составляли язычники. На территории Пермского края пока не выявлено ни одного христианского могильника, датируемого ранее XVI в., известны только единичные находки нательных крестиков и образков

(Белавин, 2004, с.20-26). Таким образом, одной из причин исхода переселенцев с обжитых территорий могло быть и бегство от насильственной христианизации.

Со временем на фоне заметного сокращения количества родановских археологических памятников, доля материалов западного облика существенно увеличивается. А.В. Вострокнутов на основе картографического анализа средневековых памятников Пермского Предуралья в исторической динамике показал, что на протяжении периода с XI по XV вв. уменьшается количество территориальных групп поселений и могильников, а внутри групп наблюдается заметное уменьшение количества памятников. От 147 учтенных памятников XI в. к XV в. остается 20. Особенно существенное сокращение обжитых территорий произошло на рубеже XIII–XIV вв., в период похолодания климата, последовавшего за малым климатическим оптимумом. Следствием этому могли быть голод, болезни. Материальная культура этого периода становится более бедной, утилитарной, упрощается погребальный обряд. Связать "запустение" прикамских территорий можно и с монгольскими походами (середина XIII в.), и с последствиями чумы 1346 – 1350 гг. (Вострокнутов, 2011, с.16-17), с сокращением интенсивных торговых операций болгар по Камскому торговому пути.

Одним из самых поздних хорошо изученных памятников является Плотниковский могильник XIII-XV вв., расположенный в самом центре компактного расселения коми-пермяков в 2 км от г. Кудымкар. Его, вероятно, можно связывать с формирующимся коми-пермяцким этносом. В погребальном инвентаре этого могильника выделяется значительная доля вещей, имеющих аналогии в новгородских землях, что дает основание предполагать участие выходцев из Северо-Западной Руси в этногенезе коми-пермяков. Возможно, именно этим можно объяснить наличие множества северорусских параллелей в этнографических материалах коми-пермяков и очень близкий к северорусскому варианту фольклор.

Таким образом, к моменту начала в XV в. активной русской колонизации территории современного Пермского края, эти земли, во-первых, были уже частично освоены древнерусскими переселенцами (имя в виду смешанное славяно-финнское население Русского Севера), что создавало базу для дальнейшего переселения и освоения этих земель, во-вторых, плотность населения к этому времени существенно снизилась, и огромные уже частично знакомые жителям Северной Руси пространства с богатейшими природными ресурсами были готовы принять новых жителей.

Литература:

Абдулова, 2008. – Абдулова С.И. Бусы Рождественского комплекса // Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Приложение. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – С.515-135.

Археология республики Коми, 1997. – Археология республики Коми. – М.: "ДиК", 1997. – 758 с.

Белавин, 2004 – Белавин А.М. Археологические свидетельства проникновения христианства в Прикамье в 1 – первой половине 2 тысячелетий н.э. // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы 3 Халиковских чтений 27-30 мая 2004. Казань, 2004 . С. 20-26.

Белавин А.М., 2000. – Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 201 с. с илл.

Белавин, Крыласова, 2008. – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с., ил.

Вильданов, 2008. – Вильданов Р.Ф. Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Приложение. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – С.536-542.

Вострокнутов, 2011. – Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI-XV вв. Опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. № 8. – Казань: Казанский издат. дом, 2011. – С.15-19

Вострокнутов, Крыласова, 2012. – Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII-XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. История. № 1(18) – Пермь: ПГНИУ, 2012. – С.105-113

Егорьков, Щеглова, 2000. – Егорьков А.Н., Щеглова О.А. Состав свинцово-оловянистых сплавов раннесредневековых кладов "древностей антов" // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. – №4. – Київ, 2000. – С.56-61

Крыласова, 1995. – Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА, 1995. №2. – С.192-197.

Крыласова, 2000. – Крыласова Н.Б. Древнерусские изделия в материалах Рождественского могильника в Пермской области // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – С.232-241.

Крыласова, 2013. – Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X-XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. Вып.1 (21). – С. 104-115.

Леонтьев, 1996. – Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. – М.: Наука, 1996. – 411 с.

Макаров, 1997. – Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. – М.: "Скрипторий", 1997. – 386 с.

Мельникова, 1999. – Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы/ Е.А.Мельникова //Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. Казань: Мастер Лайн, 1999. – С.80-94.

Нахапетян, 1995. – Нахапетян В.Е. Некоторые особенности степного ремесла по данным рогообработки // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. – Самара: Сам. обл. историко-краев. музей, 1995. – С.59-62

Оборин, 1990. – Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. – Иркутск: Из-во Ирк. ун-та, 1990. – 168 с.

Оборин, Мельничук, 1989. – Оборин В.А., Мельничук А.Ф. Связи финно-угорских племен Прикамья со славянами в XI-XV вв. // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т.1. – М.: Наука, 1989. – С.79-81

Петрухин, Раевский, 1998. – Петрухин, В.Я., Раевский, Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998 – 386 с.

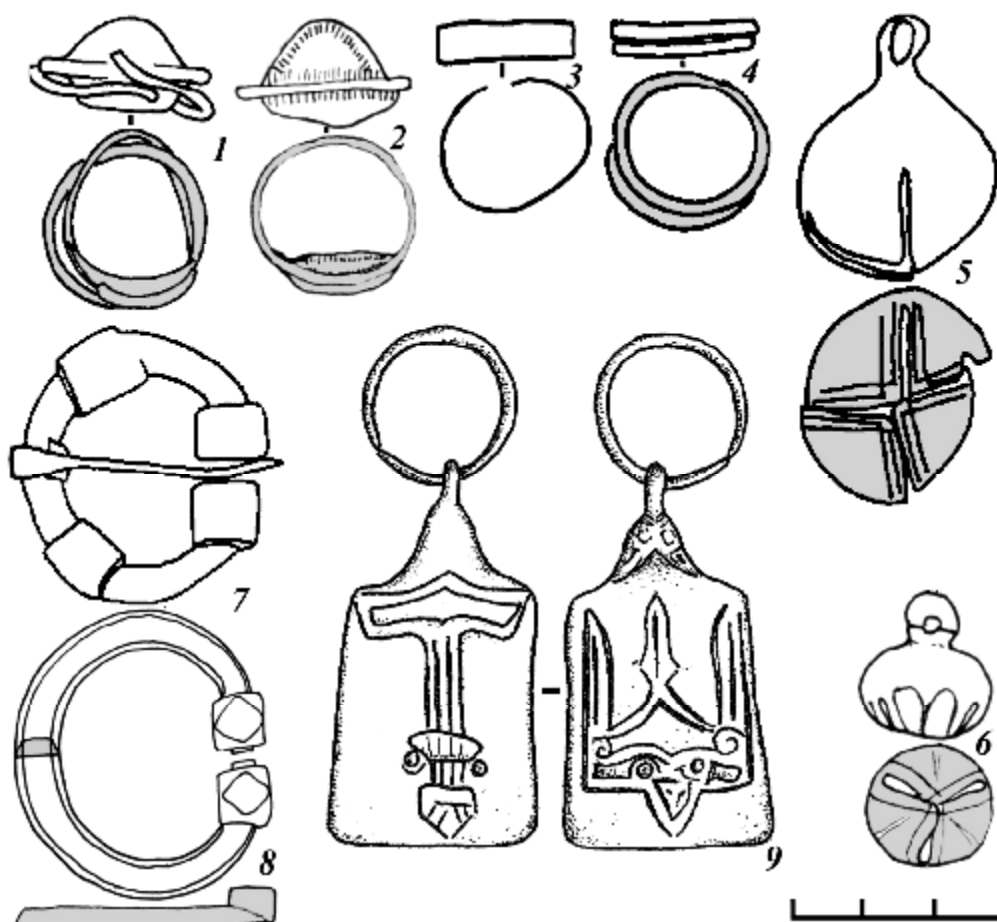
Сарапулов, 2011. – Сарапулов А.Н. Возникновение пашенного земледелия на территории Западного Урала в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Вестник Пермского университета. Серия "История". 2011. Вып. 1 (15). – С. 81-91.

Флерова, 2001. – Флерова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Балой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб.: "Алетейя", 2001. – 352 с.

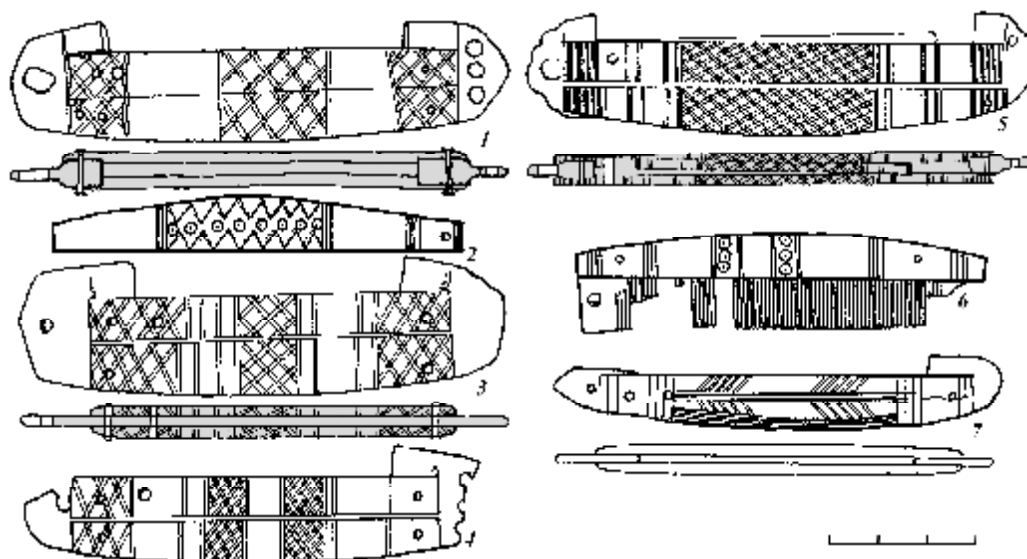
Щеглова, 2002. – Щеглова О.А. Свинцово-оловянистые украшения VIII-X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С.134-150

Щеглова, 2004. – Щеглова О.А. Изделия из свинцово-оловянистых сплавов с городища Никодимово // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции. – Гомель: НИИ ист. и культ. восточнославянских народов, 2004. – С.190-193.

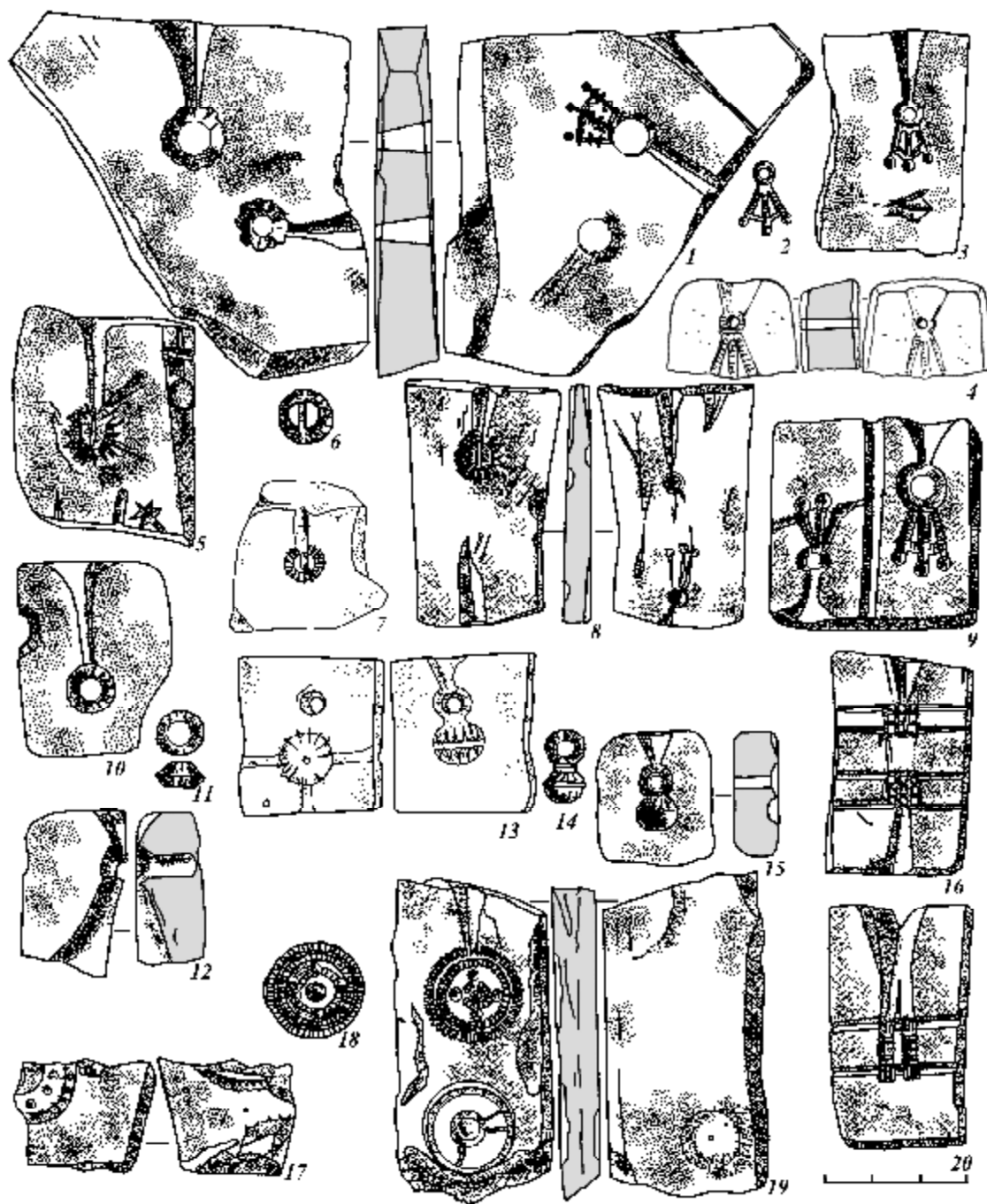
Щеглова, 2005. – Щеглова О.А. Набор свинцово-оловянистых бляшек с городища Кудеярова Гора из раскопок А.Е. Алиховой 1961 г. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции. – Курск: курский обл. музей археологии, 2005. – С.57-60

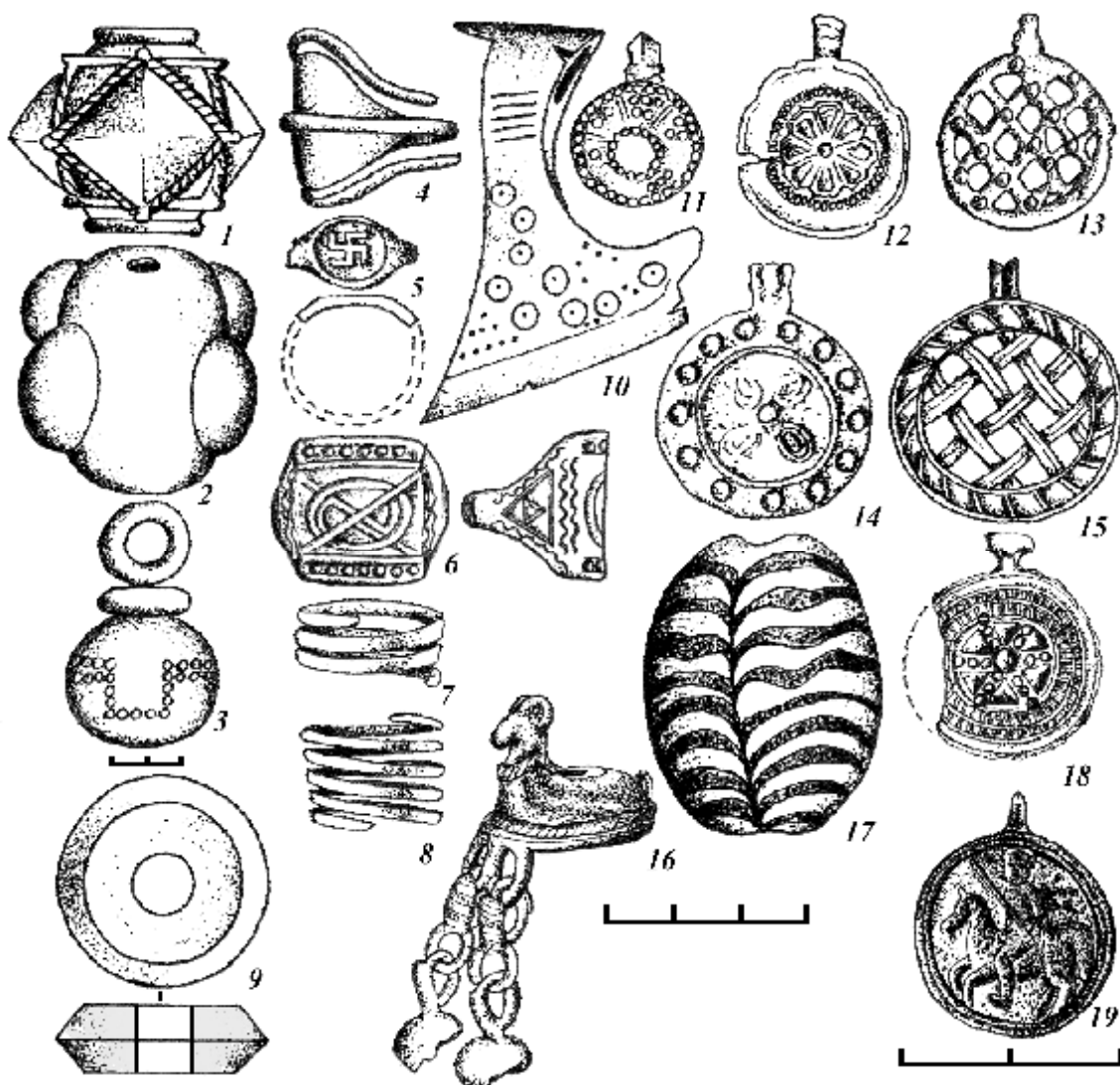
1 – Примеры находок X-XI вв. древнерусского происхождения. Рождественский могильник.

2 – Примеры костяных расчесок с футлярами X-XI вв. 1-2 – Роданово городище, 3-6 – городище Анюшкар, 7 – Рождественское городище

3 – Каменные литейные формы для изготовления изделий из легкоплавких сплавов и примеры отливок из них: 1 – Чашкинское II селище, 2, 4-5, 8-9, 12, 14-16, 19 – Рождественское, 3 – Купросское, 6, 13 – Саламатовское, 7, 20 – Кудымкарское, 10 – Шудьякар городища, 11 – Плотниковский могильник, 17 – селище Телячий Брод, 18 – могильник Телячий Брод.

4 – Примеры древнерусских изделий с памятников Пермского Предуралья (по А.М. Белавину): 1 – д. Модороб, 2 – д. Новосела, 3 – р. Лолог, 4 – д. Старица, 5, 11, 14 – селище Телячий Брод, 6 – Плотниковский могильник, 7-8, 16, 18 – Антыбарский могильник, 9 – Рождественское городище, 10 – Пермская губерния, 12 – м-к Телячий Брод, 13 – Аверинский могильник, 15 – д. Елева, 17 – городище Анюшкар, 19 – городище Искар

Подосёнова Ю.А.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ФИЛИГРАНИ ЮВЕЛИРНЫХ
ИЗДЕЛИЙ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ЭПОХИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***

** Материал подготовлен при поддержке проекта 050-М Программы стратегического развития ПГГПУ*

Ключевые слова: филигрань, ювелирные изделия, Пермское Предуралье, эпоха средневековья.

В предлагаемой статье представлен анализ филигрانی ювелирных изделий Пермского Предуралья эпохи средневековья. В статье дается характеристика, основные признаки филигрانی, хронологические особенности.

Keywords: filigree jewelry, Perm Urals, the era of the Middle Ages.

In this paper presents an analysis of filigree jewelry Perm Ural region of the Middle Ages. The article describes the basic features filigree chronological features.

Средневековые ювелирные изделия с филигранью с территории Пермского Предуралья уже давно привлекают внимание археологов. Исследователи при их изучении обращались к различным аспектам: от вопросов происхождения до смысловой нагрузки. Однако одна сторона до сих пор оставалась не затронутой – это технологическое изучение филигрانی, её видовое определение в ювелирных изделиях Пермского Предуралья. Игнорирование четкого определения видов филигранных приемов в работах исследователей (в том числе, и в ранних работах автора), а также неправильное определение видов филигрانی вводит в заблуждение не только самих авторов, но и исследователей, опирающихся на их выводы. Итогом может быть как неправильная интерпретация уровня развития ювелирного мастерства на определенной территории, так и неверное определение происхождения того или иного изделия или группы изделий, а в следствии этого – ошибочное определение направления этнокультурных и экономических контактов средневекового населения и т.д.

Исследователи отмечают, что определение способов изготовления филигрانی часто является сложной задачей, так как последующие технологические процессы (уплощение, пайка и т.д.) в значительной мере скрывают её фактуру (Жилина, 2001. С. 74). Несмотря на то, что многие ювелирные изделия с филигранью из Пермского Предуралья имеют большой размер сечения проволоки для филигранного декора (диаметр сечения 1–1,2 мм), частые случаи брака при пайке филигранного декора к основе (недопайвание некоторых элементов, позволяющее рассмотреть филигранную деталь со всех сторон; разрыв филигранного элемента, позволяющий посмотреть его сечение), случаи брака при изготовлении исходных элементов (например, следы от неровного отверстия в волочиной доске, отражающиеся на проволоке, из которой в последующем выполнялся филигранный декор), а также фрагментированное состояние многих изделий в некоторой степени "облегчают" процесс реконструкции способов изготовления филигрانی.

В данной статье обобщаются технологические данные об изготовлении проволоочной филигрании ювелирных изделий Пермского Предуралья, определяются характерные признаки разных видов проволоочной филигрании. Базой технологических заключений являются данные, полученные при визуальном изучении деталей проволоочной филигрании и выполненных экспериментальных образцов.

Применение проволоочной филигрании в изготовлении ювелирных изделий на территории Пермского Предуралья фиксируется в изделиях, датируемых концом VI – XIV вв.

Самой ранней среди филиграний является филигрань в виде штампованной проволоочки, которая впоследствии оставалась наиболее распространенной практически во все периоды средневековья (цв. вклейка, Рис. 1 - 1). В работах, содержащих описание ювелирных изделий Пермского Предуралья, можно встретить другие названия данного вида филигрании: рубчатая проволока, рубленая проволока, псевдоскань.

Штампованную проволоку получали путем накладывания штампа с прямыми насечками на проволоку или проходило круговое штампование проволоки. Н.В. Жилиной достаточно полно охарактеризованы признаки штампованной проволоки, встречающейся на украшениях Древней Руси. Данные признаки встречаются и в ювелирных изделиях Пермского Предуралья (Жилина, 2010. С. 45).

Хорошо отличимым признаком – индикатором штампованной проволоки – является наличие экваториального надреза, разделяющего отштампованное зерно на две половинки. Экваториальный надрез довольно часто встречается в штампованной проволоке на средневековых ювелирных изделиях Пермского Предуралья (цв. вклейка, рис. 1/2, 3).

Также одним из признаков штампованной проволоки является след сбоя штампуемого инструмента, выражающийся в наличие неотштампованных участков или в следах наложения штампов друг на друга (учащенный след) (цв. вклейка, рис. 1/5).

На концах отштампованной проволоки, а также на случайных разрывах, фиксируется только одна проволоочная заготовка круглого или прямоугольного сечения (цв. вклейка, рис. 1/3).

При сгибании штампованной проволоки внешний край отдельно отштампованных зерен растягивается, а внутренний – сжимается (цв. вклейка, рис. 1/4).

С X века в декорировании ювелирных изделий на территории Пермского Предуралья параллельно со штампованной проволокой начинает использоваться филигрань в виде сканной и торсированной проволоки (цв. вклейка, рис. 2/12). Атрибутирование данных видов филигранной проволоки на ювелирных изделиях является одной из трудных, но зачастую преодолимых задач (при наблюдении и знании характерных признаков).

Под понятием «сканная» понимается витая, скрученная из двух и более заготовок, проволока. Под понятием "торсированная" понимается скрученная вокруг своей оси проволока. Для определения вида – "скань" или "торсирование" – необходимо подтверждение или опровержение приема витья.

Фиксация приема витья происходит на основании индикаторных и косвенных признаков. Индикаторным признаком витья является наличие микрощелей между витками отдельных проволоочек. Микрощели фиксируются при увеличении как на объемной сканной проволочке, так и на уплощенной, а также как при слабом, так и при плотном витье (цв. вклейка, рис. 2/1-4). Отличительным признаком приема витья является фиксация двух проволоочных заготовок на конце филигранной проволоки, в местах случайного разрыва. Однако такая фиксация может про-

водиться не на всех ювелирных изделиях. Также может проводиться фиксация витков на основании каких-либо пороков проволоки (цв. вклейка, рис. 2/4). Например, след от неровного отверстия в волочильной доске, присутствующий на определенном промежутке проволоки, будет фиксироваться через виток.

Для приема торсирования в изготовлении ювелирных изделий Пермского Предуралья применялась граненая проволока, имеющая в сечении квадратную или прямоугольную форму. Торсированной округлой в сечении проволоки в ювелирных изделиях Пермского Предуралья пока не зафиксировано. И это понятно, так как торсированная округлая проволока не обладает при визуальном наблюдении таким декоративным эффектом, как скань и торсированная граненая проволока. Лишь при пристальном и сосредоточенном внимании, нередко при помощи увеличительных приборов, мы можем рассмотреть её минимальный декоративный эффект (цв. вклейка, рис.2/5).

Торсированная граненая проволока также имеет свои характерные признаки. Необходимо отметить, что она без применения увеличительных приборов практически неотличима от витой из двух проволочек проволоки (скани). При торсировании витки в проволоке продолжают, переходят друг в друга, а не чередуются через один (цв. вклейка, рис. 2/6) На концах или местах случайного разрыва фиксируется один конец проволоки с читаемым квадратным или прямоугольным сечением. Нередко в витке торсированной граненой филигрании наблюдается две плоскости (цв. вклейка, рис. 2/9-10).

Часто в ювелирных изделиях Пермского Предуралья применялась уплощенная филигрань – сканная или торсированная проволока проходила процесс вальцевания, уплощения (цв. вклейка, рис. 2/7, 11). В связи с тем, что фактура витья в результате уплощения бывает сильно сглажена, определение морфологии уплощенной филигрании также является одной из самых трудных и порой непреодолимых задач. Здесь необходимо наблюдать следы витков и их углы как на широкой плоскости, так и на торцевой стороне филигранной уплощенной проволоки. Так, на экспериментальных образцах заметно, что в сканной уплощенной филигрании вершины витков чередуются друг за другом, в торсированной граненой филигрании вершины витков следуют не сразу друг за другом, а после некоторого промежутка. Однако если витье или торсирование являются плотными такое различие можно и не уловить (цв. вклейка, рис. 2/8).

Необходимо отметить, что в определении видового приема филигрании может применяться и способ достраивания или моделирования следующего витка, предложенный Н.В. Жилиной. Суть его заключается в том, что при фиксировании углов наклона витков можно графически достроить шаг витка, проходящего по обратной стороне детали, который будет симметричен видимому. Достроенный шаг приведет либо в начало витка, расположенного через один от видимого – если проволочки две, либо приведет в начало витка, следующего за первым, так как проволока одна (Жилина, 2010. С. 41). И хотя исследовательница отмечает, что результаты данного метода являются предположительными, результаты последующего визуального анализа при помощи увеличительных приборов зачастую совпадают.

Первоначально скань и торсированная проволока использовались в тех ювелирных изделиях, где раньше применялась штампованная проволока. Они служили для прикрытия мест спаивания отдельных конструктивных деталей ювелирных изделий. Позднее, филигранная проволока разных видов не только маскировала места соединения отдельных деталей в сборных украшениях, но использовалась как отдельный декорирующий элемент.

С XI в. в декорировании ювелирных изделий Пермского Предуралья кроме скани, торсированной и рубчатой проволоки использовалась еще и гладь – некрученая уплощенная проволока различных сечений. Чаще всего гладь располагали между рядами филигранных проволочек (цв. вклейка, рис. 2/12).

Для изготовления штампованной проволоки, глади, сканного или торсированного декора ювелирных изделий Пермского Предуралья использовалась проволока разных сечений, в зависимости от размера изделия и задумки мастера по его декорированию. В основном применялась проволока круглого сечения от 0,7 до 1,2 мм. При применении филигранных элементов мастер должен был знать не только свойства металла (например, витые проволоки требовало постоянного обжига для предотвращения обрыва проволочек, должно было сохраняться равномерное натяжение проволоки), но и соотносить исходные размеры проволоки с получаемыми (скручиваясь, проволока укорачивается, при получении гладкой скани необходимого размера нужно было брать объемную скань из проволочек меньшего диаметра, толщина плющения зависела от сечения проволоки и т.д.).

Таким образом, в изготовлении ювелирных изделий прикамскими мастерами использовались различные приемы филигрании, которые свидетельствуют о высоком уровне развития мастерства. В дальнейшем необходимо определить истоки появления данных филигранных приемов на территории Пермского Предуралья.

Литература:

Жилина, 2001 - Жилина Н.В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. Москва: Наука, 2001. 247 с.

Жилина, 2010 - Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. Москва: ИА РАН, 2010. 260 с.

Адамов А.А.

(ООО "Сохранение археологического наследия народов Сибири", Тобольск)

СЕРЕБРЯНЫЕ ПЕРСТНИ С ЧЕРНЕНИЕМ БУЛГАРСКОГО ТИПА ИЗ ПРЕДУРАЛЬЯ

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, предуралье, перстни, серебро

В публикации предложена типология серебряных перстней, основанная на анализе сюжетов изображенных на щитках. Проведено детальное сравнение их с болгарскими изделиями. В заключении был сделан вывод о существовании пермского ювелирного центра по изготовлению перстней, который сложился при участии болгарских мастеров.

Adamov A.A. (Tobolsk)

SILVER FINGER-RINGS WITH BLACKENING OF THE BULGAR TYPE FROM THE CIS-URALS

Key words: archaeology, Middle Ages, Cis-Urals, finger-rings, silver

A typology of silver finger-rings, based on the analysis of the subjects depicted on the rings' bezels, is presented. Silver finger-rings are compared with Bulgar items. In conclusion it is assumed that there was a Perm jewellery centre for finger-ring production, which was formed with the participation of Bulgar jewellery masters.

Серебряные пластинчатые широкосрединные, черненные перстни – весьма привлекательная категория находок на территориях Средней Волги, Предуралья, Западной Сибири. Однако, обобщающих работ по этим перстням совсем немного. В большей степени "повезло" перстням, найденным на территориях, входивших в состав Волжской Булгарии. Их описанию и систематизации посвящены работы А.Ф. Лихачева (Лихачев, 1876), А. Кавки (Кавка, 1928), Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996), К.А. Руденко (Руденко, 2010).

Приуральских перстней опубликовано совсем немного. Это 11 перстней из Вымских могильников (Савельева, 1987, рис.34,4-15), три перстня из Рождественского городища (Белавин, Крыласова, 2008, рис.182,16,17; Белавин, 2000, рис.46,13), перстень из Плотниковского могильника (Белавин, 2000, рис.83,14), два перстня из могильника Телячий Брод (Белавин, 2000, рис.46,11,12).

По поводу центров производства этих перстней существуют диаметрально противоположные точки зрения. Перстням из Вымских могильников Э.А. Савельева находит многочисленные аналогии на памятниках Северо-Западной Руси и в Новгородской земле (Савельева, 1987, с. 129). Другая точка зрения, что подобные перстни изготовлены мастерами Волжской Булгарии (Федорова, 1991, с.8; Белавин, Крыласова, 2008, с.368,369). Н.В. Федорова выделила ряд школ в рамках болгарского центра черневого искусства (Федорова, 1991, с.7). Большинство перстней ею отнесено к школе 3, которая выделяется по наличию в декоре растительного орнамента, в частности, побега в виде трилистника, вписанного в медальон треугольной формы (Федорова, 1991, с.8). А.М. Белавин отметил, что щетковосерединные черненные перстни, характерные для волжских болгар, широко экспортировались в страны Севера. По форме

щитка, характеру орнаментации, способу нанесения черни болгарские перстни отличаются от древнерусских (Белавин, 2000, с.103,104). Третья точка зрения принадлежит К.А. Руденко, отметившему, что перстни с чернью, найденные в Прикамье, за редким исключением, по рисунку имеют мало общего с болгарскими (Руденко, 2006, с.106; 2007, с.289). Сравнение орнаментальных мотивов на черненых перстнях позволяет заключить, что сюжеты и композиция рисунков на этих изделиях на Средней Волге, в Прикамье и на Урале различны. Вероятно, развитие этих изделий шло своими путями и, возможно, их происхождение было разное (Руденко, 2010б).

Так с какими же центрами связаны найденные в Предуралье перстни: с Русью, Волжской Булгарией, или они поставлялись сюда из разных центров?

А может быть, это изделия местных мастеров, тогда в каких традициях они работали?

Семнадцать перстней, к тому же изданных в черно-белых рисунках и практически без описания, слишком малая выборка, по которой можно провести полноценный анализ. Может быть, правы А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, что этот вид украшений не пользовался популярностью среди местного населения Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, с.367). Однако, многочисленные "случайные" находки перстней, цветные фотографии которых широко представлены в интернете, не позволяют согласиться с этим утверждением. Из таких случайных находок, мы смогли ознакомиться с коллекцией из девятнадцати перстней. Все они найдены, насколько можно судить, в Пермском крае. Кроме того, на разных сайтах в интернете нами были найдены фотографии еще 32 перстней, которые можно связывать с Предуральем. Шестьдесят восемь перстней как раз и позволяют разработать классификацию и произвести полноценное сравнение с перстнями из других территорий.

Даже беглое сравнение перстней с чернением из Предуралья с древнерусскими изделиями показывает их существенные различия. Ни форма, ни орнамент русских перстней (Седова, 1981, с.129-137; Макарова, 1986, с.39-48; Сумина, 1999) не похожи не только на предуральские изделия, но и работы мастеров Волжской Булгарии.

Поэтому мы, прежде всего, будем их сравнивать с собственно перстнями Волжской Булгарии. Систематизация перстней Волжской Булгарии на достаточно широком материале предложена К.А. Руденко (Руденко, 2010а). За основу классификации была взята форма щитка, что усложняет работу с ней, так как сюжеты на различных по форме перстнях часто повторяются. Нами были проанализированы 53 перстня, представленные в работе К. А. Руденко, которые были дополнены 20 перстнями из коллекции исторического музея, опубликованными А. Кавкой (Кавка, 1928, табл.1,1-6), и четырьмя случайно найденными на территории Татарстана перстнями. Всего проанализировано 77 перстней.

Мы не будем рассматривать форму щитков, а проанализируем только рисунок на них. Всего нами было выделено 11 типов сюжетов, нанесенных на щиток черневых перстней Волжской Булгарии (табл. 1).

Таблица 1. Распределение типов перстней по регионам

Тип	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Волжская	23	28	7	4	4	3	2	2	1	1	2					
Булгария	29,9	36,4	9,1	5,2	5,2	3,8	2,6	2,6	1,3	1,3	2,6					
Предуралье		1	2	4	2	4			21	8		7	8	8	1	2
		1,5	2,9	5,9	2,9	5,9			30,8	11,8		10,3	11,8	11,8	1,5	2,9

Знаменатель - количество, Числитель - процент

Тип 1 – трилистник (крин), вписанный в круг с выступами; 23 перстня (Руденко, 2010а, рис.1,5). Тип 2 – с изображением сдвоенных трилистников, симметрично расположенных на плоскости щитка и разделенных пояском из линий, точек, косых насечек; 28 перстней (Руденко, 2010а, рис.1,29). Тип 3 – с изображением птицы; 7 перстней (Руденко, 2010а, рис.1,1). Тип 4 – с рисунком из двух симметрично расположенных растительных побегов, соединенных по центру; 4 перстня (Руденко, 2010а, рис.1,19). Тип 5 – из двух разнонаправленных соединенных растительных побегов; 4 перстня (Руденко, 2010а, рис.1,24). Тип 6 – из двух противостоящих полуколец, соединенных или переплетенных; 3 перстня (Руденко, 2010а, рис.1,17). Тип 7 – с изображением симметрично расположенных S-овидных побегов, разделенных пояском из косых насечек; 2 перстня (Руденко, 2010а, рис.1,27). Тип 8 – с изображением "цветка"; 2 перстня (Руденко, 2010а, рис.1,18). Тип 9 – с изображением переплетенных линий; 1 перстень (Руденко, 2010а, рис.1,26). Тип 10 – с изображением креста из двух переплетенных овалов; 1 перстень (Руденко, 2010а, рис.1,25). Тип 11 – не орнаментированные щитки; 2 перстня.

Анализ таблицы показывает, что наиболее распространенных сюжетов на болгарских перстнях было пять (типы 1 – 5), которые охватывают основную часть перстней – 85,8%. Причем основополагающими были только два сюжета (тип 1 и 2). Для болгарских перстней характерна и шестиугольная форма щитка (по подсчетам К.А. Руденко, чуть более 50%) (Руденко, 2010а, с.16). На боковых гранях, как правило, нанесен рисунок в виде галочки, значительно реже в виде треугольника или разделенного треугольника, единичные экземпляры орнаментированы трилистником. К.А. Руденко совершенно справедливо отметил, что треугольники первоначально могли означать растительный трилистник (Руденко, 2010а, с.18). Для болгарских перстней совершенно не характерны желобки, а разделение симметричного орнамента происходит орнаментальной лентой из параллельных линий, с мелкими ямками, наклонными прямыми или s-видными штрихами. Не так часто встречается (не более 15%) и золочение черного рисунка (Руденко, 2006, с.93).

Из 68 предуральских перстней 42 вполне укладываются в выделенных нами одиннадцать сюжетных типов (табл. 1). Единичными перстнями представлены типы 2 – 6. Тип 2 – 1 перстень из могильника Телячий Брод (Белавин, 2000, рис.46,11). Тип 3 – 2 перстня, один из Кичилькосьского 1 могильника (Савельева, 1987, рис.34,12). Тип 4 – 4 перстня, один обнаружен в Жигановском могильнике (Савельева, 1987, рис.34,4). Тип 5 – 2 перстня, один из Рождественского городища (Белавин, 2000, рис.46,16). Тип 6 – 4 перстня. Сюжетные типы 9 и 10 весьма многочисленны в Предуралье. Тип 9 – 21 перстень,

два найдены в Ыджыдзельском и один в Жигановском могильниках (Савельева, 1987, рис.34,6,7,9). Тип 10 – 8 перстней, четыре найдены в Вымских могильниках (Савельева, 1987, рис.34,5,13-15) и один в Рождественском городище (Белавин, 2000, рис.46,15).

Из 68 перстней 26 вполне укладываются в пять сюжетов, не имеющих аналогий в Волжской Булгарии (табл. 1).

Тип 12 – орнамент представлен двухсторонней плетенкой, каждая из которых заключена в прямоугольную рамку. Плетенки разделены выбранным желобком; 7 перстней, один найден в могильнике Телячий Брод (Белавин, 2000, рис.46,12). Тип 13 – основу орнамента составляет косой крест; 8 перстней, два известны в Вымских могильниках (Савельева, 1987, рис.34,8,11). Тип 14 – орнамент представлен четырьмя сильно стилизованными растительными побегам, расходящимися от центра щитка; 8 перстней – все из случайных находок. Тип 15 – по центру щитка нанесен орнамент, имитирующий витой шнурок из двух нитей; 1 перстень из Рождественского городища (Белавин, 2000, рис.46,13). Тип 16 – на щиток нанесен косой крест пересекающий круг; 2 перстня, один из Плотниковского могильника (Белавин, 2000, рис.83,14).

Даже беглый взгляд на таблицу показывает различие в распространении типов перстней в Волжской Булгарии и в Предуралье. Перстни типов 2 – 6 единичны в Предуралье, и, как можно было бы предполагать, являются изделиями болгарских мастеров попавших сюда путем обмена. Однако это верно только для двух типов: тип 2, к которому относится перстень из могильника Телячий Брод (Белавин, 2000, рис.46,11), для которого характерны все особенности, прослеживаемые на болгарских перстнях; импортными, болгарскими, являются и перстни 5 типа.

Из двух перстней 3 типа с изображением птицы, у одного (фото выявлено на одном из форумов) по краям щитка идут два желобка, что совершенно не характерно для болгарских перстней. Несколько сложнее с перстнями, на которых нанесен сюжет 4 типа. Их известно и в Волжской Булгарии, и в Предуралье одинаковое количество – по 4. Сравнительно невысок и процент их распространения на каждой территории. Пожалуй, для одного перстня из Предуралья, имеющего шестигранный щиток и укороченные боковые грани, на которые нанесен орнамент в виде "галки", можно твердо предполагать его болгарское производство, так как для Предуралья такая форма перстня не характерна. Остальные три перстня несколько отличаются в деталях от болгарских, выполнены грубее, что позволяет предполагать их местное производство. Поэтому мы считаем, что в Предуралье наряду с импортными изделиями могло сложиться и собственное производство перстней, на которых наносился рисунок 4 типа, хотя особой популярностью они не пользовались. У трех практически полностью идентичных перстней шестого типа, по краям щитка проходит золоченый желобок, что указывает на их местное производство.

Наиболее многочисленны в Предуралье перстни с сюжетами 9 и 10, тогда как в Волжской Булгарии они представлены единичными изделиями. При этом плетенка на болгарском перстне (Руденко, 2010а, рис. 1,26) сильно отличается от плетенки на Предуральских перстнях. Этот факт был отмечен еще К.А. Руденко, который писал, что "в вымских могильниках геометрический мотив "узла счастья" становится весьма модифицированным" (Руденко, 2010а, с. 14). Таким образом, 69,1% предуральских перстней (типы 9, 12-16) не имеют прямых аналогий среди болгарских изделий. Анализ таблицы показывает, что в Приуралье сложился вполне самостоятельный ювелирный центр, развивавший

собственные сюжетные орнаментальные традиции (типы 9, 12-14) в изготовлении серебряных черневых перстней. В Предуралье, вопреки устоявшемуся мнению, собственно болгарских перстней обнаружено совсем немного, мы насчитали всего 5 (7,7%).

Для перстней Предуральского ювелирного центра был характерен достаточно высокий уровень мастерства. Предуральские мастера изготавливали перстни в подавляющем большинстве с прямоугольным щитком и массивными удлиненными боковыми гранями, с ярко выраженными и заходящими далеко друг за друга внаклад концами. Щитки орнаментировались пятью основными сюжетами, встречающихся на 76,5% перстней. На боковых гранях, в отличие от классических болгарских, отсутствует мотив "галочки", а широко представлены разделенные треугольники или крин, вписанный в сердцевидную розетку. Достаточно часто линии орнамента золотились; особенно золочение характерно для типов 9, 13, 14. Орнамент на некоторых перстнях дополнялся рядами углубленных точек. Предуральские мастера выработали собственный прием в орнаментации – желобок, большей частью золоченый, который прослежен почти на 50% перстней. При этом желобок наносился не на все типы перстней. Его нет на распространенном 14 типе, а все перстни 13 типа имеют желобок. Весьма уникальны и характерны только для Предуралья перстни с сюжетом 14 типа. Этот тип возник, как нам кажется, из упрощения двух противостоящих друг другу сердцевидных розеток с крином. Изредка в Предуралье изготавливали по привозным образцам и собственные, очень похожие на импортные, образцы (часть перстней 3, 4, 6 типов).

Рис. 1. Типы сюжетов на черневых перстнях (номер соответствует номеру типа)

Таким образом, не приходится сомневаться, что в Предуралье сложилось собственное производство серебряных черневых перстней. Скорее всего, центр их производства находился где-то на севере Пермского края. Перстни из Предуралья весьма похожи на болгарские (что затрудняет их различие), но имеют ряд особенностей, поэтому правильнее относить к изделиям болгарского типа. Пермский (или Предуральский) центр по производству черневых перстней сложился при непосредственном участии болгарских мастеров. Насколько мы

можем судить, в отличие от болгарского центра, производство перстней здесь продолжалось и в золотоордынскую эпоху в XIII – XIV вв.

Литература:

Белавин, 2000 – Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.

Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.

Кавка, 1928 – Кавка А. Перстни Камско-Волжской Болгарии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете имени В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1928. Т. XXXIV. Вып. 1-2. – С.117-125.

Лихачев, 1876 – Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Болгарии // Труды II Археологического съезда. – Спб, 1876. Вып. 1.

Макарова, 1986 – Макарова Т.И. Черное дело Древней Руси. – М.: Наука, 1986. – 156 с.

Полякова, 1996 – Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань. 1996. – С. 154-268.

Руденко, 2006 – Руденко К.А. К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. 2005-2006, №9. – Казань, 2006. – С. 91-113.

Руденко, 2007 – Руденко К.А. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья – к вопросу о болгарском импорте // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург-Сургут, 2007. – С. 288-289.

Руденко, 2010а – Руденко К.А. Болгарское черное искусство: перстни: методическое пособие. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – 44 с.

Руденко, 2010б – Руденко К.А. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X – XV вв. по находкам художественного металла // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2010. – С. 357-360.

Савельева, 1987 – Савельева Э.А. Вымские могильники XI – XIV вв. – Л.: Изд-во "Ленинградского ун-та", 1987. – 200 с.

Седова, 1981 – Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). – М.: Наука. 1981. – 196 с.

Сумина, 1999 – Сумина А.И. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. – М. 1999. Вып. 111. – С. 167-189.

Федорова, 1991 – Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1991. – С. 5-10.

Журбин И.В.

(Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск)

**ПРИМЕНЕНИЕ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ
СТРУКТУРЫ И ГРАНИЦ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ***

**Исследования выполняются при финансовой поддержке РФФИ, грант 11-06-00213а*

Ключевые слова: Геофизика, городище, границы и структура поселения, оборонительные сооружения.

Междисциплинарное изучение оборонительных сооружений средневековых городищ Иднакар, Учкакар, Гурьякар, Садейкар и Рождественского позволило восстановить изменение конфигурации поселений.

Zhurbin I.V. (Izhevsk)

**APPLICATION OF GEOPHYSICAL METHODS TO THE ESTIMATION OF
STRUCTURE AND BORDERS OF FORTIFIED SETTLEMENTS**

Key words: Geophysics, ancient settlement site, settlement boundaries and structure, fortified constructions

Interdisciplinary study of fortifies constructions of medieval sites of the ancient settlements of Idnakar, Uchkakar, Guryakar, Sadeykar and Rozhdestvenskoe has allowed to reconstruct the changes in the settlements' configuration.

Реконструкция процессов развития древних поселений невозможна без всестороннего изучения системы обороны. Информация о расположении линий укреплений и параметрах оборонительных сооружений (форма, размеры, технология возведения и пр.) является основой для определения границ поселений, изучения планировочной структуры в целом, а также конфигурации и относительной хронологии формирования их структурных частей.

Очевидны две основные проблемы, возникающие при изучении системы укреплений. В первую очередь – существенные трудозатраты раскопок оборонительных сооружений. Следовательно, изучение традиционными археологическими методами каждой линии обороны по всей длине практически невыполнимо. Вероятно, поэтому специальные исследования системы укреплений являются, скорее, исключением, чем правилом, а информация об оборонительных сооружениях приводится по единичным разрезам. Вторая проблема связана с тем, что некоторые линии укреплений разрушены в древности или практически уничтожены в результате поздней хозяйственной деятельности. Указанные обстоятельства определяют необходимость использования геофизических методов для предварительного поиска оборонительных сооружений.

В практике применения геофизических методов при изучении объектов историко-культурного наследия выразительные результаты получены при выявлении погребенных остатков каменных конструкций: фундаментов башен и стен, подземных ходов и других элементов фортификационных сооружений

(Слепак и др., 2004; Слукин, 1988; Эпельбаум и др., 2006). Учитывая высокую контрастность физических свойств камня по отношению к грунту, используется практически весь спектр геофизических методов: электроразведка, магниторазведка, сейсморазведка, георадарная съемка и пр. Исследования земляных оборонительных сооружений в большинстве случаев направлены на выявление линий укреплений, которые визуально не прослеживаются, например, засыпанные рвы и сглаженные распахкой валы (Домбровский и др., 1962; Молодин и др., 2004, с.264-266; Скакун, Тарасов, 2000; Тибелиус, 1995). Спектр используемых геофизических методов не так широк: магниторазведка, электроразведка и высокочастотное электромагнитное зондирование. В некоторых случаях применение различных модификаций электроразведки позволило восстановить форму сохранившейся части укреплений, их структуру и оценить состав грунтов (Бобачев и др., 2006; Дьяченко и др., 1999; Станюкович, 1997, с.24-25).

Отличительной чертой подхода, применяемого геофизической экспедицией Физико-технического института УрО РАН (г. Ижевск) при изучении средневековых укрепленных поселений Прикамья, является предварительная "планиграфическая" геофизическая съёмка всей вероятной территории распространения культурного слоя (площадное электропрофилирование, магниторазведка). Анализ геофизической карты позволяет предварительно определить границы поселения и его структурных частей, в общих чертах восстановить планировку и выявить "скрытые" оборонительные сооружения. Для уточнения геометрических параметров валов и рвов проводятся исследования методом электротомографии – "стратиграфическая" геофизическая съёмка. Эффективность такого подхода доказана при изучении средневековых городищ бассейна р. Чепцы (Иднакар, Учкакар, Гурьякар, Садейкар) и Рождественского городища на Верхней Каме, что позволило выявить общие тенденции и характерные особенности формирования планировочной структуры.

С точки зрения выявления границ поселений и оценки их структуры наиболее интересные результаты получены при решении следующих задач:

1) Выявление и оценка конфигурации линий оборонительных сооружений, которые были реконструированы (выровнены) в древности и в настоящее время визуально не фиксируются (внутренние линии оборонительных сооружений городищ Иднакар и Учкакар).

2) Восстановление расположения участков укреплений, уничтоженных в результате поздней хозяйственной деятельности (Рождественское городище, городища Учкакар и Гурьякар и Садейкар). Обычно такие объекты выражены в рельефе фрагментарно и неоднозначно.

3) Оценка формы, размеров и структуры сохранившихся оборонительных сооружений (Рождественское городище, городища Иднакар и Учкакар).

Выявление оборонительных сооружений, реконструированных в древности

На *Солдырском I городище Иднакар IX-XIII вв.*, одном из наиболее крупных поселений Прикамья эпохи средневековья, визуально фиксируются два мощных вала: внешний – ограничивает территорию городища, а средний делит его на две примерно равные части. Внутренняя линия укреплений в рельефе не выражена, выявлена в результате раскопок и комплексных исследований (Иванова, 1998). Исходя из результатов археолого-геофизических исследований, можно предположить, что вал внутренней линии оборонительных сооружений представлял собой достаточно однородный массив глины длиной не менее 84 м. В целом форма вала в профиле на всем его протяжении практически неизменна:

близкая к вертикальной внутренняя сторона и пологий наружный склон. Ров практически полностью заполнен глиной, вероятно, срезанной при позднем выравнивании этой линии укреплений (Иванова и др., 2013, с.110-111, рис.3-4). Результаты геофизических исследований хорошо согласуются с археологическими данными. Как показали раскопки 1993 и 2007-2009 гг., вал имел форму трапеции шириной основания около 6 м, шириной в верхней сохранившейся части – 3,4-3,8 м, высота сохранившейся части насыпи 0,9-1,3 м. С внутренней стороны вал оставался практически вертикальным, благодаря стенкам срубов.

Аналогичная ситуация наблюдается и на другом городище чепецкой археологической культуры – *Кушманском городище Учкакар* IX-XIII вв. Это самое западное, пограничное укрепленное поселение и центр средневекового микрорегиона. Городище расположено на правом берегу р. Чепцы, на мысу, площадка имеет подтреугольную форму. В настоящее время на поселении визуально прослеживаются две линии обороны. Анализ геофизических данных позволяет утверждать, что внутренняя часть городища, расположенная на стрелке мыса, была ограничена линией укреплений дугообразной формы длиной около 50 м, включающей вал (ширина – около 10 м, высота сохранившегося основания вала от поверхности материка – до 0,5 м) и ров (ширина 6-8 м, глубина более 1 м). Вал и ров в рельефе не выражены, но контур рва однозначно выявляется методами электроразведки и магниторазведки. Данное предположение подтверждено раскопками 2013 г.

Таким образом, междисциплинарные исследования Иднакара и Учкакара позволили получить принципиально новую информацию о планировке поселений: эти центры округа чепецкой археологической культуры имели трехчастную структуру.

Восстановление расположения участков укреплений

Геофизические исследования *Рождественского городища* IX-XIV вв. проводились на двух разноплановых участках линии укреплений: на разрушенной части (вал срезан для прохода сельскохозяйственной техники на площадку городища) и на сохранившихся участках оборонительных сооружений (см. ниже). На разрушенном участке основание вала однозначно фиксируется на геофизической карте как линейная область низкого сопротивления. Форма и ориентация этой аномалии сопротивления соответствует общей конфигурации сохранившейся части вала городища. При этом по данным электротомии возможна оценка расположения и размеров ядра вала: ширина глиняного основания – 10-11 м, высота сохранившегося основания вала от поверхности материка – до 0,5 м. Ров на участке исследований не выявлен, что согласуется с результатами археологических исследований (Белавин, Крыласова, 2008, с.79-82). Аналогичные результаты получены при исследовании внешней линии укреплений *Кушманского городища Учкакар*, где прослеживается проход между краем площадки и валом шириной около 10 м.

Площадка *Гордицкого I городища Гурьякар* IX-XIII вв. много лет распахивалась, в результате чего оборонительные сооружения в рельефе практически не выражены: высота валов 0,1-0,4 м, а глубина рва в центре внешней линии (остальные рвы визуально не фиксируются) – 0,1-0,5 м (Иванов и др., 2004, с.119-120). Раскопки укреплений не проводились, следовательно, их расположение и размеры определены достаточно условно. Электротомические исследования позволили с высокой степенью достоверности выявить три линии оборонительных сооружений. Геофизические исследования включали измерения

методом электропрофилирования, что позволило определить взаимное расположение и конфигурацию линий укреплений, а для уточнения геометрических параметров валов и рвов проводились исследования методом электротомографии. Анализ результатов комплексных электрометрических исследований позволил оценить основные геометрические параметры всех линий укреплений: ширина основания вала; высота сохранившегося основания от поверхности материка; ширина и глубина рва (см. табл.). Расстояние между внутренней и средней линией укреплений составляет около 36 м, а средней и внешней – 42 м.

Следовательно, проведенные геофизические исследования позволили не только существенно уточнить параметры каждой линии оборонительных сооружений и восстановить систему обороны городища Гурьякар в целом, но и выявить общие тенденции формирования планировочной структуры центров округа чепецкой археологической культуры (Иднакар, Гурьякар и Учкакар).

В рамках данного направления актуальна задача определения границ укрепленных поселений – выявление и оценка конфигурации внешних линий обороны, разрушенных поздней хозяйственной деятельностью. Примером успешных исследований является определение границ *Заболотновского городища Садейкар*. Это поселение рассматривается как памятник переходного периода двух взаимосвязанных археологических культур – ломской (V-IX вв.) и чепецкой (IX-XIII вв.). Городище открыто в конце 1880-х гг. Н.Г.Первухиным, по наблюдениям которого с напольной южной стороны оно было ограничено дуговидным валом и рвом. Поверхность площадки распахивалась, в настоящее время оборонительные сооружения в рельефе не выражены, однако, их расположение и параметры определены по результатам электрометрических исследований. Длина участка укреплений, выявленного при геофизической съемке, составляет около 32 м. Комплексный анализ результатов электропрофилирования и электротомографии позволяет предположить, что ширина вала составляет 4-6 м, а высота сохранившегося основания вала от поверхности материка – до 0,5 м. Ширина рва около 6-7 м, глубина – до 1,5 м. Ров заполнен контрастным гумусированным слоем. Наличие данного объекта подтверждено археологическими данными шурфа, заложенного по геофизическим данным на границе вала и рва.

Таким образом, комплексные электрометрические исследования городища Садейкар, охватившие всю вероятную территорию распространения культурного слоя, позволили реконструировать планировку поселения и определить его границы. Полученные результаты существенно меняют сложившиеся представления об укрепленных поселениях ломской археологической культуры.

Оценка размеров и структуры оборонительных сооружений

Актуальной задачей является не только поиск оборонительных сооружений, но и их детальное изучение. Метод электротомографии принципиально позволяет восстановить форму и геометрические параметры сохранившейся части укреплений, выявить их структуру (слоистость-однородность) и оценить состав грунтов. В частности, при междисциплинарных исследованиях *городища Иднакар* была восстановлена структура всех трех линий оборонительных сооружений на всем их протяжении (Иванова и др., 2013). Сравнительный анализ геофизических данных и результатов раскопок позволил утверждать, что при возведении валов не было единого стандарта – каждая из линий обороны отличается по форме, составу грунтов и технологии возведения:

– внутренний вал на всем протяжении представлял собой достаточно однородный массив глины (см. выше);

– в насыпи среднего вала (без учета последующих расширений) зафиксировано не менее четырех вариантов структуры: суглинки с различными примесями, перекрытые с внешней стороны материковой глиной; песчаная основа, перекрытая суглинками и материковой глиной; суглинки (внутренняя часть) и супеси (внешний склон) с различными примесями, перекрытые с внутренней стороны материковой глиной; насыпь материковой глины;

– ядро внешнего вала состоит из суглинка с незначительными включениями гумуса, его перекрывает слой глины с мергелем. Вероятно, структура насыпи вала не изменяется на всем протяжении.

Измерения методом электротомографии по нескольким профилям на *Рождественском городище* (Журбин, 2012а) выявили некоторые вариации структуры насыпи вала. В целом структура насыпи вала принципиально не отличается – внешний склон состоит из материковой глины, а внутренняя часть насыпи сформирована, вероятно, суглинками с включением гумуса. При этом наблюдаются отличия с точки зрения технологии формирования. В центральной и северо-восточной частях линии укреплений первоначально было сформировано суглинистое основание, которое было перекрыто мощной насыпью из материковой глины, а в северо-западной части – фиксируется лишь отсыпка материковой глины по внешнему краю вала.

Проведены геофизические исследования двух сохранившихся линий оборонительных сооружений *городища Учкакар* – средней и внешней. По визуальным оценкам средний вал хорошо сохранился, очевидных нарушений нет. Длина вала по гребню составляет 98 м. Со стороны средней части городища перепад высот невелик (0,3-0,5 м), а с внешней стороны – между предполагаемым гребнем вала и дном заплывшего рва перепад составляет 2 – 2,3 м. Ров практически не выражен в рельефе, лишь ближе к краям площадки читается по понижению поверхности глубиной до 0,30 м. Измерения методом электротомографии позволяют предположить, что ширина основания среднего вала составляет 12-14 м, а ширина рва, фиксируемая на геофизических разрезах – 10-12 м, а глубина – не менее 1 м (Журбин, 2012б). Контур внешней границы этого рва в плане восстановлен по данным электропрофилирования внешней части городища. Наблюдается чёткая корреляция результатов применения различных методик электроразведки, что говорит о достоверности интерпретации геофизических данных. Внешняя линия обороны: ширина основания вала – 16-18 м; ров внешней линии укреплений несколько меньше: ширина – до 10 м, глубина – не менее 0,7 м. Характер изменения удельного сопротивления позволяет предположить, что насыпь валов обеих линий оборонительных сооружений сформирована из суглинков с различными примесями, перекрытых с внешней стороны материковой глиной.

В целом при геофизических и археологических исследованиях зафиксированы аналогии по структуре и форме основания валов городищ бассейна р. Чепцы (Иднакар и Учкакар) и Рождественского городища на Верхней Каме.

Анализ результатов междисциплинарных исследований средневековых городищ бассейна р. Чепцы (Иднакар, Учкакар, Гурьякар, Садейкар) и Рождественского городища на Верхней Каме показал эффективность методики восстановления формы, размеров и структуры археологических объектов по геофизическим данным. К достоинствам предложенного подхода можно отнести

возможность оперативного поиска оборонительных сооружений, не выраженных в рельефе и, следовательно, определение конфигурации и размеров поселения на различных этапах его развития. Дальнейшие исследования позволяют оценить форму и структуру укреплений, что дает возможность определения этапов и технологии их возведения. Эффективность метода основана на комплексном использовании археологических и геофизических данных.

Информация о границе распространения культурного слоя, полученная по данным малоглубинной геофизики, позволит определить зоны охраны памятника с последующей фиксацией их в землеустроительной документации, что необходимо для принятия мер по сохранению объектов историко-культурного наследия в процессе любых земляных работ и строительства. В соответствии с этим развитие специализированной естественно-научной методики исследования и сохранения памятников историко-культурного наследия на основе геофизических методов является актуальной научной и практической задачей.

Литература:

Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.

Бобачев и др., 2006 – Бобачев А.А., Горбунов А.А., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. 2006. – №2. – С.14-17.

Домбровский и др., 1962 – Домбровский К., Стопинский П., Ступницкая Е. Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта // СА. – 1962. – №3. – С.105-115.

Дьяченко и др., 1999 – Дьяченко А.Г. Погорелов Ю.С., Семушев М.И. Археолого-геофизические исследования Яблоновского городища в Лесостепном Приосколье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. – Липецк: Липецкий гос. пед. ин-т, 1999. – С.159-165.

Журбин, 2012а – Журбин И.В. Геофизические исследования планировки и оборонительных сооружений Рождественского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII.: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГПУ, 2012. – С.306-312.

Журбин, 2012б – Журбин И.В. Малоглубинная электроразведка при комплексных исследованиях средневековых поселений Прикамья (Кушманское городище) // Археология и геоинформатика. Вып. 7 [Электронный ресурс]. – М.: Институт археологии РАН, 2012. (CD-ROM).

Иванов и др., 2004 – Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. 2004. – 276 с.

Иванова, 1998 – Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 294 с.

Иванова и др., 2013 – Иванова М.Г., Журбин И.В., Кириллов А.Н. Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2(54). – С.108-119.

Молодин и др., 2004 – Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2004. – 336 с.

Скакун, Тарасов, 2000 – Скакун Н.Н., Тарасов В.А. Результаты применения магниторазведки и капаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // Археологические вести. – СПб.: Ин-т истории материальной культуры. 2000. Вып.7. – С.60-69.

Слепак, 2004 – Слепак З.М., Нугманова Г.Г., Гилязов И.И. Прогнозирование сохранившихся остатков древних строений по данным электромагнитного зондирования территории исторического центра г. Казани // Археология и естественные науки Татарстана. – Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ. 2004. Кн. 2. – С.26-43.

Слукин, 1998 – Слукин В.М. Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 1988. – 220 с.

Станюкович, 1997 – Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Ин-т археологии РАН. 1997. Вып.1. – С.19-42.

Тибелиус, 1995 - Тибелиус В.Я. Результаты геофизических исследований на Аркаиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конференции. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т. 1995. Ч. V. Кн. 2. – С.184-193.

Эпельбаум и др., 2006 – Эпельбаум Л.В., Хесин Б.Э., Иткис С.Е. Особенности геофизических исследований на археологических объектах Израиля // РА. – 2006. – №1. – С.59-70.

Иванова М.Г.

(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск)

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА Р. ЧЕПЦЫ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ*

**Исследования поддержаны Программой интеграционных и междисциплинарных проектов фундаментальных исследований УрО РАН на 2012-2014 гг.*

Ключевые слова: Прикамье, средневековье, междисциплинарные исследования, городища Иднакар, Учкакар, Гурьякар, оборонительные сооружения, планировочная структура, процессы урбанизации.

С учетом новых материалов предлагается краткий обзор наиболее значимых результатов междисциплинарных исследований структуры и планировки площадок, конструкции оборонительных сооружений ряда укрепленных поселений чепецких городищ, сведений об их окружении, позволяющих в значительной мере конкретизировать особенности их формирования и развития в русле процессов урбанизации в лесной зоне Восточной Европы.

Ivanova M.G. (Izhevsk)

FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE CHEPTSY RIVER BASIN: MAIN OUTCOMES OF RECENT YEARS RESEARCH

Key words: Kama Region, Middle Ages, interdisciplinary studies, ancient settlements Idnakar, Uchkakar, Guryakar, fortification lines, planning structure, urbanization processes.

Taking into account new material a brief review of the most significant results of interdisciplinary studies of the sites' structure and planning and construction of fortification lines in a number of Cheptsa settlements is presented in the paper. Research outcomes as well as information on the area of Cheptsa settlements allow describing the specific features the settlements' formation and development in the course of urbanization processes in Eastern Europe.

Бассейн р. Чепцы является одним из наиболее выразительных регионов финно-угорского средневековья с плотной концентрацией разнообразных памятников, который привлек к себе внимание исследователей в конце XIX в. (Первухин, 1896; Спицын, 1889). После исследований А.П. Смирнова они вошли в археологическую литературу как эталонные памятники удмуртского средневековья (1952). Работы Удмуртской археологической экспедиции, созданной в 1954 г. под руководством В.Ф. Генинга, значительно расширили круг ранее известных источников (Генинг, 1958). С 1969 г. этот регион стал основным объектом исследований археологов Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, развернувших планомерные исследования памятников широкими площадями. За прошедший период знания о чепецких памятниках многократно возросли, результаты новейших научных разработок дали принципиально новые данные для более глубокого понимания фундаментальных проблем истории и культуры финно-угорского Средневековья.

В последние десятилетия большее внимание уделялось изучению укрепленных поселений, материалы которых открыли возможности новых подходов к интерпретации исторических явлений Средневековья. В результате реализации ряда исследовательских и экспедиционных проектов источники существенно пополнились материалами междисциплинарных исследований структуры и планировки площадок, конструкции оборонительных сооружений,

сведениями об их округе, позволяющими в значительной мере конкретизировать особенности их формирования и развития. В настоящей статье с учетом новых материалов предлагается краткий обзор основных, наиболее значимых результатов.

В настоящее время здесь известно свыше 300 археологических памятников, основную часть которых исследователи объединяют в две хронологически последовательные и генетически связанные культуры: поломскую конца V – начала IX вв. и чепецкую конца IX – начала XIII в. (Иванов, Иванова, Шутова, Останина, 2004). Из известных чепецких городищ 18 отнесены к поломской культуре V–IX вв., остальные (13) – к чепецкой IX–XIII вв. (Иванов, Иванова, Шутова, Останина, 2004). Ранняя группа укрепленных поселений размещена в основном в верховьях Чепцы, ее притоков и преимущественно на труднодоступных мысах. Городища, возведенные в конце I тысячелетия, существенно отличаются. Они расположены по берегам Чепцы и ее притоков на мысах между рекой и ручьем, рекой и оврагом или между оврагами вблизи ручья. Топографические особенности мысов предопределили весьма однообразную систему укреплений, состоявших из одной-трех линий валов и рвов, защищавших площадку с напольной стороны.

В большей степени городища различаются по площади и мощности культурного слоя. Например, городища *Весьякар* и Маловенижский *Поркар*, Сепычкар Малый, имеющие сравнительно небольшую площадь (до 7000 кв. м), расположены на высоких мысах, укреплены одним валом и рвом, и содержат культурный слой мощностью около 100 см. На близких к ним по топографии городищах *Узякар* и *Эбгакар*, *Чибиенькар* – слой невыразителен. Безусловно, выделяются крупные памятники площадью 20–40 тыс. кв. м с мощной системой укреплений из двух-трех линий валов и рвов и наличием слоя между оборонительными линиями: *Гурьякар*, *Иднакар*, *Учкакар*. Соответственно, эти городища различаются и по структуре, поскольку линии обороны разграничивают площадку поселения.

Наибольшую значимость имеют материалы городища Иднакар IX–XIII вв., на котором за 35 лет исследований выявлен характер слоя и сооружений на всех структурных частях поселения, установлены принцип планировки площадок и особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений, раскрыты многие аспекты материальной и духовной культуры (Иванова, 1998). Но археологическому сообществу этот памятник интересен последовательным использованием естественно-научных методов и информационных технологий, во внедрении которых большую роль сыграло сотрудничество археологов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН со специалистами Физико-технического института УрО РАН. В результате многолетней плодотворной деятельности сформирован комплекс методов реконструкции поселенческих памятников, охватывающий все этапы изысканий, начиная от совершенствования методики раскопок, полевой фиксации, использования естественно-научных методов, геофизики, разработки баз данных, заканчивая компьютерным моделированием (Журбин, 2004; Иванова, Журбин, 2006; 2012). Использование новых методов расширило возможности детального изучения, интерпретации объектов и реконструкции городища на всех этапах развития с проработкой хронологических рамок структурных частей и периодов, представить обоснованную динамику его развития на широком фоне градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы (Иванова, Степанова, 2012).

Одним из существенных показателей социального статуса поселений являются **оборонительные сооружения**, поскольку именно они разграничивают площадку поселения, и в эпоху средневековья имели основополагающее значение в функционировании складывающейся этнополитической общности. Наиболее полные источники о параметрах валов и рвов, технологии их возведения получены на городище Иднакар, где все три линии изучены геофизическими методами, полученные результаты проверены археологическими раскопками. Комплексные исследования показали, что они существенно отличаются друг от друга по форме, структуре и конструктивным особенностям. Внутренняя линия не подвергалась реконструкции за весь период ее существования до середины XI в., когда утратила свое значение в связи с возведением третьей линии. Средняя и внешняя линии укреплений функционировали до XIII в. Их валы отличаются значительной мощностью в результате многократных расширений: фиксируется не менее 4 этапов реконструкции среднего вала и 2 строительных периода внешнего. При сравнении размеров валов в основании выявляется, что ширина основания внутреннего вала и первого периода среднего практически совпадают (5,5–6,0 и 7,0 м соответственно), близки основания второго периода среднего вала и первого периода наружного (14,0 и 15,0 м), а также последнего этапа среднего и наружного (19,0 и 18,0 м).

Помимо конструктивных особенностей, оборонительные сооружения отличаются по форме. В частности, внутренняя сторона внешнего и внутреннего валов близка к вертикальной, а внешняя – достаточно пологая. Средний вал покатым с обеих сторон.

Кроме того, все линии укреплений различаются по технологии их возведения. Раскопки показали, что основу внутреннего вала составляет бревенчатая конструкция из срубов, заполненных плотной, однородной глиной. В отличие от внутреннего, в ядре среднего и внешнего валов срубные конструкции отсутствуют. Археологически фиксируются площадки прокаленной глины, остатки плетня и вымостки из бревен, укреплявших склоны. Геофизическими методами выявлены различия и в составе грунтов, формирующих массив каждого из валов. Внутренний вал образован из однородной материковой глины, в которой прослеживаются пятна пестроцвета, состоящие из темного золистого суглинка и вкраплений светло-коричневой глины. Иная структура среднего и внешнего валов: в их основании фиксируются мощные слои песка, позднее перекрытые суглинком. Состав грунтов среднего вала отличается значительным разнообразием, по сравнению с внешним. Встречаются слои глины, суглинка, песка и участки прокаленной глины, фиксирующие различные этапы подновления. Выявлено также, что структура оборонительных сооружений на всем их протяжении не одинакова. Например, ядро центральной части среднего вала (раскопки 1988 и 1989 гг.) составляют слои песка, перекрытые весьма сложным сочетанием напластований глины и суглинка с различными примесями (гумус, уголь, мергель и пр.). Структура южной части этой линии укреплений значительно проще: основа вала сформирована из практически чистой материковой глины, перекрытой глиной с небольшими включениями гумуса (раскопки 2000 г.). Поэтому есть основания полагать, что на различных этапах существования городища население использовало различные строительные приемы (Иванова, Журбин, 2010, с. 84–93; Журбин, 2011, с. 381–382; Иванова, Журбин, Кириллов, 2013, с. 97–108).

Геофизическими исследованиями получены новые сведения о конструктивных особенностях и параметрах трех линий оборонительных сооружений на других крупных чепецких городищах Учкакар и Гурьякар с тремя

линиями обороны, на которых основания валов близки иднакарским, составляя от 14 до 18 м (Журбин, 2013, с. 153).

В целом система оборонительных сооружений Иднакара и других чепецких городищ сопоставима с особенностями крепостного строительства поселений Прикамья, а также лесной зоны Восточной Европы по постепенному расширению площадки и ограждению новой линией обороны в период с IX–X по XIII в., усилению фортификации за счет расширения валов, подрезке склонов по всему периметру площадки, конструкции внутривальных сооружений, устройству внешних конструкций на гребне вала и др. (Иванова, 2010, с. 52–60).

Приведенные сведения подтверждают развитие укреплений Иднакара и прикамских городищ в общем русле с болгарскими и древнерусскими, усиливают аргументацию об их развитии в русле градообразовательных процессов. С одной стороны, расширение площадок свидетельствует о значительном возрастании численности населения, с другой – о необходимости усиления фортификаций и имевшихся возможностях реализации этой задачи.

К весьма существенным достижениям можно отнести **результаты в изучении планировки площадок** городищ. Выполнение таких исследований затруднено плохой сохранностью сооружений из дерева, которые в слое поселений лесной зоны почти полностью разрушаются. Городища функционировали на протяжении четырех веков, деревянные сооружения перестраивались, площадка расширялась, могло меняться и функциональное зонирование. Между тем материалы о планировке городищ финно-угорского средневековья, включая чепецкие памятники, крайне недостаточны. Исходя из степени сохранности слоя, задач исследований, раскопки проводились участками, часто не связанными между собой, поэтому в большинстве случаев исследователи располагают источниками об отдельных сооружениях, комплексах, динамике застройки ограниченных площадей.

Систематические раскопки на городище Иднакар большими площадями выявили, что жилые сооружения располагались не совсем четкими рядами, идущими вдоль площадки от мысовой части к валу. Детальный анализ содержания культурных напластований, выделение на компьютерной карте археологического разреза отдельных слоев, их устойчивых сочетаний, относящихся к конкретным объектам, дало возможность определения последовательности изменения параметров отдельных объектов, комплексов сооружений, выделения пяти уровней планировки, соответствующих стратиграфическим периодам функционирования (Иванова, Степанова, 2012, с. 327–335).

С целью получения новых знаний о планировке еще одного близкого по структуре поселения в 2011–2013 гг. проведены специальные исследования с применением комплексной методики малоглубинной электроразведки на Кушманском городище Учкакар. Основная задача проекта заключалась во внедрении современных методик, ориентированных на более тщательную фиксацию материала с целью получения максимума информации при раскопках минимальных площадей. За три полевых сезона с применением комплексной методики геофизических исследований выявлена мощность культурного слоя на всех структурных частях, полностью изучена вся площадка городища с локализацией объектов планировки (сооружения, ямы, очаги), изучена структура двух линий оборонительных сооружений и выявлена не фиксируемая ныне внутренняя линия (Журбин, 2013, с. 153).

Наиболее мощный слой (до 1,5 м), содержит средняя часть, где определено не менее 16 сооружений подпрямоугольной формы, расположенных пятью

нечеткими рядами, ориентированными параллельно внутреннему валу. Расстояние между смежными рядами и сооружениями в рядах составляет 4–5 м. Предварительная интерпретация этих объектов основана на аналогиях аномалий сопротивления грунта, вызванных сооружениями городища Иднакар и Гурьякар (Иванова, Журбин, 2012, с. 120–130; Журбин, 2013, с. 153).

Раскопки одной из аномалий сопротивления полностью подтвердили предварительную интерпретацию геофизических данных. Выявлено сооружение, центральным компонентом которого является глинобитная площадка подпрямоугольной формы, окруженная слоем темного гумуса, который содержит разнообразные включения (песок, глина, уголь, зола, древесный тлен и пр.). В целом по составу, характеру залегания и вскрытым объектам культурный слой аналогичен другим укрепленным поселениям бассейна р. Чепцы X–XIII вв. – Иднакару, Гурьякару и Весьякару (Иванова, Кириллов, 2012, с. 313–319; 2013, с. 75–79).

На внешней части геофизическими измерениями выявлен культурный слой мощностью 30–40 см и около 40 ям, достаточно равномерно распределенных по всей площадке. На раскопе площадью 81 кв. м, заложенном за линией рва средней линии укреплений, вскрыты конструкции двух ям. Интересна округлая яма, перекрывающая другую яму, квадратной формы с обшивкой из деревянных досок. Расположенные вокруг нее столбовые ямы позволяют предполагать наличие рухнувшей конструкции.

Заполнение другой ямы прямоугольной формы состояло из скопления крупных прокаленных камней. Столбовые ямки, выявленные на дне ямы, могли поддерживать какое-то перекрытие. Возможно, яма составляла часть наземной постройки с отопительным сооружением. По составу керамики, бус эта часть могла функционировать в XI–XIII вв.

Для выявления характера слоя на мысовой части был заложен раскоп, пересекающий предполагаемый ров, обнаруженный в результате геофизических измерений. Рядом со рвом обнаружены остатки насыпи вала, который был выровнен. На его поверхности прослежены зольник и столбовые ямы, позволяющие предполагать бытование здесь постройки. За пределами рва, на средней части выявлена площадка глины, которая тоже могла составлять часть сооружения.

Впервые на территории Прикамья выявлен культурный слой с объектами планировки за пределами третьей, внешней линии укреплений, который, безусловно, требует изучения археологическими методами.

Таким образом, междисциплинарные исследования городища Учкакар позволили получить принципиально новые знания о структуре и планировке поселения. Анализ данных электроразведки позволяет утверждать, что городище имело трехчастную структуру (аналогично другим центрам округа чепецкой археологической культуры Иднакару и Гурьякару). Различия в мощности культурного слоя на внутренней и средней частях, вероятно, вызваны особенностями использования их в древности. Внутренняя часть, расположенная на стрелке мыса, могла служить местом наблюдения за окружающей территорией, для отправления культов и др., а средняя и внешняя части со значительным культурным слоем интенсивно функционировали. Кроме того, выявлены особенности рядовой планировки средней и внешней частей поселения. По характеру и толщине напластований, динамике развития поселения с расширением площади за пределы внутреннего вала, утратившего свое значение, наличию слоя за вторым валом он аналогичен Иднакару.

С целью выявления общих тенденций и характерных особенностей формирования планировочной структуры проведены геофизические исследования городищ Вesityар, Садейкар и Гурьякар. Несмотря на различную степень сохранности культурных напластований, археологические исследования, дополненные геофизическими данными, позволяют оценить основные закономерности планировки городища Вesityар, условно выявить «производственную» и «жилую» части поселения и прогнозировать их границу. Рядовую застройку подтвердили материалы городища Гурьякар и Садейкар (Иванова, Журбин, 2012, с. 120–130).

Параллельно для углубления типологии укрепленных поселений проводились **исследования их округи**. Ярким примером наиболее плотной заселенности является округа городища Иднакар, где известно 4 селища, функционировавших в VIII–XIII вв., могильники Чемшай VIII–XIII вв. и Бигершай XIII–XIV вв., в пределах пятикилометровой зоны Иднакара зафиксировано несколько местонахождений предметов и кладов (Иванов, 1995. С. 106–130). Плотная заселенность округа Иднакара на протяжении всего периода его функционирования, наряду с другими ранее определенными признаками (значительная площадь, мощная система укреплений, исключительная насыщенность материалами культурного слоя и особенно его двухчастная структура), безусловно, является весьма значимым аргументом в обосновании его значения в качестве военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности.

Другим выразительным примером является Кушманское городище Учкакар X–XIII вв. площадью около 30 тыс. кв. м, укрепленное также тремя линиями укреплений. Это самое западное, пограничное укрепленное поселение. Прекрасный обзор течения реки и долины на многие километры, безусловно, определяет его стратегическое значение. В непосредственной близости от него находится ряд памятников, датируемых IX–XIII вв. н.э. – Кушманские I, II и III селища, Мосеевский могильник Бигершай, Коповский могильник Бигершай, Хутор-Озерковское селище. Более удалены Комаровское городище Чибинькар, Жабинские I и II селища, а так же Жабинский могильник. Проведенные раскопки предоставили материалы, свидетельствующие о развитии кузнечного, бронзолитейного, косторезного ремесел. Можно полагать, что это городище являлось центром округа с аграрно-ремесленными функциями.

Гординское городище Гурьякар IX–XIII вв. площадью 12 тыс. кв. м занимает длинный мыс коренной береговой террасы высотой до 24 м, укреплено тремя линиями укреплений. В его округе выявлено 2 селища, могильник, поблизости расположена подборновская группа открытых поселений и могильник. Полученные при раскопках источники о развитии кузнечного, бронзолитейного, косторезного ремесел позволяют полагать, что это городище также являлось центром округа с аграрно-ремесленными функциями.

В окрестностях городищ с выразительным слоем, но меньшей площади, с одной линией укреплений (Дондыкар, Сабанчикар, Вesityар, Узякар, Сепычкар, Карйыл, Маловенижское), расположенных в глубинных районах правых и левых притоков, выявлено одно-два селища, клады и отдельные гривны глазовского типа. Содержание культурного слоя с производственными комплексами и выразительными коллекциями производственного инвентаря дают основания полагать, что они являлись аграрно-ремесленными центрами, при этом не исключается их роль в качестве центров округа. Часть из них могла находиться в составе округа более крупных городищ.

Поблизости памятников небольшой площади, содержащих незначительный слой (Эбгакар, Чибинькар, Зуйкар, Буринское), обнаружены отдельные местонахождения предметов. Эта группа могла использоваться в качестве временных убежищ.

В целом выявлено, что наиболее плотно заселены окрестности крупных городищ, расположенных поблизости от р. Чепцы, где локализованы погребальные памятники, несколько селищ, обнаруживаются клады украшений, монет и произведений восточной торевтики. Округи аграрно-ремесленных центров содержат также селища, клады гривен глазовского типа. В округе временных убежищ, расположенных в глубинных районах правых и левых притоков, выявлены отдельные местонахождения предметов.

Проведенные исследования подтверждают развитие чепецких городищ в общем русле урбанизационных процессов Восточной Европы и в значительной степени дополняют их новыми наблюдениями. Задачей следующего этапа междисциплинарных исследований сложившийся исследовательский коллектив видит в получении новых знаний о других поселениях бассейна р. Чепцы, выявлении связей между ними, реконструкции процесса освоения региона в эпоху средневековья.

Литература:

Генинг, 1958 – Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск: Удмуртия, 1958. – 192 с.

Журбин, 2004 – Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения: Монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 152 с.

Журбин, 2011 – Журбин И.В. Геофизические исследования системы укреплений средневековых поселений Прикамья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. – СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. – С. 381–382.

Журбин, 2013 – Журбин И.В. Комплексные естественно-научные исследования Кушманского городища: методы, методика и предварительные результаты // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 152–156.

Иванов, 1995 – Иванов А.Г. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 106–130.

Иванов, Иванова, Останина, Шутова, 2004 – Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 276 с.

Иванова, 1998 – Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Иванова, Кириллов, 2012 – Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Предварительные итоги изучения Кушманского комплекса памятников в бассейне р. Чепцы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГПУ, 2012. – С. 313–319.

Иванова, 2010 – Иванова М.Г. Междисциплинарные исследования линий обороны городища Иднакар: особенности структуры и технологии формирования

// Вестник Удмуртского университета. – 2010. – Серия 5: история и филология. Вып. 3. – С. 52–60.

Иванова, Журбин, 2006 – Иванова М.Г., Журбин И.В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 68–79.

Иванова, Журбин, 2010 – Иванова М.Г., Журбин И.В. Археолого-геофизические исследования оборонительных сооружений // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3(43). – С. 84–93.

Иванова, Журбин, 2012 – Иванова М.Г., Журбин И.В. Междисциплинарные исследования археологических памятников Камско-Вятского региона: некоторые итоги и задачи // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2012. – № 2(10). – С. 120–130.

Иванова, Журбин, Кириллов, 2013 – Иванова М.Г., Журбин И.В., Кириллов А.Н. Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 97–108.

Иванова, Кириллов, 2013 – Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Кушманское городище Учкакар в бассейне р. Чепцы: итоги исследований 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 75–79.

Иванова, Степанова, 2012 – Иванова М.Г., Степанова Г.А. Уровни планировки средней части городища Иднакар // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГГПУ, 2012. – С. 327–335.

Первухин, 1896 – Первухин Н.Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1896. Т. 2. – 261 с.

Смирнов, 1952 – Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. – № 28. – 1952. – 276 с.

Спицын, 1893 – Спицын А.А. Приуральский край: Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1893. Т. 1. – 192 с.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В.

(Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола)

**ДРЕВНЕРУССКИЕ ВЕЩИ В МАТЕРИАЛАХ
РУСЕНИХИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (XI в.)***

**Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-01-18052 "Новые подходы к изучению Русенихинского могильника древнемарийской культуры IX-XI вв."*

Ключевые слова: могильники, Поветлужье, Древняя Русь, волжские финны, этнокультурные связи

В статье публикуются новые материалы из раскопок Русенихинского могильника 2010-2013 гг. Внимание уделено анализу изделий, имеющих аналогии в памятниках Древней Руси и славянизированных финнов. Высказано предположение о возможных путях и причинах их проникновения на территорию Поветлужья.

Nikitina T.B. Akilbaev A.V. (Yoshkar-Ola)

**OLD RUSSIA'S ARTEFACTS AMONG THE FINDINGS OF THE
RUSENIKHIINSKIY BURIAL GROUND (THE 11TH CENTURY)**

Key words: burial ground, Vetluga river region, Old Russia, the Volga Finns, ethno-cultural contacts

The paper presents new material from the 2010-2013 excavation of the Rusenikhiinskiy burial ground. It focuses on the analysis of artefacts similar to the items found on the archaeological sites of Old Russia and those associated with the slavified Finns. Possible ways and reasons of their occurrence in the Vetluga river region are discussed.

Могильник в Воскресенском районе Нижегородской области на правом берегу р. Ветлуги; изучался МарАЭ с 2009 по 2013 гг. при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 10-01-18045, № 11-01-18023).

На могильнике изучено 34 комплекса: 18 погребений и 16 жертвенных комплексов, в которых обнаружено большое количество инвентаря: украшения, орудия труда, бытовые вещи и оружие. По инвентарю и нумизматическому материалу памятник датируется X-XI вв. По определению Д.Г. Мухаметшина, наиболее ранние оттиски с монет относятся к перв. пол. X в. (подражания саманидским дирхемам с чеканом Ал-Муктадира биллаха, Наср бин Ахмада, Самарканд), наиболее поздние подражания: Нух бин Мансур, Самарканд, 383 г.х (?) и Ат-Таи биллах (974-991), Сарья?, 369 г.х.

Среди инвентаря выделяется несколько серий вещей: а) маркирующие древнемарийскую культуру, б) иноэтнические, в) характерные для широкой территории лесной и лесостепной полосы Восточной Европы.

Среди иноэтничных обнаружены вещи волжско-финского и пермско-финского облика, болгарского и древнерусского происхождения. Предметом нашей статьи являются изделия, имеющие аналогии среди древнерусских древностей.

Гривны – 13 экз., из них 7 по форме, орнаменту, типологическим особенностям возможно связать с древнерусским миром.

Гривны железные – 2 экз. (жк 7, п. 11).

В п. 11 обнаружена гривна, в основе которой находился железный дрот с плоскими концами, сверху аккуратно перевитый тонкой, чуть выпуклой бронзовой лентой. Близкая гривна обнаружена в кургане 20 могильника Залахтовье рубежа XI-XII вв., отличается только наличием плетеного перевития (Хвощинская, 2004, табл. СХХ-19, с. 64. 138). Похожие экземпляры, покрытые бронзовой пронизью частично или по всей длине, обнаружены в пп. 31 и 41 могильника Нефедьево не позднее третьей четв. XI в. (Макаров, 1997, с. 116, 125, 126).

В жк 7 гривна крученая, концы не сохранились; точный тип не установлен из-за плохой сохранности. В целом, железные гривны были распространены в X-XI вв. на территории Северной Европы (Фехнер, 1967, с. 62-63), а также на Руси в XI в. (Седова, 1997, с. 66; Захаров, Адаменко, 2008, рис. 36). Их находки на Руси сосредоточены вдоль торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока (Седова, 1997, с. 66). Подобные изделия обнаружены и в марийских, синхронных Русенихинскому, могильниках, расположенных на р. Волге (пп. 2-а, 30, 38 Нижняя стрелка; 19, 40, 55 Дубовский) (Никитина, 2012, с. 34, 42, 43, 50, 53, 56).

Гривны из цветного металла – 5 экз., среди которых различаются дровые и витые.

1. Гривна из круглого в сечении дрота с плоскими раскованными концами, украшенными орнаментом "волчий зуб", имеющими завершение в форме петли и крючка – 1 экз. (п. 17) (рис. 1-4). Точных аналогий неизвестно. По оформлению плоских концов аналогична витым гривнам из памятников XI-XII вв. Владимиро-Суздальской и Новгородской земель (Фехнер, 1967, с. 71-73), Белозерья и Поонежья (Макаров, 1997, с. 117, табл. 138, 151; Зайцева, 2008, с. 106), Костромского Поволжья XI-нач. XII вв. (Рябинин, 1986, с. 60), Кольского полуострова (Горюнова, Овсянников, 2002, с. 219, рис. 7).

Витые гривны с плоскими концами обнаружены в пп. 4 и 12 марийского могильника Нижняя стрелка XI в. (Никитина, 2012, рис. 139-3; 153-12).

2. Гривна из тонкого, треугольного в сечении дрота, концы которого заходят друг за друга и украшены головками – 1 экз. (п. 8) (рис. 1-5). Дрот обернут серебряной фольгой, поверх которой нанесен орнамент "волчий зуб". В литературе за ними закрепилось название "радимичских", наиболее распространены они в бассейне р. Сожа (Фехнер, 1967, с. 64), встречались достаточно широко на Руси в XI в., в Прибалтике X-XII вв., а также в Финляндии (Фехнер, 1967, с. 64; Макаров, 1997, табл. 151). В марийских могильниках (Нижняя стрелка, пп. 3 и 11) такие изделия также обнаружены в комплексах XI в.

2. Витая гривна, концы которой украшены головками – 1 экз. (п. 18). Похожие, но с различным оформлением концов гривны есть в материалах XI в. радимичей (Седов, 1982, табл. XLVII, 12), в Брянской, Тверской, Псковской, Смоленской, Рязанской областях (Фехнер, 1967, с. 71, 83, рис. 13-7; Седова, 1997, с. 66).

4. Витая из трех проволок гривна, один конец оформлен петлей, другой крючком – 1 экз. (жк 14). Похожие изделия характерны для населения Владимиро-Суздальской и Новгородской земель (Фехнер, 1967, с. 71, 72).

5. Один экземпляр витой гривны представлен фрагментом из подъемного материала и типологически не выражен.

Браслеты. В Русенихинском могильнике одним из наиболее массовых находок являются браслеты (91 экз.), среди которых 20 изделий (22%) возможно

связать с западным влиянием. В южной части могильника, обнаружен 61 браслет, среди которых только один (1,6%) имеет аналогии в древнерусских памятниках, в погребениях юго-восточной части из 13 обнаруженных браслетов к древнерусским относится тоже только 1 экз. (7,7%). Наибольшее количество браслетов западного типа находились в комплексах северной группы: из 17 браслетов к таковым возможно отнести 13 (76,4 %), остальные имеют бытование на широкой территории, в том числе в финно-угорских и древнерусских памятниках.

Витые браслеты различаются по оформлению концов.

Витые браслеты с завязанными на две стороны концами – 5 экз. (пп. 14, 16, 17, жк. 15) (рис. 2-4). Аналогичные изделия по материалам древнерусских памятников датируются с X по нач. XII вв. (Левашова, 1967, с. 219; Сергеева, 1986, с. 81), на северных окраинах Руси обнаружены в комплексах XI в. могильника Нефедьево (Макаров, 1997, с. 120, 125, 126), в погребении второй-третьей четв. XI в. Мининского археологического комплекса (Зайцева, 2008, с. 117-118). Витые завязанные браслеты из серебра известны в русских кладах X-XI вв. (Корзухина, 1954, табл. V, XI), в погребении на Старорязанском городище XI в. (Даркевич, 1974, рис. 47-4, с. 47).

Витые браслеты с завязанными в спираль концами – 2 экз. (п. 16, жк 15) (рис. 2-5). Подобные браслеты известны в Подмосковных (Арциховский, 1930, с. 175) и Владимирских (Спицын, 1905, с. 242.) курганах XI-XII вв. По материалам русских кладов Н.В. Жилина их датирует X – нач. XI вв. (Жилина, 2008, рис. 2-В). Аналогичные украшения широко распространены в Прибалтике, Скандинавии и на о. Готланд. А. Юшко предполагает их прибалтийское происхождение (Юшко, 1967, с. 53, рис. 17-2,3). Идентичные находки нередки в памятниках Марийского Поволжья кон. XI-XII вв. (Никитина, 2002, рис. 68Б, 22; 76А, 13; 76Б).

3. Витые браслеты с обрубленными концами – 3 экз. (п. 11, жк 15, под.мат.) (рис. 1-1). Обрубленноконечные браслеты считаются этноопределяющим украшением новгородских словен, их концентрация приходится на северо-запад Новгородской земли, датируются XI – нач. XIV в. (Левашева, 1967, с. 220, Седова, 1997, с. 74). Единичные аналогии есть в Верхнем Поволжье, бассейнах р. Москвы, Оки, верховьях Десны (Левашева, 1967, с. 225), Изборске (Седов, 2007, с. 374), древностях Белоозера (Захаров, 2004, с. 180), на Ижорском Плато и в восточном Причудье (Рябинин, 2001, с. 71-72).

Браслет из сборов изготовлен из дрота, на один конец которого нанесена нарезка, имитирующая витые. Близкое по оформлению концов изделие обнаружено в верхнем слое г. Изборска и, по наблюдениям В.В. Седова, одновременно обрубленноконечным браслетам (Седов, 2007, рис. 368-9; с. 374). Ложновитые подражания одновременны витым изделиям (Седова, 1997, с. 75).

5. Браслет витой с концами, раскованными в одну проволоку и завязанными в спираль – 1 экз. (п. 7) (рис. 1-2). Аналогичные изделия бытовали на Руси в X-XI вв. вплоть до XII в. (Арциховский, 1930, с. 144-145; Левашова, 1967, с. 219). В русских кладах известны браслеты с такой завязкой, но изготовленные из четырехгранного дрота (Корзухина, 1954, табл. 9).

Дротовые браслеты.

1. Браслет из неорнаментированного дрота ромбовидного сечения, концы которого сужаются – 1 экз. (п. 8)(рис. 1-3).

На Руси являются самым распространенным типом браслетов и бытовали с I тыс. до XIV в. (Левашева, 1967, с. 214; Седова, 1997, табл. 38, 4).

2. Звериноголовые – 3 экз. (под.мат., жк 14, 15)(рис. 1-7). Появились такие браслеты в X в. в Прибалтике, откуда распространились на финские и славянские территории, где датированы в основном XI – нач. XII вв. (Седова, 1981, с. 112).

Пластинчатые браслеты

1. С расширяющимися концами – 3 экз. (п. 11; жк 7, 15).

Встречаются в курганах Южного Приладжья, Тверского, Угличского и Ярославского Поволжья XI-XII вв., Белозерья (Левашова, 1967, с. 237; Макаров, 1997, с. 342, табл. 130-10; Зайцева, 2008, с. 118, рис. 105-16; Комаров, 2002, рис. 7-8). В могильнике Оленино на Верхней Волге они найдены в курганах второй пол. XI в. (Кашкин, 2003, рис. 1-22; с. 121).

2. Широкий ленточный браслет с расширяющимися концами – 1 экз. (п. 11), имеет аналогии в курганах Залахтовья второй пол. XI в. и XI-XII вв. (Хвощинская, 2004. С. 135-140, табл. XII-16,27,31; XIX-13, 18; XXXIX-18, XLI-7).

3. Фрагмент пластинчатого браслета с орнаментом "волчий зуб" обнаружен в п. 9.

Перстни.

1. Щитковый перстень с очень узким щитком и раскованными в пластину "усами" – 1 экз. (п. 8). Является промежуточной формой между щитковыми "усатыми" и проволочными спиралевидными перстнями, имеет аналогии в древностях словен новгородских (Седов, 1982, табл. XXI. 6), Белозерье (Сумина, 1999, рис. 4 – 14,10), памятниках латгалов (Финно-угры и балты, табл. CVII, 29).

2. Щитковый с завязанными концами перстень – 1 экз. (п. 8) (рис. 1-8). Аналогичные украшения известны в XI в. на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в Прибалтике, в Лядинском и Максимовском могильниках (Зайцева, 2008, с. 121; Седова, 1997, с. 77; Комаров, 2002. С. 158, рис. 6-16, рис. 7-8; Недошивина, 1967, с. 256, 257). В Финляндии и Швеции они появляются в X в. (Седова, 1981, с. 129-130). Единичные экземпляры известны и в Могилевской области (Алексеев, Сергеева 1973. С. 53).

Оружие и орудия труда

Скрамасакс – 1 экз. (п. 5). На Руси скрамасаксы являются западным или северо-западным заимствованием, их находки известны в Киеве, Чернигове, Смоленске, Ярославле, Старой Ладогге (Кирпичников А.Н., 1966, рис. 18). Перестали использоваться к XI в. (Кирпичников, 1966, с. 71).

Топоры.

1. Топоры с двумя парами треугольных щековиц и лопастью – 2 экз. (пп. 3,4) по классификации А.Н. Кирпичникова, относятся к типу VI, распространены в Средней и Северной Руси в XI-XII вв., а происходят из Центральной и Северной Европы (Кирпичников, 1966, с. 36).

2. Топор с одной парой треугольных щековиц и лопастью (п. 6). По классификации А.Н. Кирпичникова, возможно отнести к раннему варианту типа V, датированому X-XI вв. Концентрация таких топоров приходится на север Руси, Юго-Восточное Приладжье и связано их распространение с местными финскими народами (Кирпичников, 1966, с. 36-37).

* * *

Таким образом, можно сделать заключение, что найденные в Русенихинском могильнике вещи западного облика, имеют аналогии в основном в пределах северо-восточной Руси: Ростовско-Суздальских и Новгородских земель. Часть из этих вещей имеют прибалтийско-финское происхождение, но достаточно активно используются населением древнерусских территорий, собственно русскими и славянизированными финнами.

По площади Русенихинского могильника подобные вещи распределяются неравномерно. На территории могильника локализуются 3 группы объектов: 1 – южная; 2 – юго-восточная; 3 – северная. В комплексах первых двух групп они представлены единичными экземплярами и относятся в основном к XI в.: витой браслет с завязанными в спираль концами (п.7); гривна "радимичского" типа, браслет из дрота с ромбическим сечением и завязанный щитковый перстень (п.8); фрагмент пластинчатого браслета с "волчьим зубом" (п. 9); витой обрубленоконечный и пластинчатый с расширенными концами браслеты и железная гривна (п. 11), пластинчатый браслет с расширенными концами (жк 7). В погребениях X в. обнаружены лишь единичные экземпляры оружия: скрамасакс – 1 экз. (п. 5) и топоры (пп. 3,4,6), которые в данный период имели распространение на широкой территории.

Основная масса вещей западного облика (древние русские или славянизированные финны) находилась в погребениях северной третьей группы. В п. 16 обнаружено овальное кресало с прорезью, витые браслеты с различным оформлением концов (3 экз.) (рис. 2), в п. 17 – гривна с раскованными украшенными "волчьим зубом" концами, крестопрорезной бубенчик, витой браслет с завязанными на две стороны концами, в п. 18 – крестопрорезной бубенчик и витая гривна с колбочками на концах. Наибольшим количеством вещей такого типа отличается жк 15: витые браслеты с различными концами (4 экз.), "звериноголовый" браслет, пластинчатый браслет с расширенными концами, крестопрорезной бубенчик.

Важным обстоятельством является отсутствие в данных комплексах маркеров марийской культуры. В п. 18 найдена биконьковая подвеска "прикамского" типа. Аналогичные изделия встречаются на широкой территории от Зауралья до Приладожья (Белавин, Крыласова, 2008, с. 381; Крыласова, 2001, с. 68-71). Следует отметить, что они достаточно часто встречаются и в марийских могильниках (Никитина, 2002, с. 102; 2012, с. 86, рис. 51-2, 133-10, 198-1), в том числе, в п. 6 и жк 5 первой группы Русенихинского могильника.

Для установления этнокультурной принадлежности населения, оставившего объекты третьей группы важной находкой являются височные браслетообразные кольца с маленьким щитком с отверстием на одном и крючком на другом конце (п. 16, жк 15). Такие изделия обнаружены в захоронениях муромы и мери, в большей степени характерны для первых (Дубынин, 1949, с. 103; Гришаков, Зеленева, 1990, с. 24; Леонтьев, 1996, рис. 34-12; 67-13, 94-4, с. 164,221; Горюнова, 1961, с. 124-126; Голубева, 1987, с. 75; Макаренко, 1908, с. 11-26). В п. 14 найдено также несколько рамчатых подвесок из гладких проволочек в виде треугольника. Треугольные подвески с округленным основанием обнаружены в курганах Костромской и Ивановской областей, Приладожье, единичные находки на Средней Волге, Ваге (Голубева, 1982, с. 118, 119) и, по мнению Л.А. Голубевой, являются типичным элементом мерянской культуры (Голубева, 1982, с. 117). Ложноплетеные браслеты с мордами драконов (п. 14), перстень "с усами" из тордированной проволоки (жк 14) также имеют аналогии в древностях волжских финнов (Левашова, 1967, рис. 29-11; Горюнова, 1961, рис. 69 - 6).

Костный состав фрагментов скелетов из погребений третьей группы по минеральному статусу отличается от костной ткани индивидов первых двух групп по ряду признаков: высокая минерализация, иные значения марганца, стронция и цинка.

Таким образом, анализ инвентаря и распределения находок по территории могильника позволяют предполагать, что памятник оставлен разнородным в

этнокультурном плане населением. Основная масса захоронений X в. оставлена марийским населением, в культуре которого почти не читаются заимствованные элементы (группа 1). В XI в. на окраине этого некрополя появляются захоронения, вероятно, другого в этническом плане населения (группа 3). Это могли быть финно-угорские поселенцы, испытавшие сильное воздействие русской культуры или древнерусское население с элементами финно-угорской культуры. Данный вопрос требует дополнительной проработки. Взаимными контактами между этими группами населения объясняются находки древнерусских вещей в поздних погребениях первой и второй групп, смена ориентировки в погребениях второй группы, наличие жертвенных комплексов в третьей группе.

Вещи западного происхождения среди материалов марийских могильников, одновременных Русенихинскому, встречались неоднократно. Найденные в марийских захоронениях древнерусские вещи имеют, в основном, аналогии в Новгородской и Владимиро-Суздальской землях, Волго-Клязьменском междуречье, Ярославском и Костромском Поволжье (Никитина, 2010). В большинстве случаев в средневековых марийских могильниках Ветлужско-Вятского междуречья такие вещи находились совместно в комплексах с этноопределяющими марийскими украшениями; зачастую использованы не по их первоначальному назначению, что свидетельствует о проникновении вещей, а не переселении отдельных групп населения. Материалы Русенихинского могильника (чистые комплексы, локально сконцентрированные в определенной части памятника) позволяют ставить вопрос о присутствии иного населения. В настоящее время это единственный изученный марийский могильник на правом берегу Ветлуги, остальные аналогичные памятники расположены в левобережье. Вероятно, Ветлуга долгое время служила реальным рубежом, задерживающим проникновение западного (древние русские или славянизированные финны) населения в Ветлужско-Вятское междуречье.

Литература:

- Алексеев, Сергеева, 1973 – Алексеев Л.В., Сергеева З.М. Раскопки курганов в Восточной Беларуссии // КСИА, вып. 135, 1973. – С. 49-55.
- Арциховский, 1930 – Арциховский А.В. Курганы вятичей. – М.: РАНИОН. 1930. – 222 с.
- Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 598 с.
- Голдина, 1985 – Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985.
- Голубева, 1982 – Голубева Л.А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. – Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 110-124.
- Горюнова, 1961 – Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Вятского междуречья // МИА, 94. М.: Академия наук. 1961. 264 с.
- Горюнова, Овсянников, 2002 – Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. – СПб: ИИМК, 2002. – С. 211-220.
- Гришаков, Зеленев, 1990 – Гришаков В.В., Зеленев Ю.А. Муром VII-XI вв.: Учебное пособие. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. – 17 с.

Даркевич, 1974 – Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. – М.: Наука. 1974. – С. 19-71.

Дубынин, 1949 – Дубынин А.Ф. Малышевский могильник // КСИИМК, вып. XXV. – М.-Л., 1949. – 144 с.

Жилина, 2008 – Жилина Н.В. Хронология украшений древнерусских кладов IX-XI вв. // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М., 2008. С. 324-323.

Зайцева, 2008 – Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В трех томах. Т. 2: Материальная культура и хронология. – М.: Наука, 2008. – С. 57-141.

Захаров, 2004. – Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.

Захаров, Адаменко, 2008 – Захаров С.Д., Адаменко О.Н. Изделия из железа // Археология севернорусской деревни X-XIII веков. – М.: Наука. 2008. – С. 7-52.

Кашкин, 2003 – Кашкин А.В. Могильник Оленино на Верхней Волге // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сборник статей. – Ярославль, 2003. – С. 112-121.

Кирпичников, 1966 – Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. САИ Е1-36, вып. 2. – М.: Наука, 1966. – 181 с.

Кирпичников, 1966 – Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Меч и сабли. IX-XIII вв. САИ 1-36, вып. 1. М.: Наука. 143 с.

Комаров, 2002 – Комаров К.И. Раскопки курганного могильника у д.Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. – Тула. 2002. – С. 141-184.

Корзухина, 1954 – Корзухина Г.Ф. Русские клады IX-XIII вв. – Л.: АН СССР. – 226 с.

Левашова, 1967 – Левашова В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII Труды ГИМ. Вып. 43. – М.: Советская Россия. 1967. – С. 207-252.

Леонтьев, 1996. – Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. – М.: Геоэко, 1996. – 338 с.

Макаров, 1997 – Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.:Скрипторий, 1997. – 368 с.

Недошивина, 1967 – Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М.: Советская Россия, 1967. С. 253-274

Никитина, 2010 – Никитина Т.Б. Древнерусские вещи в марийских могильниках IX-XI вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках.: Новые археологические исследования. – М.: Наука, 2010. – С. 36-43.

Никитина, 2002 – Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. – 432 с. с ил.

Никитина, 2012 – Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX-XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2012. – 408 с.

- Рябинин, 2001 – Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода: (результаты археологических исследований 1971-1991). – Спб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 264 с.
- Седов, 2007 – Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. – М.: Наука. 2007. – 413 с.
- Седов, 1982 – Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. – М.: Наука, 2007. – 328 с.
- Седова, 1981 – Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.
- Седова, 1997. – Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1997. – С.63-78.
- Сергеева, 1986 – Сергеева З.М. Курганы у д. Зарищино в Полоцком Подвинье // КСИА, вып. 183. – 1986. – С. 80-82.
- Сумина, 1999 – Сумина И.А. Месталлические перстни средневекового Белоозерья // Труды ГИМ. Вып. 11. – М. – С. 167-189.
- Спицын, 1905 – Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. – СПб. 1905. – С. 84-172.
- Фехнер, 1967. – Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. Вып. 43. – М.: Советская Россия, 1967 – С. 55-87.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 512 с.
- Хвошинская, 2004 – Хвошинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли. – СПб.: Издательство Дмитрий Буланин, 2004.
- Юшко, 1967 – Юшко А.А. Раскопки курганов XI-XII вв. у с. Покров Московской области // КСИА, вып. 110. – 1967. –С 48-53

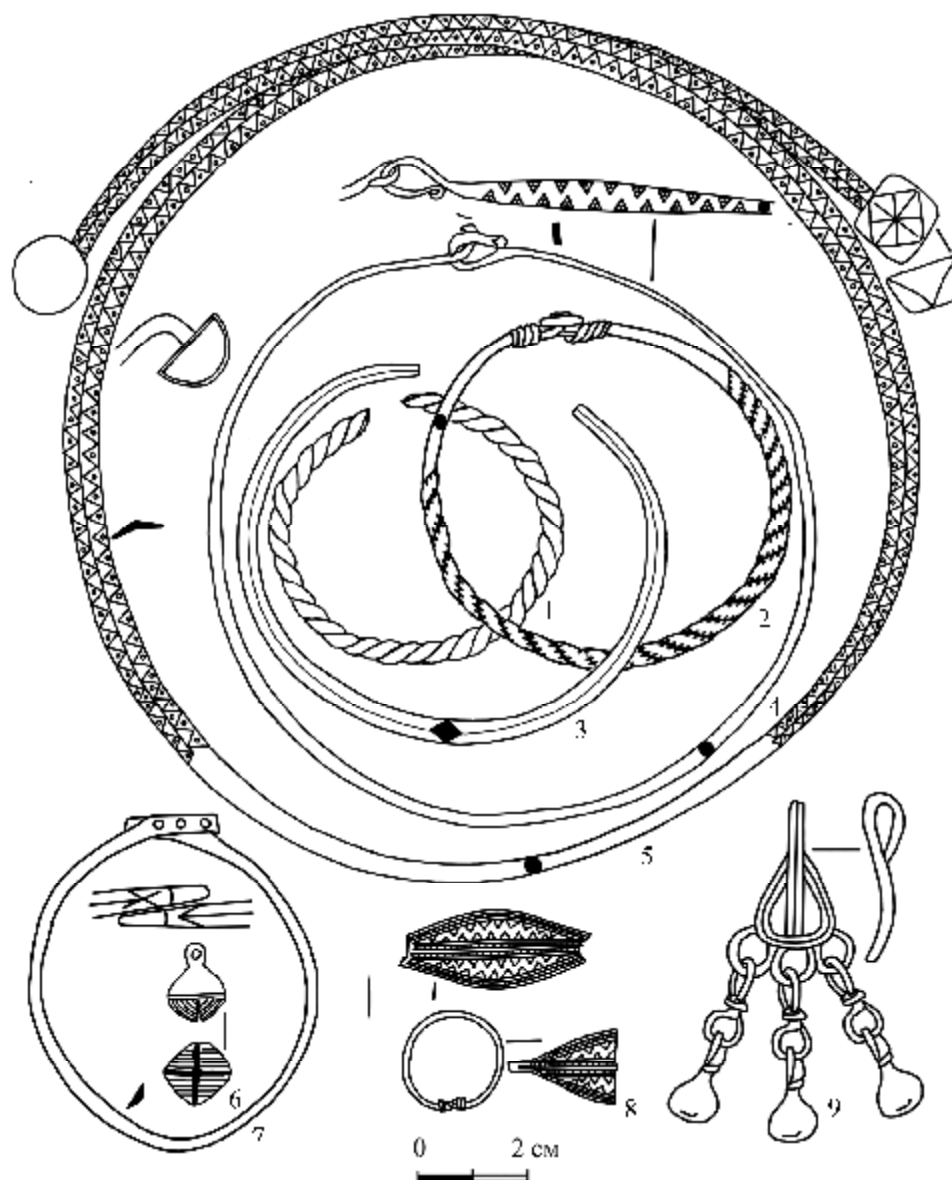

Рис. 1. Русенихинский могильник:
 1,6,7 - жертвенный комплекс 15; 2 - погребение 7;
 3,5,8 - погребение 8; 4 - погребение 17,
 9 - погребение 14.

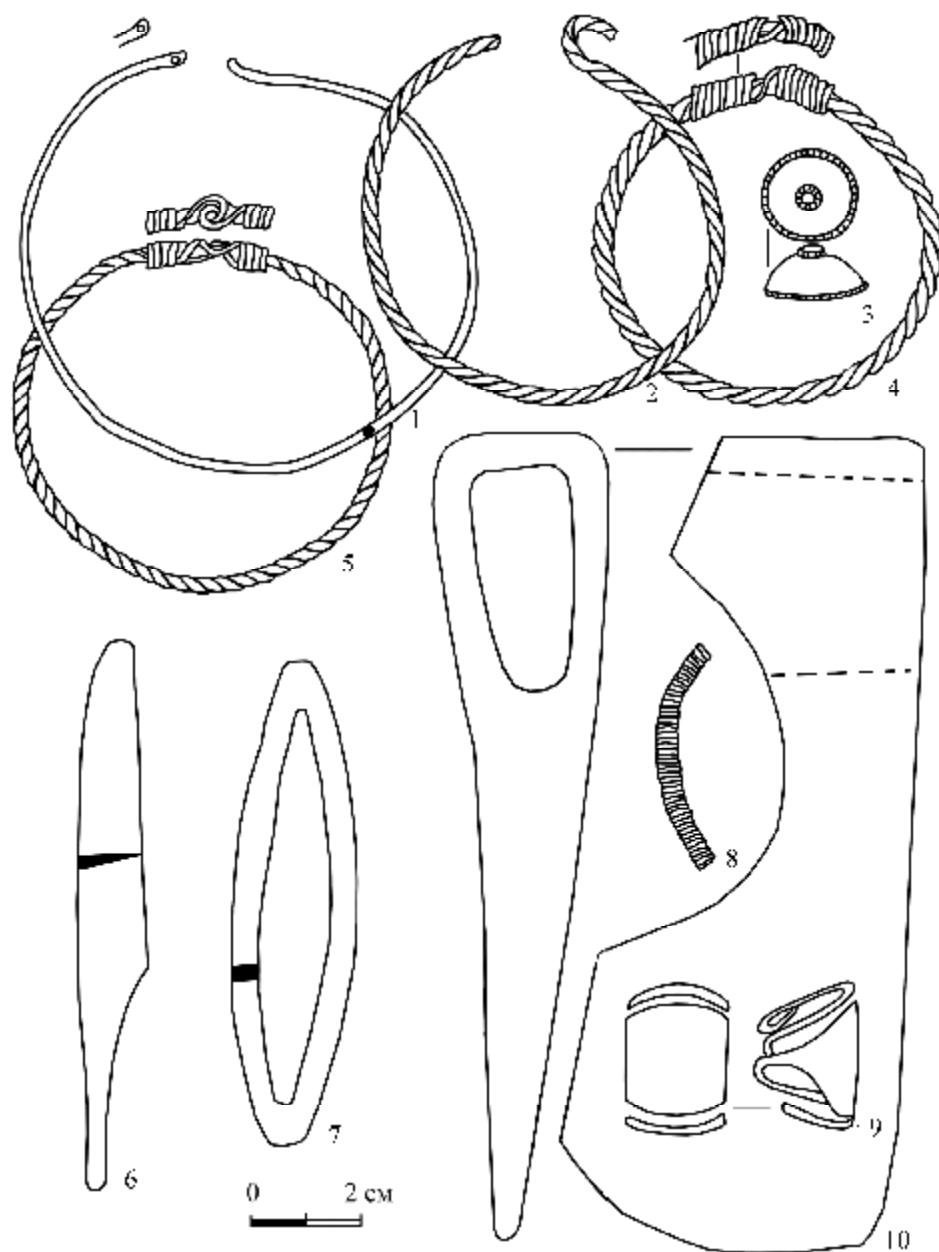

Рис. 2. Русенихинский могильник, погребение 16.
1-5,8,9 - цветной металл; 6,7,10 - железо.

Сарапулов А.Н.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**СЕВЕРНЫЙ И ЮЖНЫЙ ВАРИАНТЫ ЛОМОВАТОВО-
РОДАНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО ТИПА***

** Материал подготовлен в рамках проекта № 29а-Ф Программы стратегического развития ПГГПУ*

Ключевые слова: хозяйственно-культурный тип, ломоватово-родановская общность, южный вариант, северный вариант, наконечники пахотных орудий.

В статье дается характеристика земледельческого хозяйства северного и южного вариантов ломоватово-родановской общности на примере использования метода картографирования земледельческого инвентаря. Обосновывается закономерность в распространении орудий земледелия и выделения вариантов средневековых культур Верхнего и Среднего Прикамья.

Sarapulov A.N. (Perm)

**NORTHERN AND SOUTHERN VARIATIONS OF THE LOMOVATOV-
RODANOVSKY COMMUNITY IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC AND
CULTURAL TYPE DEVELOPMENT**

Key words: economic and cultural type, Lomovatovo-Rodanovsky community, Southern variation, Northern variation, tips of agricultural tools

The paper provides characteristics of agricultural economy of the Northern and Southern variations of the Lomovatovo-Rodanovsky community by example of the method of mapping agricultural inventory. Regularity in the distribution of agricultural tools and definition of variations of Medieval cultures of the Upper and Middle Kama regions are grounded.

В начале II тыс. н.э. в земледелии Прикамья происходит переворот, который связан с распространением нового вида орудия труда, изменившего способы обработки почвы. Появление данного орудия говорит о переходе к высшей – пашенной – форме земледелия и новому хозяйственно-культурному типу (ХКТ). Часто встречающимися находками на памятниках этого периода являются наконечники пахотных орудий – ральники, принадлежавшие ралам с горизонтальным или близким к горизонтальному положением полоза. Естественно, что с появлением пашенного земледелия на территории Среднего и Верхнего Прикамья увеличилась производительность труда, что привело к распространению жерновых поставов, жатвенных орудий, специализированных ям-кладовок для хранения зерна, культовых комплексов, связанных с земледельческим хозяйством. Все эти материалы известны на территории родановской культуры, в Верхнем и Среднем Прикамье. Но распространение их по этой территории неравномерно.

Как известно, Пермское Предуралье – это обширная географическая зона, внутри которой локализуются отдельные местности, существенно отличающиеся друг от друга широтным расположением, почвенно-географическими и

климатическими условиями, которые в совокупности и имеют первостепенное значение для развития хозяйства, в особенности, земледелия.

Исходя из природно-географических особенностей, влияющих на развитие земледелия, можно выделить несколько локальных природно-географических групп на территории Пермского Предуралья:

1. Обвинско-Иньвенское поречье,
2. Нижнее течение реки Чусовой,
3. Северные районы Пермского Предуралья (бассейн рек Вишера, Яйва, Косьва, Коса и др.).

Два первых микрорайона в археологическом плане можно отнести к южному варианту ломоватово-родановской общности, а третий микрорайон – к северному. Необходимо отметить, что условия для занятия земледелием в южном районе были несколько благоприятнее, чем в северном. Северный вариант, занятый зоной тайги, характеризуется суровым континентальным климатом и малоплодородными, преимущественно сильно- и среднеподзолистыми почвами. А южный вариант отличается более мягким климатом и более плодородными слабо-, дерново-подзолистыми и серыми лесостепными почвами. Поселения в этих районах в основном располагаются большими группами, разделенными незаселенными территориями, а внутри больших групп выделяются несколько небольших компактных групп поселений («гнездовость» расположения).

Основным типом памятников родановского времени являются поселения: селища и городища. Городища расположены на мысах высоких береговых террас (15-50 метров), господствующих над местностью, а иногда и на краю невысоких террас (4-10 м), примыкавших к заболоченной пойме. Площадь городищ колеблется от 1,5-4 до 20 тыс. кв. м. Селища преимущественно находились недалеко от городищ, но в глухих районах они могли образовывать группы, не защищенные городищами. М.Г. Гусаков высказывает мнение, что вытянутое цепочкой расположение памятников характеризует подсечную систему земледелия, при которой наблюдается неполная оседлость населения (Гусаков, 2010, с. 500). Большинство селищ расположено на низких надпойменных террасах, а иногда и прямо в пойме на склонах пологих террас, в устьях малых рек, рядом с пойменными лугами на высоте от 2 до 10 м над рекой. Реже они занимали мысы или края высоких террас (12-18 м). Площадь селищ была от 1-4 до 18 тыс. кв. м (Оборин, 1999, с. 263-264). Расположение средневековых городищ и селищ по берегам рек в сухой высокой пойме или на краю коренных береговых террас может косвенным образом свидетельствовать о распространении подсечно-огневой системы земледелия.

Как показало картографирование местонахождений наконечников на территории Пермского Предуралья (см. рис. 1), в основном они группируются на территории северного варианта родановской культуры (около 60 %), остальные – на территории Обвинско-Иньвенского поречья, на Косьве и в среднем течении р. Чусовой. В северных районах местонахождения наконечников четко концентрируются в бассейнах рек Камы, Косы, Язьвы, Колвы, Вишеры и их притоках, что, скорее всего, связано с проживанием на этих территориях отдельных племенных групп. В.А. Оборин относит к северному варианту гайнскую, косинскую, верхнекамскую, чердынско-язьвенскую группы, считая, что они связаны с компактным проживанием отдельных племенных групп древнего коми-пермяцкого населения (Оборин, 1999, с. 260). А.В. Вострокнутов на территории северного варианта выделяет Камско-Колвинскую, Гайнско-Косинскую, Лупьинскую, Верхнекамскую, Яйвенско-Камскую территориальные

группы (Вострокнутов, 2011, с. 15-19). Картографирование показало, что земледельческий инвентарь концентрируется на территории этих групп, что подтверждает мнения исследователей.

Необходимо отметить, что, по-видимому, масштабы распространения земледелия были выше в северных районах, а уровень земледельческого хозяйства был выше в южных районах. Около 80 % местонахождений серпов и кос-горбуш, около 60 % местонахождений жернового постава, основные местонахождения остатков зерна, ям-кладовок, культовых комплексов концентрируются на территории южного варианта (см. рис. 2). По оценке В.А. Оборина, на севере были более распространены топонимы с окончанием на «ыб» (возделанное поле) (Оборин В. А., 1999, с. 278). А в южных районах, по-видимому, в силу более благоприятных почвенно-климатических условий преобладало земледелие со значительной ролью скотоводства.

С чем же может быть связано то, что масштабы распространения земледелия были выше в северных районах, несмотря на то, что природно-географические условия в сравнении с южным микрорайоном здесь были не самыми благоприятными? А связано это, на наш взгляд, прежде всего, с распространением пашенного земледелия на территории Пермского Предуралья.

Территорией, с которой мог быть заимствован новый хозяйственно-культурный тип в начале II тыс. н.э., является Древняя Русь. На территории Древней Руси, наряду с сохами и плугами использовались рала с широколопастными наконечниками. Поэтому, скорее всего, правы те исследователи (Ф.А. Теплоухов, В.А. Оборин, А.М. Белавин в поздних работах, Н.Б. Крыласова), которые писали о древнерусской (северорусской) основе нового ХКТ в Пермском Предуралье.

В.А. Оборин считал, что земледелие в северорусском варианте на изучаемую территорию могло быть привнесено с эпизодическими миграциями древнерусского населения, начиная с XII вв. (начальный период русской колонизации) (Оборин, 1956, с. 66-75). Хотя, в период XI-XII вв. древнерусских изделий на территории Среднего и Верхнего Прикамья встречено сравнительно немного. По подсчетам А.М. Белавина, на территории Пермского Предуралья известно около 40 пунктов обнаружения древнерусских вещей (Белавин, 2002, с. 246). Большая часть этих изделий попадает в Верхнее Прикамье как в результате торговых операций через Волжскую Булагарию или Пермь Вычегодскую, так и с древнерусскими их владельцами (нашивные бляшки в виде небольшого плоского колечка с перемычкой и без нее, литейные формочки для них, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, перстни, височные подвески, лунницы, решетчатые подвески, лировидные пряжки, бусы, витые и шарнирные браслеты, серебряные сосуды и монетные гривны, мечи, боевые топоры и др. вещи) (Макаров, 2001, с. 24).

Вероятнее всего, что древнерусские переселенцы могли проникать на территорию Верхнего Прикамья вместе с финской миграцией.

В XI-XII вв. на территории Пермского Предуралья в качестве вмещающего этноса появляются финны, что послужило основной причиной четко выраженных изменений в этнической и хозяйственно-культурной ситуации. В русле всех этих культурных изменений, появление нового ХКТ вполне вписывается в концепцию позднего переселения финнов в Верхнее Прикамье.

Н.А. Макаров отмечает, что колонизация могла укрепиться лишь там, где природные условия позволяли создать сельскохозяйственную базу для постоянных поселений (Макаров, 1997, с. 64). Картографирование

местонахождений ральников, как уже отмечалось, показало, что они в основном концентрируются в северных районах, что как раз и может маркировать продвижение колонистов с севера на юг, и освоение в первую очередь северных территорий. Ареалы распространения древнерусских изделий также охватывают преимущественно север современного Пермского края и бассейн р. Иньвы.

Что касается того, что уровень хозяйства был выше на территории южного варианта, то это связано, по большей части, с более благоприятными почвенными и климатическими условиями и большим количеством раскопанных площадей крупных поселений (Рождественское, Анюшкар, Саломатовское I городища, селище Телячий Брод и др.). Нельзя не учитывать и активного влияния Волжской Булгарии с ее высоким уровнем земледельческого хозяйства на эти территории. Булгарская керамика и вещи обнаружены на большинстве археологических объектов южного варианта ломоватово-родановской общности. Как отмечают исследователи (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц), в Прикамье существовали и булгарские торговые фактории в районе городищ Анюшкар, Рождественское, Иднакар (Крыласова, Белавин, Ленц, 2003).

Таким образом, выделение южного и северного вариантов, предложенное В.А. Обориным еще в середине XX в., вполне обосновано. Прежде всего, с точки зрения влияния соседей (Древней Руси, Волжской Булгарии), а также развития хозяйственно-культурного типа, как комплекса взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, зависящего от социально-экономического развития и естественно-географических условий и составляющего основу любой культуры – систему жизнеобеспечения.

Литература:

Белавин, 2002 – Белавин А.М. Археологические памятники эпохи русской колонизации Предуралья и Нового времени // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов / Перм. гос. пед. ун-т.; Под ред. А. М. Белавина. – Пермь: ПГПУ, 2002. – С. 243-250.

Вострокнутов, 2011 – Вострокнутов В.А. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI-XV вв. Опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. – 2011 – № 8. – С. 15-19.

Гусаков, 2010 – Гусаков М.Г. Подсечное земледелие в железном веке в Восточной Европе // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). – М., 2010. – С. 491-507.

Крыласова, Белавин, Ленц, 2003 – Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Труды КАЭЭ. Вып. III / Под. ред. А. М. Белавина. Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь: ПГПУ, 2003.

Макаров, 2001 – Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв.: Учебное пособие. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. – 140 с.

Макаров, 1997 – Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). – М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. – 368 с.

Оборин, 1956 – Оборин В.А. К истории земледелия у древних коми-пермяков // Советская этнография. – 1956. – № 2. – С. 66-75.

Оборин, 1999 – Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Коллективная монография / отв. ред., авт. предисл. М.Г. Иванова; вступ. статья М.Г. Ивановой, Т.Б. Никитиной, Э.А. Савельевой. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 255-298.

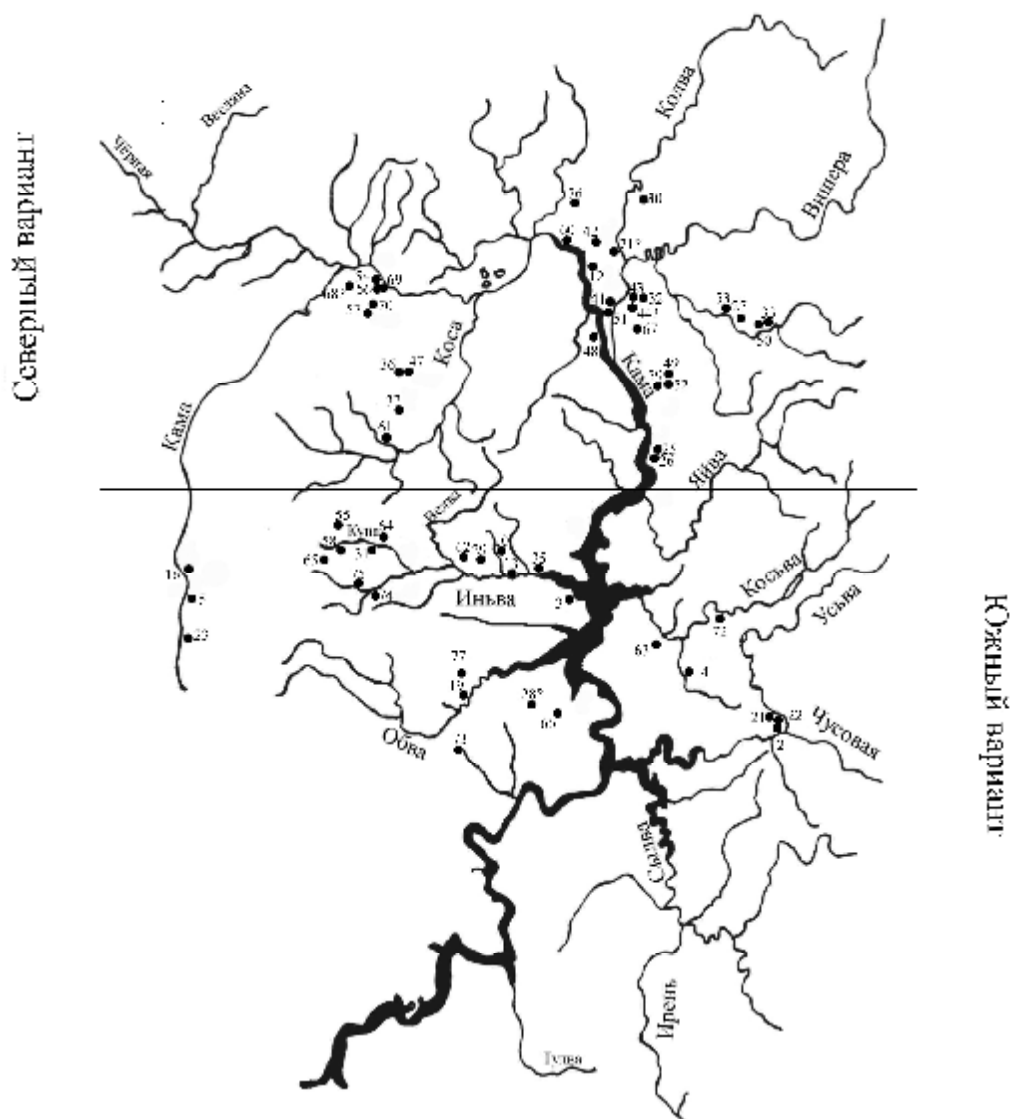

Рис. 1. Распространение наконечников пахотных орудий (ральников)

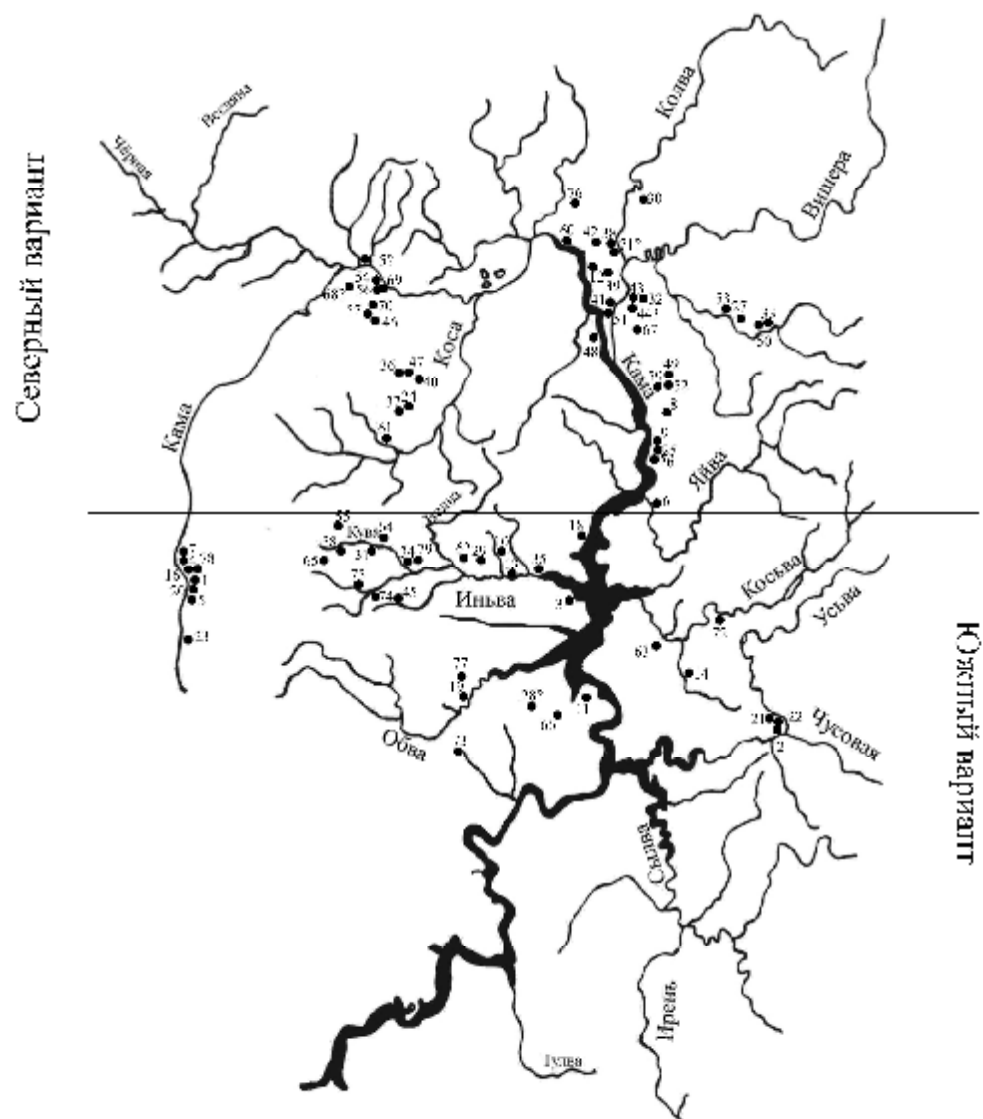

Рис. 2. Распространение сельскохозяйственных орудий, находок зерна, ям-зернохранилищ и жертвенников

Моряхина К. В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕГЕНД О ПЕРМСКОЙ ЧУДИ*

**Материал подготовлен в рамках проекта № 29а-Ф Программы стратегического развития ПГГПУ*

Ключевые слова: легенды, Пермская чуда, классификация, коми-пермяки.

В статье представлена классификация легенд о Пермской чуди. Каждая группа легенд проанализирована, и был составлен образ Пермской чуди на основе легенд. Классификация позволила упорядочить массив легенд о Пермской чуди.

Moriakhina K.V. (Perm)

ON THE CLASSIFICATION OF LEGENDS OF THE PERM CHUD

Keywords: legends, Perm Chud, classification, the Komi-Permyaks

The paper presents a classification of legends of the Perm Chud. Each group of legends is analyzed to present an overall image of Perm Chud. The classification allows organizing the whole array of legends about the Perm Chud.

Понятие «Пермская чуда» ввел Ф.А. Теплоухов. По его мнению, понятие Пермская чуда связано с расселением этого народа на территории древней Перми, а не определяет связь чуди с пермяками (Теплоухов, 1892-1895, Б, с. 4). Память о Пермской чуди сохранилась в легендах, которые распространены на все территории Пермского края. Большинство легенд о Пермской чуди были записаны от коми-пермяков. И это не случайно. Народы, для которых легенды играют значительную роль в формировании их миропонимании, являются носителями мифологического сознания. К таким народам можно отнести и коми-пермяков. Они хранят не только легенды о Пермской чуди, но и верят в духов леса и воды (Голева, 2008, с. 14).

Как отмечал А.Ф. Лосев, «Миф (для мифологического сознания) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» (Лосев, 1990, с. 5). Таким образом, можно говорить, что для носителей легенд о Пермской чуди, по крайней мере, в дореволюционное время, содержание легенд являлось отражением исторической действительности, пропущенным через их сознание, их представлением об уровне развития Пермской чуди. И в тоже время ряд легенд о Пермской чуди – это стремление объяснить исчезновение чуди и материальные объекты, оставленные после нее. Как писал В. Вундт, миф выражает насущные потребности и стремления (Лосев, 1990, с. 7).

Легенды о Пермской чуди многообразны, поэтому их целесообразно классифицировать. Классификация позволит упорядочить множество легенд и облегчит доступ к ним. Впервые классификация легенд о Пермской чуди была составлена Л.С. Грибовой – первым исследователем легенд о Пермской чуди, –

которая не только собирала множество легенд, но и предприняла попытку их интерпретации и классификации. За основу классификации были взяты сохранившиеся представления о Пермской чуди у жителей Пермского края. В легендах чудь представляется как чуждый коми-пермякам народ, дохристианское население, богатыри, разбойники, раскольники, чудаки (мифические существа) (Грибова, 1991). Вторая классификация была составлена Г.Н. Чагиным. Им были выделены основные сюжеты легенд о Пермской чуди: представление о предках, занятия чуди и ее внешний вид, религиозные верования, характер поведения, взаимоотношения с другими народами, исчезновение, о кладах и богатырях (Парма, 2009, с. 13). Нами была дополнена классификация легенд по Г.Н. Чагину, в основе которой лежит тематика (содержание) легенд и преданий. Все легенды о Пермской чуди мы можем разделить на восемь групп.

Легенды с упоминанием Пермской чуди.

В некоторых местностях остались лишь упоминания о чуди. Например, жители Чусовского района рассказывают, что на месте Антыбарского могильника стояли дома чуди (Ленц, 1986, с. 28). В Сарапульском уезде местам бывшего обитания чуди приписывают целый ряд городищ – Нечкинское, Воткинское, Бобья-учинское, чудское кладбище показывают вблизи починка Заборья (Смирнов, 1890, с. 40-41). И таких примеров можно встретить еще множество по всему Пермскому краю и на сопредельных территориях.

Для легенд об упоминании чуди типично то, что чудь называют первыми жителями. Все указанные выше места впоследствии были заселены другими народами.

Легенды с упоминанием чуди не содержат сведений, характеризующих существование или исчезновение чуди.

Описательные легенды о Пермской чуди.

Большую группу легенд о чуди составляют легенды, повествующие о внешнем облике чуди, основных занятиях, быте и религии. По этим данным можно составить собирательный образ чуди.

Легенды представляют облик чуди с двух противоположных сторон: с одной стороны – чудь большая, с другой – маленькая, но шустрая. Большой рост чуди, как правило, связывают с чудскими богатырями. «Древние люди наших мест были высокорослые» (Парма, 2009, с. 64). Наиболее распространена версия о маленьком росте чуди. «Маленькие, как дети, были». И все у них было маленькое: жилища, орудия труда и др. (Парма, 2009, с. 31).

В легендах содержатся описания чудских жилищ. Один из вариантов чудских построек – это маленькие избенки или шалаши, похожие на те, которые можно встретить у марийцев или удмуртов. По другим сведениям, чудь делала себе землянки. Предания с замечательным согласием рисуют чудские ямы: это углубления, вырытые в земле, покрытые деревянной крышей, на которую насыпалась земля (Смирнов, 1890, с. 40-43). По третьим сведениям – у чуди были каменные сооружения, похожие на «каменки в банях» (Грибова, 1991).

Основное занятие чуди – земледелие. «Чудь выращивала зерно. Зерно тогда по-другому росло: колосья с суставами, из каждого сустава колосья колосятся – на одном колоске множество зерен. Жали чуди шилами и долотами. Каждое растение роняли отдельно: вонзят в нижний сустав – оно и ломается. Затем перевяжут веревочкой сноп и волоком тащат по земле. Снопы обмолачивали скалкой и веретеном. Зерна вырастало мало, его хранили в холщевых голенищах, но хватало всем, и чуды жили хорошо». Чудь еще промышляла зверя птицу, ловила рыбу, собирала мед, ягоды, грибы (Парма, 2009, с. 45-46).

Легенды сообщают нам о вещах, которые остались после чуди: наконечники, кинжалы, ножи, малые шилья и ральники, топоры медные и серьги литые (Грибова, 1991).

В легендах представлена и духовная сфера, которая не малую роль играла в жизни чуди. Чуди были идолопоклонниками. «Увидят что-то странное и молятся, медведю молились будто» (Грибова, 1991).

Описательные легенды о чуди многообразны. А некоторые сведения противоречивы, и поэтому возникает сложность с описанием внешнего облика чуди. Базируясь на легендах, можно выделить основные занятия чуди: земледелие, охота, рыболовство, собирательство. Равное значение имели производящее и присваивающее хозяйство. Чудь использовала примитивные орудия труда для обработки урожая. Для чуди характерны анимизм, тотемизм, идолопоклонничество.

Легенды об исчезновении Пермской чуди.

Наиболее распространенная версия легенд об исчезновении чуди – чудь ушла под землю. Вследствие чего распространились легенды о чудских ямах. Чудь жила в пермских лесах. Когда пришли русские и пытались чудь подчинить и крестить, она выкопала ямы, залезла туда, зарылась в них и с собой все имущество взяла (Добротворский, 1883, с. 229-231).

Исчезновение чуди связывают в легендах не только с ее уходом под землю. Предания не исключают такой вариант, что чудь ушла в другие земли из-за притеснения пришлых народов (Парма, 2009, с. 67).

Стоит отметить, что в обоих вариантах прослеживается идея исчезновения чуди от притеснения пришлого народа.

Легенды об отношении Пермской чуди с другими народами.

Известия об отношениях чуди с другими народами в легендах представлены скудно.

Отношения чуди с другими народами носили различный характер: мирный – с башкирами, воинственный – с татарами, вотяками (Смирнов, 1890, с. 40; Белавин, 1986, с. 3). Отношения чуди с русскими были противоречивы: была и борьба между ними, и помощь со стороны чуди (Сергеев, 1895, с. 41; Парма, 2009, с. 22).

Агрессивный характер взаимодействия чуди с другими народами связан, как правило, с борьбой за обладание территорией и обороной чуди своих поселений.

Легенды о культурных героях.

Легенды о культурных героях относятся к разряду персонифицированных легенд. Наиболее известные культурные герои – Кудым-Ош, Перя-богатырь, Чудская дева, Дзюздя, Полюд, Бач, Чадэ, Юкся, Пукся, Майко, Анюш, Онтипа и ряд богатырей, чьи имена не сохранились.

Кудым-Ош – это легендарный литературный богатырь. Персонаж был придуман А.А. Кичигиным в 1915 г. Но легенды о Кудым-Оше прижились в среде коми-пермяков, т.к., возможно, отражали их историю, и добавились новыми сюжетами, поэтому эти легенды все равно стоит изучать. Возможно, образ Кудым-Оша послужил для коми-пермяков основой для отражения истории своего народа через деятельность выдающейся личности (по легенде, Кудым-Ошем «открыл» земледелие, производство металла). Как пишет В. Вундт, для наивного миропонимания характерна «склонность приписывать всякое или важное значимое изобретение личности как творцу его» (Вундт, 2001, с. 73).

М.Н. Ожеговой легенды о Кудым-Оше были разделены по своему содержанию на 5 групп: предания, связанные с родовым тотемом – медведем;

предания об экзогамном браке у древних коми-пермяков; предания, отразившие родоплеменную борьбу с внешним миром; предания, связанные с внедрением культуры земледелия; предания топонимического характера (Ожегова, 1971, с. 11-39).

Перя-богатырь – другой национальный герой коми-пермяков. Легенды о Пере-богатыре впервые были записаны в XVIII в. В дореволюционное время было записано четыре варианта легенд о Пере-богатыре. В середине XX в. совершено несколько экспедиций по сбору легенд, результаты которых представлены в работах Д.И. Гусева и М.Н. Ожеговой (Ожегова, 1961, с. 7-10).

М.Н. Ожеговой легенды о Пере-богатыре были разделены по своему содержанию на 6 групп: предания о помощи богатыря русским в борьбе с татаро-монгольскими завоевателями; о борьбе Перы с графом Строгоновым; о жизни Перы в условиях северного лесного края; о борьбе Пери с мифологическими существами; Пера, Пеля и Полюд; предания на сюжет «Перя-богатырь и христианская религия» (Ожегова, 1971, с. 53-119).

Остальные чудские богатыри предстают перед нами в качестве родоначальников. Каждый из этих богатырей почитаем и известен только в определенном районе (Моряхина, 2013, с. 179-181). В целом легенды не насыщены информацией, нет цикла легенд об определенном богатыре.

Легенды о культурных героях разновременные. По времени своего формирования легенды можно разделить на две группы: до и после русской колонизации. До русской колонизации формируются образы чудских родоначальников.

Легенды отражают, что во главе чудского народа не было одно вождя, было родоплеменное разделение. Чудской народ жил разрозненно, даже воевали между собой.

Легенды о чудских кладах.

Все чудские клады связаны с чем-то магическим. В одних легендах говорится что, клады заколдованы и если кто-то их раскопает, то золото превращается в уголь (Берх, 1821, с. 115), в других – богатыри охраняют клады (Парма, 2009, с. 34).

Причиной возникновения легенд о чудских кладах, скорее всего, является периодическое нахождение кладов в земле. В.В. Климов считал, что чудь прятала в земле ценные вещи (украшения, предметы культа) от своих многочисленных врагов (Климов, 1974, с. 122-123).

Легенды о мифологическом образе чуди.

У коми-пермяков сложилось представление о мифологических существах под названием чудь. Они отличаются от чуди как народа, являются злыми духами, пребывают в банях, овинах, заброшенных местах, лесу и воде. Иногда их напрямую соотносят с бесами, чертями, называют «нехристью». Встреча с ними неминуемо ведет к несчастью (Парма, 2009, с. 15). Эти мифические существа досаждают людям, пугают их, порой и вовсе убивают их.

Появление легенд о мифологической чуди свидетельствует об изменении отношения коми-пермяков к чуди (легенды записаны от данного народа). Если раньше еще допускалось родство коми-пермяков, то в этих сюжетах чудь предстает совсем чуждым народом для коми-пермяков.

Обряд поминания чуди.

В селениях Лойнах и Гадевы в Семик и прочие поминальные дни дети носят на чудские кладбища блины и брагу, полагая их в берестяные коробочки и личным перевесельцем и вешая эти коробочки на сосны и ели, растущие на

могильниках. Оставляют там яства, говоря: «помяни Господни чудскую бабушку, чудского дедушку» (Смирнов, 1891, с. 125).

В Юкseeво, Чазево, Пуксибе обычно на таких поминках перебирают в памяти языческие имена людей, явившихся будто бы основателями населенных пунктов в бассейне р. Косы: Юкся, Пукся, Бач, Чудэ (Парма, 2009, с. 39).

Эти легенды подтверждают, что память о чуди сохранилась в сознании коми-пермяков. А также является свидетельством, говорящим о родстве между чудью и коми-пермяками.

Легенды о чуди многообразны. Они представляют все аспекты жизни чуди и память о ней, за исключением ее появления на Пермской земле.

Каждая группа легенд из предложенной классификации представляет собой самостоятельный сюжет. Но, тем не менее, они пересекаются и дополняют друг друга.

В целом можно заключить, что исторические явления получили отражение в легендах о Пермской чуди. Это касается, главным образом, группы легенд: описание Пермской чуди (ее занятий, верований), взаимодействия с другими народами. А также легенды с течением времени, с появлением новых исторических событий, дополнялись новыми сюжетами.

Меняется со временем и отношение к Пермской чуди: если сначала чудь предстает, как исторически существовавший народ, то потом постепенно превращается в мифический народ, появляются легенды о мифологической чуди, о заколдованных кладах.

Стоит отметить, что все группы легенд без исключения имеют свою значимость для исследователя, несмотря на различный уровень отражения исторической действительности. Для дописменной истории Пермского края легенды являются одним из исторических источников, в дальнейшем, после русской колонизации, они служат отражением мировоззрения носителя легенд и отражением его представлений об исторических событиях.

Литература и источники:

Белавин, 1986 – Белавин А. М. Отчет об археологических исследованиях в Карагайском районе Пермской области в 1985 г. – Пермь. 1986. // Архив МАЭ ПГГПУ.

Берх, 1821 – Берх В. Н. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания древностей. – СПб: Печатано в Воен. Типографии Гл. штаба Его Импер. Величества, 1821. – 234 с.

Вундт, 2001 – Вундт В. Проблемы психологии народов. – СПб.: Питер, 2001. – 160 с.

Голева, 2008 – Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург. 2008. – 27 с.

Грибова, 1991 – Грибова Л. С. Чудь по коми-пермяцким верованиям и преданиям: этнографический материал, собранный в Пермской области, 1991 // Архив КНЦ УрО РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 54.

Добротворский, 1883 – Добротворский Н. Пермь // Вестник Европы. – СПб: Типография Стасюлевича, 1883. – март. – 228-265 с.

Климов, 1974 – Климов В. В. Заметки к преданиям о чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. – Пермь. 1974. – 121-123 с.

Ленц, 1986 – Ленц Г. Т. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области 1986 г. – Пермь. 1986 // Архив МАЭ ПГГПУ.

Лосев, 1990 – Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Правда, 1990. – 656 с.

Моряхина, 2013 – Моряхина К. В. Локализация в пространстве персонифицированных легенд о пермской чуди // Тезисы докладов XLV Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2013. – 179-181 с.

Ожегова, 1971 – Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. – Пермь, 1971. – 132 с.

Ожегова, 1961 – Ожегова М. Н. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1961. – 115 с.

Парма, 2009 – Парма – земля чуди: правда и мифы / под ред. Г. Н. Чагина. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2009. – 143 с.

Сергеев, 1895 – Сергеев С.И. О пещерах на р. Яйва и ее притоках Соликамского уезда // Пермский край. Т.3. – Пермь, 1895. – С.17-50

Смирнов, 1890 – Смирнов И. Н. Вотяки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Том 8. Вып. 2. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1890. – 351 с.

Смирнов, 1890 – Смирнов И. Н. Пермяки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Том 9. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. – 289 с.

Теплоухов, 1892-1895 – Теплоухов Ф. А. Оттиски статей и заметок о древностях Пермской губернии. – Пермь: Тип. н-ков Каменского, 1892-1895. – 280 с.

Петров В.Л.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ*

**Материал подготовлен в рамках проекта № 29а-Ф Программы стратегического развития ПГГПУ*

Ключевые слова: культ, Пермское Предуралье, культовая пластика, ритуал

В статье описываются основные сюжеты культа животных в Пермском Предуралье. Рассматривается культовая пластика и пермский звериный стиль как основной источник изучения культа животных.

Petrov V.L. (Perm)

ANIMAL CULT IN THE PERM CIS-URALS

Key words: cult, Perm Cis-Urals, cult plastic art, ritual

This paper presents main plots of animal cult in the Perm Cis-Urals. Cult plastic art and Perm animal style are discussed as the main sources for studying animal cult.

В жизни средневекового населения Пермского Предуралья большую роль играли культы и верования, связанные с анимистическими религиозными представлениями. Исследование этой стороны духовной жизни может дать богатый материал для реконструкции повседневного существования средневековых жителей. Но проведение подобных исследований осложнено отсутствием письменных источников о той эпохе. И в данной ситуации мы можем опираться на данные таких наук, как археология и этнография. Анализируя материал, добытый в ходе археологических и этнографических экспедиций, можно попытаться выделить мотивы и сюжеты, присутствовавшие в культовой жизни средневекового человека в Пермском Предуралье.

Начнем с понятия "культ". Слово достаточно известно и распространено в повседневной жизни, но под ним в наше время понимаются различные явления духовной жизни (культ как поклонение чему-то или кому-то (яркий пример – культ личности, культ денег), культ как часть религии и т.д.). И различные группы исследователей предлагают свои определения этого термина. Так, одно толкование мы видим у психологов, другое у социологов. Но одно из самых распространенных пониманий слова "культ" связано именно с теологией и религией. Но и в данном аспекте существуют различные точки зрения. Так, слово "культ" можно понимать как секту или что-то, что противоречит нашим убеждениям. Эту точку зрения мы не можем принять, так как данная область не входит в круг наших интересов, да и интересов археологии в целом. Для нас важно иное и, наверное, наиболее оригинальное значение термина "культ". Слово "культ" происходит от латинского слова "cultus", которое дословно значит поклоняться или почитать что-либо. В средние века люди именно поклонялись силам природы, языческим богам, духам; почитали души предков и тотемы. Это являлось важной частью жизни средневекового населения на Урале. И со

временем эти культы не ушли совсем. С приходом русского населения и христианизации они были вплетены в христианство, и вместе создали абсолютно новый образец духовной культуры. Этот пример показывает, насколько большую роль культовые практики играли в жизни древних народов Урала.

У населения, проживавшего на территории Пермского Предуралья в средние века, существовали различные культы и культовые практики. Большое и важно место занимала практика поклонения животным. Сюда входили культ водоплавающей птицы, культ медведя, культ лося и др. Связано это было с анимистическими религиозными представлениями. Животные выступали как тотем для людей. Большинство из животных, которым поклонялись, представляли собой промысловые виды (лось, олень, утка, медведь), и от них во многом зависело выживание человека (Вострокнутов, 2009, с.35). Позже появились и домашние животные (конь, корова), также игравшие важную роль в выживании человека. Наверное, именно поэтому культ поклонения животным был настолько важен и распространен. Это ярко отразилось в материальной культуре средневекового населения. Украшения в виде частей животного (лапки водоплавающих птиц, головы крупных животных) были распространены на обширных территориях Пермского Предуралья. Не вызывает сомнения тот факт, что все эти изображения являлись не просто украшениями, а чем-то большим, в них вкладывался определенный сакральный смысл.

Наряду с анимистическими представлениями у населения Пермского Предуралья в средние века существовала так называемая производственная и промысловая магия, которая была связана с поклонением языческим богам. Её появление было вызвано развитием производственных сил в древнем обществе. Развивалось животноводство, земледелие, ремесло, и это не могло не повлиять на жизнь древнего человека. Существовали боги, связанные с той или иной стороной повседневной жизни. Охотники, земледельцы, ремесленники поклонялись своим покровителям, и приносили им жертвы с целью прошения милости, использовали амулеты, защищающие от зла и дающие силы. К сожалению, сейчас практически невозможно точно установить, что это были за боги (силы). По тем археологическим данным, которыми мы располагаем, можно лишь предположить, как эти боги представлялись людям. Это антропоморфные, антропозооморфные и орнитоморфные изображения. Распространены изображения человекокопытца на ящере, изображения животных с лицами людей, птицевидных идолов. Очень редко встречаются остатки антропоморфных деревянных идолов. Как видно из перечисленного, боги древнего населения Прикамья были тесно связаны с культом животных. Именно животных наделяли некими признаками сакральности и считали их связующим звеном с миром духов. Изображения богов содержало в себе переплетение мира животных и мира людей, и на этом стыке появлялась связь с миром духов.

По тем работам, которые существуют на сегодняшний день, мы можем частично предположить, какие боги, а точнее сюжеты, связанные с ними, были наиболее почитаемы и распространены. Так, в Пермском Предуралье был распространен культ водоплавающей птицы. Это ярко выразилось в материальной культуре средневекового населения, в частности, в женских украшениях. Образ водоплавающей птицы служил не только как сюжет для украшения, но и наделялся неким сакральным смыслом. Надевая на себя украшение в виде птички (лапки), женщина одевала на себя проводник в мир духов, так как, скорее всего, это был некий амулет, защищающий от злых духов (Вострокнутов, 2009, с. 34). Кроме того в финно-угорской мифологии утка или

гусь часто выступают создателями мира. В данном случае водоплавающая птица выступает символом плодородия, женского рождающего начала. Соответственно, такой амулет подразумевал некое усиление жизненных сил, давал защиту (Вострокнутов, 2009, с. 34). Известны и предметы домашнего обихода, украшенные изображением утки, к примеру, посуда и ложки, которые использовались в ритуальных трапезах (Крыласова, 2007, с.58).

Распространен в средневековой культуре и образ ящера. Он считался покровителем недр, подземного мира (Белавин, 1987, с.120). Это нашло свое отражение в материальной и духовной культуре, и сохранялось долгое время. Так, в сказах Бажова присутствует образ хозяйки медной горы, изображенной в виде ящерицы. Возможно, что древние металлурги при добыче руды наткнулись на останки ископаемых ящеров, и стали почитать их (ящеров) как покровителей недр и металлургов (Климов, 2011, эл. ресурс).

Изображение медведя впервые встречается в Верхнем Прикамье ещё среди неолитических рисунков Писаного камня. Зверь изображен в обычной для того времени манере – силуэтом. Он сидит на задних лапах. По-видимому, сильный и опасный хищник уже тогда был священным животным. Раздробленные кости медведя найдены на жертвенном месте, расположенном на полуострове, под наскальными рисунками. Останки костей медведя найдены и на некоторых средневековых археологических поселениях. Медведя почитали многие народы Урала. У коми в прошлом существовал культ медведя – "оша". Один из народных героев коми носил имя Кудым-Ош. С медведем связано немало суеверий. Медвежьи клыки служили амулетом охотникам, за ними признавали лечебные качества. Охотники считали медведя похожим на человека, считая его защитником и хозяином лесов. Изучение поклонения медведю позволяет фиксировать изменение семантики его образа в Прикамье – от объекта промысловой магии, тотема и хозяина леса, до воплощения героя мифов и легенд (Липина, 2006, с. 65).

Лось, подобно медведю, почитался как тотемное животное многими племенами Урала и лесной полосы. Чаще всего изображения лося встречаются на культовых плакетках ломоватовской культуры, в очень своеобразной манере – в виде человеколосей. Это изображения, в которых совмещены образы человека, лося, нередко дополненные изображениями других животных и птиц. Человеколося были, очевидно, в воображении древних людей своеобразными духами-охранителями верховного божества или семейного очага. Возможно, что культ лося приобретал характер космогонических представлений. Встречаются плакетки с изображением человеколося в окружении фигур лесных животных, искусно вписанных в удлиненную рамку. Очевидно, перед нами изображение лесного духа – хозяина тайги, "верысь-морта" (Дмитриев, 2011, эл. ресурс).

Одним из распространенных у древнего населения Прикамья был культ коня, образ которого связан с солнцем и богиней природы – матерью всего сущего. На поселениях Верхнего Прикамья, начиная с ананьинской культуры, постоянно встречаются жертвенные комплексы, связанные с культом коня. Возможно, что своей большой ролью в духовной жизни населения, образ коня обязан возрастающей хозяйственной роли лошади (Дмитриев, 2011, эл. ресурс). Образ конской головы широко представлен в украшениях и амулетах – биконьковых шумящих подвесках, которые служили в качестве женского украшения косы, костяных гребнях, бронзовых рукоятках кресал (Крыласова, 2007., эл. ресурс).

Говоря о культе в Пермском Предуралье, нельзя не упомянуть такое уникальное явление, как Пермский звериный стиль, так как именно его наиболее часто связывают с культовыми практиками и все сюжеты, описанные выше, связаны, зачастую, именно с этим образцом древнего искусства. Предметы пермского звериного стиля не сразу попали в поле зрения ученых, связано это, прежде всего, с условиями находок культового литья. Большинство предметов найдено не в ходе археологических раскопок, а в качестве так называемых "кладов" или в виде одиночных, случайных находок. Местное население Пермского края, прежде всего крестьяне, находили предметы культового литья при распашке полей, работе на огородах, во время весенних паводков. Но, не смотря на это, предметы этого стиля играют важную роль в исследовании духовного мира и культовых представлений людей. Хотелось бы отметить, что существует множество работ, посвященных разработке этой тематике (как по истокам звериного стиля, так и по его семантике). В данном случае мы не будем углубляться в его детальное изучение, а рассмотрим лишь некоторые вопросы, связанные, в основном, с его культовой принадлежностью.

Тот факт, что предметы пермского звериного стиля относятся именно к сфере культов, подтверждают многие исследователи. Так Д.Н. Анучин отмечал, что образцы этого стиля чаще находили в жертвенных или моленных местах (Анучин, 1899, с. 126). А.А. Спицын связывал находки этого стиля с шаманизмом, и считал их подделками религиозного характера (Спицын, 1906, с.1). А.В. Збруева исходила из понимания первобытного искусства как творчества, необходимо связанного с религиозной сферой. Любое существо, как и его изображение, наделялось более глубокой, выходящей за пределы внешнего проявления мифической сущностью, поэтому А.В. Збруева формулирует: "искусство было неотделимо от магии" (Збруева, 1947, с. 36). А.П. Смирновым изображения животных трактовались как помощники шамана, антропоморфные фигуры, отдельные или в сочетании с зооморфными, – как изображения самих шаманов, показанных то на ездовых животных, то в окружении зверей-помощников. Кроме того, эти вещи служили или привесками к шаманскому костюму (Смирнов, 1952. с. 274), или вотивами, связанными с шаманским культом (Смирнов, 1952. с. 223). Самое заметное издание по семантике культового литья из появившихся в 70-е гг. – монография Л.С. Грибовой (1975). Простые образы, т.е. изображения отдельных животных, были, по мысли Л.С. Грибовой, являлись родовыми символами неусложненного рода. Более сложные образы, двойные, например, человек-лось, человек-птица и им подобные, отражали первичное отождествление человека с тотемным видом (Грибова, 1975, с. 54). Эти бляхи выполняли роль жертвенных предметов, а также употреблялись в обрядовых церемониях, например, во время инициации (Грибова, 1975, с. 55). Л.В. Чицова интерпретировала культовое литье с позиций анимизма. "Идея, лежащая в основе культовых поделок, была предельно проста: душа человека – это посредник между им самим как личностью и сферами его социальных интересов в обществе и природе" (Чицова, 1983, с. 19). А.М. Белавин так определил круг предметов, интерпретированных в качестве предметов пермского звериного стиля:

1) культовые ажурные или сплошные односторонние литые бронзово-медные сюжетные пластины-плакетки, входившие в определенные системные наборы и имевшие идеологическое значение;

2) ряд фигурок-бляшек или медальонов, изображающих птиц, головы медведей и антропоморфные личины или фигуры (Белавин, 2001, с. 14 — 15).

Конечно, исходя из выше сказанного, мы не можем утверждать, что пермский звериный стиль был связан исключительно только с культом животных, но по его сюжетам его вполне можно связать с анимистическими представлениями древнего населения Пермского Предуралья. Можно заключить, что культ животных существовал на территории Пермского Предуралья и, возникнув в древности и продержавшись долгое время, наложил определенный отпечаток как на материальную, так и на духовную культуру древних народов. И некоторые элементы этого культа (в частности, материальные остатки) мы можем встретить в ходе раскопок на памятниках. Они могут являться частью какого-то комплекса и свидетельствовать об особом, культовом назначении этого комплекса, что необходимо принимать во внимание для верной интерпретации назначения изучаемого планиграфического объекта.

Что касается пермского звериного стиля и его связи с другими культурами, помимо культа животных, то здесь существует несколько точек зрения на культовую принадлежность предметов пермского звериного стиля (Максеева, 2011). Первая точка зрения, которая и на сегодняшний день является достаточно популярной среди исследователей, была выдвинута Ф.А. Теплоуховым. С этой точки зрения культовое литье использовалось в ритуалах на родовых святилищах, которые впоследствии по какой-то причине оказались заброшенными и разрушенными, но сами предметы пермского звериного стиля остались на прежнем месте в связи с тем, что местное население рассматривало их как опасные. Данная точка зрения опирается на этнографический материал сибирских народов: "Концентрация вещей в земле в одном месте объясняется устройством жертвенных мест сибирских народов. У угров и селькупов они представляли собой небольшие амбарчики... Когда святилища оказывались заброшенными, деревянные части их разрушались, а металлические вещи компактной массой попадали в землю" (Теплоухов, 1897, с. 20).

Другая точка зрения высказана Ю.В. Балакиным, который считает, что "какая-то часть древних бронзовых изделий преднамеренно закапывалась в землю" (Балакин, 1998, с. 161). Культовое литье выступало своеобразной жертвой, которая приносилась по особо важным случаям в особых, с точки зрения пространственного кода, местах. Автор соотносит подобные ритуалы с представлениями о жизни и смерти: "Этот ритуал можно назвать праздником, памятуя, однако, что праздник имеет два полюса, два вектора – вектор жизни и вектор смерти. Какой из них превалировал в этом ритуале – сказать невозможно, но в этом коллективном действе нейтрализации смерти обязательно применялось культовое литье" (Балакин, 1998, с. 257).

Как видно, в связи с пермским звериным стилем упоминаются родовые ритуалы и ритуалы жизни и смерти. Практически все исследователи связывают культовое литье, выполненное в Пермском зверином стиле, с анимистическими религиозными представлениями в эпоху средневековья. В связи с этим те места, где находили предметы данного стиля, можно называть сакральными, и само нахождение предметов пермского звериного стиля может выступать важным признаком для идентификации комплекса как культового, на котором совершались действия, связанные с поклонением богам (либо связанные с промысловой и производственной магией, как, например, уже упоминавшееся изображение ящера возле металлургического комплекса (Белавин, 1987, с. 120)).

Животные в представлении древних людей выступали как тотемы и защитники рода, так и как воплощения божеств на земле, защитников различных сфер жизни от злых духов и не редко наделялись чертами людей. Именно с ними

связано большинство ритуалов и культовых практик на территории Пермского Предуралья.

Литература:

Анучин, 1899 – Анучин Д.Н., К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. (Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ) // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. – С. 87-160.

Балакин, 1998 – Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. –Новосибирск: Наука, 1998. – 288 с.

Белавин, 1987 – Белавин А.М. Производственные поселки металлургов у фино-угров в конце I – начале II тыс. н.э. // Этнические и социальные процессы у фино-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н. э). – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1987. – С. 113-126.

Белавин, 2001 – Белавин А.М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I-II. – Пермь, 2001. – С. 14-24.

Вострокнутов, 2009 – Вострокнутов А.В. Культ водоплавающей птицы в Верхнем Прикамье в эпоху средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. – Пермь, 2009. – С. 29-37.

Грибова, 1975 – Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). – М.: Наука, 1975. – 148 с.

Дмитриев, 2011 – Дмитриев М.А. Пермский звериный стиль // Поиск легенд, 2011 – эл. ресурс – режим доступа: <http://poisklegend.com/index.php?topic=11273.0>

Збруева, 1947 – Збруева А.В. Идеология населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // ТИЭ. Нов. серия. Т.1. – М.-Л., 1947. – С. 25-54.

Климов, 2011 – Климов Г. Тайны звериного стиля // Межобластной еженедельник "Караван", 2011. – эл. ресурс – режим доступа: <http://www.karavan.tver.ru/gazeta/805>

Крыласова, 2007 – Крыласова Н.Б. Археология повседневности. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.

Крыласова, 2007а – Крыласова Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья: автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. – СПб., 2007. – эл. ресурс – режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/191/17737.php>

Липина, 2006 – Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений Прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.). Дисс. ...канд. ист. Наук. – Ижевск, 2006. – С. 244

Максеева, 2011 – Максеева Ю.И. Средневековые культовые клады Прикамья в аспекте культурологического анализа// Научно – издательский центр "Социосфера", 2011 – эл. ресурс – режим доступа: http://sociosphera.com/publication/conference/2011/116/srednevekovye_kultovye_klad_y_prikamya_v_aspekte_kulturologicheskogo_analiza/

Смирнов, 1952 – Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. – № 28. – М.: АН СССР, 1952. – 276 с.

Спицын, 1906 – Спицын А. А. Шаманские изображения // ЗОРСА. – Т.8, вып.1. – М., 1906.

Теплоухов, 1893 – Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Вып. 2. – Пермь, 1893. – С. 3-74.

Теплоухов, 1897 – Теплоухов Ф.А. Чудское жертвенное место на р. Колве // Труды ПУАК. Вып. 3. – Пермь, 1897. – С. 131–151.

Чижова, 1983 – Чижова Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири: По материалам культового литья: автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. – Л., 1983.

Вострокнутов А.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**УГОРСКИЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕДУРАЛЬСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ***

**Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-11-59007*

Ключевые слова: археология, этнос, угры, финны, "угорский вопрос", маркер

В статье анализируются проблемы, связанные с картографированием угорских признаков. Представлены противоположные точки зрения на этот вопрос. Делается вывод о вреде подобного спора для науки

Vostroknutov A.V. (Perm)

**THE "UGRIC QUESTION" IN CONTEMPORARY ARCHAEOLOGY OF THE
CIS-URALS AND THE PROBLEMS OF CARTOGRAPHY**

Key words: archaeology, ethnos, Ugric people, Finns, "Ugric question", marker

Problems of mapping Ugric markers are analyzed. Opposite views on this question are presented. It is suggested that such a dispute is harmful for scientific research.

*"Первый вопрос, который должен
задать себе исследователь,
приступающий к истории Пермьков,
это вопрос о их древней родине
– были ли они аборигенами занимаемых
ныне земель или пришли в них откуда-
нибудь извне"*

И.Н. Смирнов. Пермь

Современная археология старается представить результаты своей деятельности в комплексном подходе. Найденные артефакты подвергаются типологическому анализу, датируются, выделяется "импортный" компонент, выстраиваются торговые связи и т. д. Перед нами предстаёт практически целостная картина "обитания" вещей в данном регионе, в определённое время, на примере конкретного памятника.

Далее остаётся наиболее интересный и сложный вопрос: "Кто оставил то, что мы нашли?". Естественно, что вещи без людей не появляются, но логически просто необходимо достроить уже имеющийся ряд анализа данными естественных наук, статистики, письменных (если возможно) источников, завершив его указанием либо какого-то этноса, либо его предка. Таким образом, исследование будет более завершённым. Без этого последнего сегмента вся работа сведётся к вещеведению, т.е. мы не будем видеть за артефактами человека.

Картографический метод в археологии широко применяется исследователями. Благодаря нему можно судить об исторической динамике

древнего населения той или иной территории, выделять "маркирующие" артефакты для определённой группы населения из общего ареала их распространения. В этих артефактах, при картографировании их различных вариантов, можно выделять территориальные типы (локальные моды) и т.д. Таким образом – потенциал картографического метода огромен, в синтезе с другими "классическими" методиками результат исследований может быть значительно более впечатляющим. Однако, в отношении заявленной темы и учитывая нижеизложенное, можно поставить вопрос: "а что картографировать и для кого?". Разберём проблему подробнее.

Например, на территории Верхнего Прикамья для эпохи Средневековья, исследователи разделились во мнениях относительно этнической принадлежности носителей ломоватовской археологической культуры, чьи поселения и могильники раскапываются здесь уже более 100 лет. Точек зрения существует две: "ломоватовцы" – это предки современных коми-пермяков, т.е. финны и "ломоватовцы" – это население, обладающее яркими угорскими чертами, родственное праугорскому населению Зауралья, Западной Сибири и Южного Урала VII-X вв.

"Угорский вопрос" насчитывает в своей истории также более 100 лет. История его развития может являться темой отдельной исследовательско-детективной работы. Для нашей темы важно лишь отметить, что начиная с 30-х гг. XX в. в прикамской археологии начинает преобладать мнение об автохтонности коренного населения бассейна р. Камы, т.е. коми-пермяков. Эта точка зрения являлась доминирующей на протяжении практически полувека, пока в 80-е гг. XX вв. вновь не появились исследователи, поднявшие "угорский вопрос", – А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, Е.П. Казаков.

На период конца XX – начала XXI вв., думаю, приходится пик споров по данной проблеме. Казалось бы, что в "споре рождается истина", но для дальнейших исследований, и картографирование тут не исключение, подобная дискуссия может иметь пагубное значение.

А.М. Белавин, В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова в своей работе (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009), которая является, по сути, некоей чертой в исследовании "угорского вопроса", выделяют определённые признаки ("маркеры"), которые, по их мнению, являются угорскими признаками. Составлены карты, где отражено географическое распространение этих признаков. Казалось бы, что эта работа является полной источниковой базой для карты, где собраны все угорские признаки материальной культуры. Обратимся к этому источнику подробнее.

Итак. Рассмотрим комплекс признаков, характеризующихся как "угорские" и картографированных исследователями. Условимся, что рассматриваемые маркеры относятся к эпохе средневековья. Также стоит отметить, что я не буду указывать название памятников, где были сделаны находки "маркеров" (ограничусь лишь общими географическими понятиями), это перегрузит текст – с названиями конкретных памятников можно ознакомиться в работе данных исследователей. Итак.

Погребальные лицевые покрытия. Находки данного элемента погребального костюма имеются в бассейне Камы (24 пункта), Приобье (4 пункта), Поволжье (3 пункта) и Приднепровье (1 пункт) (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 22).

Пряжки с изображением медведя. По данным А.М. Белавина, В.А. Иванова и Н.Б. Крыласовой следует, что находки подобных предметов отмечены

в бассейне р. Камы (12 пунктов), Оби (12 пунктов), на территории республики Коми (3 пункта) и 1 пункт находки имеется в Прионежье (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 54).

"Животное/всадник на змее". Большая часть (но не подавляющая, как в предыдущем случае) находок относится к бассейну Камы (14 пунктов) и Оби (10 пунктов), несколько меньше – Поволжье (6 пунктов) и Прионежье с Приладожьем (8 пунктов), 1 пункт отмечен в Архангельской области (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 56).

Арочные шумящие подвески. Большая часть этих изделий найдена в бассейне Камы (98 пунктов); гораздо меньше – в Сургутском Приобье (6 пунктов) и 1 место находки имеется в Поволжье (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 63).

Биконьковые шумящие подвески. Для бассейна Камы это 69 пунктов, намного меньше в Поволжье (8 пунктов), Приобье (6 пунктов) и северном Причерноморье (6 пунктов). 2 пункта отмечены в Приладожье и 1 в Архангельской области (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 68).

Фигурки птиц с личиной на груди. Находки этих артефактов имеются в бассейне Камы (подавляющее большинство – 41 пункт), в Приобье (14 пунктов), в Поволжье (3 пункта), республике Коми (5 пунктов) и в Архангельской области (1 пункт) (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 72).

Навершие жезлов. Для данной категории изделий карта не составлена, но имеющиеся данные позволяют судить о том, что в бассейне Камы данные "маркеры" встречены в 4 пунктах, в то время как в бассейне Оби это 6 пунктов, и на территории республики Коми – 1 пункт (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 75).

Поясные кошельки. Эта интересная деталь средневекового костюма встречена в бассейне р. Камы в 6 пунктах, а в Поволжье в 7 пунктах (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 76).

Биметаллические кресала. Встречены на территории бассейна Камы в 32 пунктах, в Поволжье – в 15 пунктах, в Приобье – в 10 пунктах, на территории республики Коми – в 4 пунктах, 2 пункта известны на территории Архангельской области и о. Вайгач, 3 пункта – в бассейне Днепра и 8 пунктов в Приладожье и Прионежье (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 78).

Даже не рассматривая карты распространения представленных маркеров, легко отметить, что территория их наибольшего распространения – это бассейны Камы и Оби. Тут представлены наиболее выразительные отличительные изделия, которые, как считают А.М. Белавин, В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова, являются угорскими. Исследователи отмечают, что в период раннего средневековья по обеим сторонам Уральских гор существовала угорская ойкумена, которая распалась в конце I – начале II тыс. н.э. в результате появления булгар и затем финской колонизации Прикамья, вызванной расширением русских княжеств (миграции угров в Паннонию, Волжскую Булгарию и за Урал) (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 259-260).

Повторюсь, что на основании приведённых данных можно было бы создать неплохую географо-информационную систему (ГИС) "Памятники археологии с угорскими признаками Евразии". Однако проблема возникает при рассмотрении современных данному исследованию трудов учёных, поддерживающих "финскую концепцию".

Повторим, что начиная с 30-х гг. XX в. в отечественной историографии, посвящённой интересующим нас территориям (имеется в виду Предуралье),

укоренилось мнение, что предки современных финноязычных этносов, проживающих здесь, появились на западном склоне Уральских гор и в бассейне Камы ещё на рубеже неолита и энеолита (Голдина, 2004, с. 390). Стоит оговориться, что сторонники угорской теории относят появление в Приуралье предков угров к эпохе поздней бронзы (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 17).

"Угорский вопрос", так уж сложилось исторически, если подвергался критике, то критика эта является относительно слабо аргументированной но безапелляционной. Так было в советский период с его господствующей теорией автохтонности в истории финно-угров, когда мнение о пришлом характере населения на занимаемой им в данный момент территории трактовалось почти как сепаратизм или покушение на самобытность этих народов. Яркий этому пример: в работе М.В. Талицкого (Талицкий, 1951) мнение А.В. Шмидта (смена угорского населения пермским в X в.) считается ошибочным. Исследователь ссылается на нелогичность прихода вместе с финнами плужного земледелия с северо-запада (на которое указывал А.В. Шмидт) и шовинистичность (?) этой идеи: "Не говоря уже о противоестественности продвижения плужного земледелия с севера на юг, такая теория прямо противоречила бы действительному ходу событий", пишет М.В. Талицкий (Талицкий, 1951, с. 74-75). Тем не менее, анализ данных, связанных с земледелием, показывает, что масштабы распространения земледелия в северных районах действительно были выше. И вероятнее всего, связано это было с началом миграции в XI-XII вв. древнерусского населения (смешанного потока колонистов: финского и славянского – см. статью Н.Б. Крыласовой в настоящем сборнике), которое проникало в Прикамье через Вымские земли (см. статью А.Н. Сарапулова в настоящем сборнике).

Современная критика "угорского вопроса" также беспощадна. Не будем здесь углубляться в анализ угорских топонимических доказательств и антидоказательств сторонников финского населения, поскольку картографирование топонимических данных по данному вопросу не проводилось, хотя вызывает огромный интерес. Обратимся к спору по археологическим вопросам.

Наиболее структурирована критика у И.Ю. Пастушенко (Пастушенко, 2011). В своей работе, помимо признаков, которых мы не касаемся, в связи с отсутствием картографического материала на них, исследователь рассматривает и вышеуказанные угорские маркеры.

Так, например, И.Ю. Пастушенко не согласен с мнением сторонников "угорской гипотезы" о том, что погребальные лицевые покрытия характерны для угров. В опровержении, в том числе, он приводит цитату В.М. Зубарь о том, что традиция использования в погребальном обряде масок характерна для разных этносов в разное время (Пастушенко, 2011, с. 146). Звериные сюжеты с медведем и птицей с личиной на груди, а также "всадником", предлагается, в противовес высказанному тезису, считать не угорскими, а финскими, либо финскими и угорскими одновременно. При этом И.Ю. Пастушенко ссылается на "пришлость" технологических традиций, в которых изготовлены предметы (Пастушенко, 2011, с. 147). Шумящие подвески также относятся Игорем Юрьевичем к импортным, появившимся после Великого переселения народов (Пастушенко, 2011, с. 147).

Следует отметить, что критика И.Ю. Пастушенко относится именно к выделению маркеров для лесного Прикамья. А более южное расселение угорских кушнареновско-караякуповских племён, предков мадьяр, под сомнение не ставится (Пастушенко, 2011, с. 148).

Общим итогом, как и следует ожидать, является мнение И.Ю. Пастушенко о вымышленности угорской эпохи в Прикамье (Пастушенко, 2011, с. 149).

Мы в самых общих чертах рассмотрели "угорский вопрос" в Приуральской археологии. Повторюсь, что подробный анализ его истории может быть темой отдельного исследования. Обратимся к проблемам, которые дискутирование это вопроса ставит при картографировании угорских признаков.

Конечно, это, в первую очередь, тот факт, что многими археологами, исследующими археологию Приуралья, угорские маркеры критикуются и сохраняется мнение, согласное устоявшейся советской идее об автохтонности финно-пермского населения. Таким образом, исходя из этого положения, создание предполагаемой ГИС для лесной зоны Прикамья с точки зрения этих учёных будет бессмысленным. Выделенные маркеры будут трактоваться либо как "финские", либо как вообще "не-маркеры", что, кстати, и делает И.Ю. Пастушенко в своей статье, иронизируя по поводу погребальных масок: "Исходя из тезиса "угроведов", мы можем назвать уграми и Тутанхамона, и владык Микен, и даже Тикаля" (Пастушенко, 2011, с. 146).

Продолжение рассмотрения "угорского вопроса" в соответствии с идеей автохтонности, на мой взгляд, негативно может сказаться на развитии археологии Приуралья в целом. Противоборствующие стороны, скорее всего, останутся при своих мнениях и "истина в споре", скорее всего, утонет, а не родится. Подобное на данной территории уже случалось и, кстати, является следствием "угорского вопроса". Я имею в виду датировку археологических культур Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н.э. – первой половины II тыс. н.э., ломоватовской и родановской. Если для сторонников "финской" теории ломоватовская культура заканчивается в IX в., а далее следует родановская, то учёные, поддерживающие "угорскую" концепцию, относят начало родановской культуры к XII в. Из-за данного обстоятельства памятники "кочуют" из одной культуры в другую, и, соответственно, являются то финскими, то угорскими, а затем финскими, что также усложняет картографирование.

Таким образом, создаваемая ГИС будет использоваться частью ученых лишь касаясь памятников в Паннонии, Южном Приуралье и Зауралье, где с угорским характером населения никто спорить не собирается. Однако такая оговорка не должна помешать созданию ГИС "Памятники древних угров-мадьяр в Восточной Европе". В настоящее время составляется интерактивная карта распространения матричных признаков угро-мадьярского погребального обряда по территории Восточной Европы, что, в свою очередь, позволит очертить ареал их максимальной концентрации и диффузии. Аналогичным образом проводится анализ категорий и типов погребального инвентаря – украшения, поясные наборы и их детали, предметы вооружения и конского снаряжения, керамика – и устанавливаются ареалы их распространения с привязкой к хронологическому и ландшафтному контекстам. К настоящему времени выработаны реперы для достаточно четкого определения элементов культуры угров Урало-Поволжья и их хронологии. На этой основе имеется возможность выявления массовых миграций, нередких в угорском мире, определения их причин. Самым же существенным является то, что сопоставление взаимного бытования реперных элементов позволит определить границы угорского мира эпохи раннего средневековья, и по-новому взглянуть на этническую карту средневековой Восточной Европы. Будут выделены характерные наборы предметов материальной культуры

(этнокультурные реперы), могущие считаться "мадьярским комплексом", их география распространения, локальные типы.

Остаётся лишь надеяться, что в будущем "угорский вопрос" всё-таки будет разрешён. И разрешение его даст мощный толчок к развитию Приуральской археологии.

Литература:

Белавин, Иванов, Крыласова, 2009 – Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: Изд. дом БГПУ, 2009. – 284 с.

Голдина, 2004 – Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2004. – 420 с.

Пастушенко, 2011 – Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об "угорской эпохе в Прикамье" // Вестник Удмуртского университета. – Вып. 1. – 2011. – С. 144-150

Талицкий, 1951 – Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. – №22. – 1951– М.: АН СССР. – С.33-96.

Лобанов Д.А.

(ГКБУК "Пермский краеведческий музей", Пермь)

ГОРНОЗАВОДСКИЕ ВОЙСКА XVIII – сер. XIX вв.

Ключевые слова: горные заводы, Урал, гарнизоны

В статье на основе архивных материалов рассматриваются история, особенности формирования, комплектования и службы горных войск на заводах Урала в 18 - середине 19 вв.

Lobanov D.A. (Perm)

TROOPS OF THE MOUNTAIN METALLURGICAL SITES IN THE 18TH – MID 19TH CENTURIES

Key words: mountain metallurgical plants, Ural, garrisons

On the basis of archive materials the paper presents history, formation, recruitment and service of mountain troops at the metallurgical plants of the Urals in the 18th – mid 19th centuries.

Практически с самого начала строительства казенных горных заводов на Урале, они нуждались в защите. Коренное население далеко неоднозначно относились к действиям государства. Не меньшую опасность представляли казацкие шайки и речная вольница.

Первоначально руководство горных заводов рассчитывало на солдат, находящихся при различных местных учреждениях. Так, например, в Кунгуре, где в то время находилась уездная канцелярия, содержался гарнизон из войск старой организации. В соответствии со «Сказкой города Кунгура о разночинцах», в 1721 г. в городе проживало урядников, капралов, рядовых солдат и пушкарей, служащих и отставных с родственниками и работниками 221 человек, и отставных солдат с родственниками и работниками, не записанных в сказках, – 41 (Кунгур, 1886, с. 14-16). Кроме того, еще в конце XVII в. на Исетской линии были поселены около 400 драгун (Пузанов, 2011, с. 355). В 1700 г. из них был сформирован Сибирский драгунский полк полковника Давида Мейна, с 1714 г. полком командовал полковник Леонтий Парфентьев (Рабинович, 1977, с. 85).

Однако практически сразу стало понятно, что этих сил явно недостаточно. Тем более, что директор Сибирских горных заводов В. де Генин доносил в сенат о Сибирском драгунском полке, что «оной офицерами и ружьем не укомплектован и только де имя носит Драгунской полк, а служба их казацкая» (ПСЗРИ, 1830, с. 505). Именно поэтому сенат указом от 14 июня 1725 г. предписывал сибирскому губернатору «в случае нападения на заводы и приписные слободы... гарнизонными и другими служилым людьми вспомогать и от неприятелей охранять...» (ПСЗРИ, 1830, с. 505). Более надежными Генину казались гарнизонные солдатские полки, и еще 26 декабря 1722 г. он обратился к Сибирскому губернатору Черкасскому с просьбой направить для строительства крепости на реке Исеть пятьсот солдат с офицерами (Земцов, Ляпин, 1992, с.21). Первый батальон в составе 540 чел. под командованием капитана Яна Кралевича прибыл на Исеть из Тобольска в конце февраля 1723 г., 6 марта отправилась еще одна команда из 160 чел. под началом прапорщика Карла Брандта, а 25 февраля прибыл второй батальон из 550 чел. под командованием майора Иоганна Бриксгаузена (Корепанов, 2005, с. 12-13). Интересно, что большинство офицеров

этих батальонов было из пленных шведов. Прибывшие из Тобольска солдаты строили крепость в Екатеринбурге и некоторые горные заводы, несли в них гарнизонную службу, охраняли караваны с рудой и «денежной казной», выполняли карательные функции. Были преобразованы и поселенные драгуны, на их основе в 1724 г. сформирована драгунская рота в крепости Горный Щит, пополненная рекрутами из приписных к Екатеринбургскому слобод. В 1727 г. она стала 10 ротой нового Сибирского гарнизонного драгунского полка (Корепанов, 2005, с. 19).

После окончания строительства крепости большая часть гарнизонных солдат была отправлена обратно в Тобольск, а в Екатеринбурге была оставлена одна рота, входившая в состав Сибирского гарнизона, но подчиненная Екатеринбургским ротным делам, входившим в состав горнозаводской администрации. Командовал ротой поручик К. Брандт (Корепанов, 2005, с. 20).

С 1728 г. Сенат стал требовать отправить оставшуюся в Екатеринбурге роту в распоряжение Тобольской губернской канцелярии, а вместо нее набрать новую роту из приписных к Екатеринбургской слободе. Однако Генин, а затем сменивший его В.Н. Татищев, доказывали нецелесообразность этой меры. «Понеже пехотная рота Сибирского гарнизона здесь имеется с началом здешнего завода, и солдаты имеют дома, у некоторых и дети их употреблены к ремеслам, и буде оною отослать в губернию, а в место оной оттуда для учреждения роты взять рекрут, то с обеих сторон будет не без разорения, а убытка...» (Земцов. Ляпин, 1992, с.28). В результате было решено оставить роту в Екатеринбурге. К началу 1730-х годов в задачу роты входила не только охрана Екатеринбургской крепости, но и всех казенных заводов Сибирского обер-бергамта, в том числе, и пермских. "Да при Екатеринбурхе жь для охранения крепости и для караулов и при других ведомства Сибирского обербергамта всех заводов, и для разных посылок по заводам, и за медью и железом, в Москву и в Санкт-Питербурх по указу из военной коллегии определено быть пехотной одной да драгунской одной же ротам, ис которых пехотная обретаецца в Екатеринбурге... Тех рот пехотной и драгунской афицеры и рядовые жалованье денежное и хлебное получают от своих полков..." (Генин, 1937, с.435-436). Сложно сказать, как справлялись чины роты со своей службой. По штату, утвержденному 9 февраля 1720 года, в роте гарнизонного полка числилось офицеров и нижних чинов: капитан 1, поручик 1, прапорщик 1, сержант 1, каптенармус 1, подпрапорщик 1, солдат 144, гобоист 1, ротный писарь 1, барабанщика 2, фельдшер 1, профос 1 (ПСЗРИ., 1830, с.15-38). В подчинении же Сибирского обер-бергамта находилось 14 казенных горных заводов. В обязанности чинов пехотной роты входило не только несение гарнизонной службы на заводах, "...и той пехотной роты афицерам поручены в смотрение до указа, и пока к тому нарочной определица, полицейские дела и охранение всех заводских строений от пожаров, где под ведением стоят и пожарные инструменты, а имянно: заливные машины, багры, вилы, щиты, парусы и прочее, что до того принадлежит. И тем афицером в смотреии оных дел надлежит поступать в приличном к тому по инструкции полицмейстерской канцелярии и по губернаторскому и воевоцкому наказу» (Генин, 1937, с.436).

В 1736 г. было решено набрать из приписанных к Екатеринбургскому слобод рекрут, и из них сформировать еще одну пехотную роту. Штаты обоих екатеринбургских рот были утверждены в 1737 году. С этого времени они стали самостоятельными подразделениями, подчиненными горному начальству и не входившими в состав Тобольского гарнизонного полка. К середине XVIII в. роты эти официально стали называться горными. Не смотря на то, что с

формированием второй роты количество воинских чинов увеличилось, а штаты рот до конца столетия несколько раз изменялись в сторону увеличения, горных солдат явно не хватало для охраны всех уральских заводов. Так, в 1782 г. при конторе Пыскорского завода нес службу только один солдат, рядовой Екатеринбургской роты Осип Колясников (ГАПК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 104. Л. 3а, 14, 15). Кроме этих рот при горных заводах находились и другие мелкие подразделения: Екатеринбургская артиллерийская команда, 10 нижних чинов при Пермском горном начальстве, Дедюхинская соляная команда, Екатеринбургская монетная рота, команда при экспедиции ломки мрамора. Все эти подразделения подчинялись горному начальству, и считались горными или горнозаводскими. К моменту создания Пермского наместничества на содержание горных воинских частей на Урале выделялось 5300 руб. 78 коп. в год (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 17. Л. 12). К концу XVIII в. состав и дислокация горнозаводских войск изменились, в Екатеринбурге осталась монетная инвалидная рота, вторая Екатеринбургская горная рота была переведена на Гороблагодатские заводы, а две горные роты до мая 1797 г. размещались в Перми (Земцов, Ляпин, 1992, с. 82; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 683). В целом данные о составе и дислокации горных войск на рубеже XVIII – XIX вв. весьма разрознены и противоречивы. Министерство финансов в 1805 г. докладывало Александру I о состоянии воинских команд на уральских заводах: «хотя же Воинской команды одна рота и имеется; но она во первых не полна; во вторых имеет много престарелых солдат, которых никуда не можно употребить; в третьих имеет таких солдат, которых поведение нимало не соответствует поручениям, какие на них возлагаемы быть должны» (Доклады, 1807, с 173-174).

В начале XIX века правительство провело масштабную реформу горного ведомства, было введено новое горное положение, формировались горные округа. Реформы коснулись и горных рот и батальонов. 25 января 1805 г. был утвержден положение о Горной штатной команде для заводов Уральского горного хребта (ГАПК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 14. Л. 44). На уральских горных заводах были сформированы следующие Штатные горные команды: две роты при Пермском горном правлении, команды при заводах Юговском, Мотовилихинском, Пыскорском, Воткинском, Златоустовском, четыре роты при Екатеринбургских заводах, команда при Гороблагодатских заводах и рота при Богословских заводах (ПСЗРИ, 1830, с. 162). Штатов горных команд обнаружить пока не удалось. Но по документам Юговской заводской конторы известно, что в команде при заводе в январе 1809 г. состояли 1 офицер и 61 нижний чин (ГАПК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 14. Л. 1). Нижних чинов для службы в командах перевели из полевых полков, квартировавших в Сибирской инспекции. Так, в горную штатную команду попал рядовой Михаил Федоров сын Татьков, 43 лет, выходец из солдатских детей, до этого служивший в Томском мушкетерском полку (ГАПК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 203. Л. 60-64). В обязанности штатных команд входила охрана казенных заводов, денежных кладовых, магазинов, сопровождение транспортов с грузом, содействие полиции, исполнение экзекуций.

В 1820 г. правительство решило заменить казавшиеся неэффективными штатные команды на более боеспособные Горные батальоны. 21 апреля из двух рот при Пермском горном правлении и команд состоящих при Пермских заводах: Юговском, Мотовилихинском, Пыскорском, и заводах Воткинском и Златоустовском, был сформирован Горный батальон № 1 из четырех рот. По штату в батальоне полагалось иметь людей: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 17, унтер-офицеров 48, рядовых 600, нестроевых 59 (Хроника, 1852, с. 66). В обязанности горных батальонов входило содержание караулов при заводах,

сопровождение караванов с деньгами и металлами, управление приписными крестьянами и наблюдение за поведением рабочих. Офицеры батальонов должны были привлекаться к ведению следственных дел. Батальон был в подчинении горного начальства, а по части «военного устройства» подчинялся Отдельному корпусу внутренней стражи (ПСЗРИ, 1830, с. 171-172).

С восшествием на престол императора Николая I начинается милитаризация жизни казенных горных заводов. Горные батальоны, численность которых со времени их формирования так и не была доведена до штатной, пополняются нижними чинами из различных гарнизонных частей, и в 1829 г. реорганизуются в Оренбургские линейные батальоны. Батальон на Пермских заводах получил № 13, а в 1837 г. сменил его на №7. Батальоны продолжали выполнять те же функции, но теперь в них стали обращать большее внимание на военную подготовку, которая, впрочем, в те времена сводилась к строевым экзерцициям. Линейные батальоны, расположенные на уральских горных заводах, составляли бригаду, подчинялись начальнику Отдельного Оренбургского корпуса, но числились в откомандировании. Главный начальник Уральских горных заводов пользовался в отношении этих батальонов правами начальника дивизии (Военно-статистическое обозрение). В 1832 г. было приказано иметь при Оренбургских линейных батальонах, состоящих на уральских заводах, восемь артиллерийских орудий с зарядными ящиками (Стража России, 2002, с. 232). Артиллерия у горных батальонов имелась и ранее, но чаще всего орудия эти применялись не против внешнего врага, а против своих же рабочих, недовольных действиями горной администрации или условиями труда. Весной 1826 г. вспыхнули волнения крестьян и мастеровых Ревдинского завода. Для наведения порядка из Екатеринбурга на завод были присланы 2 роты Оренбургского линейного батальона № 14 при одном орудии, под командою командира батальона подполковника Пашенко. Рабочие забросали солдат камнями и слитками чугуна. Командир батальона, 2 офицера и 17 рядовых были ушиблены. Войска открыли огонь из ружей и пушки. Со стороны восставших были убиты 33 и ранены 62 человека (ГАПК. Ф.280. Оп. 1. Д. 426. Л. 2-8). Интересно, что горные батальоны, так часто выполнявшие карательные функции, одновременно были местом отбывания наказания. В приказах по Оренбургскому линейному батальону №7 упоминается унтер-офицер Генрих Рыхновский, сосланный на службу в батальон в 1831 г. по обвинению в участии в польском восстании. Правда через десять лет в 1841 г. выяснилось, что Рыхновский невиновен, и его было приказано отправить на родину (ГАПК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 173).

С началом царствования Александра II на горных заводах Урала начинается новая эпоха, горное ведомство демилитаризуется, проводятся серьезные политические и экономические реформы. После отмены крепостного права необходимость в особой «горнозаводской армии» отпала, и в 1863 г. горные батальоны были расформированы, а обязанности по охране казенных заводов перешла к гарнизонным частям военного ведомства.

Источники неопубликованные:

ГАПК. Ф. 65. Оп.1. Д. 683; Ф. 180. Оп. 1. Д. 104. Л. 3а, 14, 15. Д.203. Л. 60-64; Ф.280. Оп. 1. Д. 426. Л. 2-8; Ф. 337. Оп. 1. Д.14. Л. 1, 44. Д. 173; Ф. 316. Оп. 1. Д. 17. Л. 12

Военно-статистическое обозрение – Военно-статистическое обозрение Пермской губернии. Составленное по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, Генерального штаба штабс-капитаном Макшеевым в 1850 и 1851 годах. Рукопись. – ПКМ. 10759

Источники опубликованные:

Генин, 1937 – Вильгельм де Генин. Описание Уральских и Сибирских заводов. – М., 1937

Стража России, 2002 – Внутренняя и конвойная стража России. Документы и материалы. – М., 2002

Доклады и сведения, 1807 – Высочайше Утвержденные Доклады и другие сведения о новом образовании Горного Начальства и Управления Горных Заводов. – СПб., 1807

Кунгур, 1886 – Кунгур. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1886

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи, Т. VII, Т. XXXVII, Т. XLIV. – СПб., 1830

Литература:

Корепанов, 2005 – Корепанов Н. Первый век Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2005

Земцов, Ляпин, 1992 – Земцов В.Н. Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. – Екатеринбург, 1992

Пузанов, 2011 – Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб., 2011

Рабинович, 1977 – Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698 – 1725. Краткий справочник. – М., 1977

Хроника, 1852. – Хроника Российской Императорской армии, составленная по высочайшему повелению. Часть VII. – СПб., 1852

Феденев А.А.

(ГКБУК "Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия)", Пермь)

ПЕРВЫЕ МОНУМЕНТЫ В ПЕРМИ

Ключевые слова: Пролеткульт, Н.М. Гуцин, М. Голубев, А. Верещагин, А.Л. Шиловский

Статья содержит информацию о первых памятниках в городе Перми, появившихся во втором десятилетии 20 века. Впервые публикуются фотографии некоторых памятников и обстоятельства их возведения.

Fedenev A.A. (Perm)

FIRST SOVIET MONUMENTS IN PERM

Key words: Proletkult, N.M. Guschin, M. Golubev, A. Vereschagin, A.L. Shilovskiy

The paper discusses the first monuments of the second decade of the 20th century in Perm. Information on the construction of certain monuments and previously unpublished photographs of them are included.

Первые монументы Перми 1918-1920-х гг. – уникальное явление, запечатлевшее в себе академизм и авангардизм в искусстве, большевистские взгляды на место идеологии в жизни людей и насильственное переосмысление ценностей. Долгое время в русской градостроительной традиции, ведущей корни от православной, монументы были чуждым элементом, и, как правило, рассматривались в широком диапазоне негативных коннотаций от "еретичества" до "латинянства". Со сменой власти приходила и новая эстетика. Произведения авангардизма, кубизма, футуризма, наиболее соответствовали духу резких общественных перемен. Поэтому неудивительно, что именно советские памятники стали первыми произведениями монументального искусства в Перми.

Безусловно, начало строительства всех монументов большевистской власти было положено ленинским "планом монументальной пропаганды (Ленин и искусство, 1977, с. 269-270)". Это был эффектный и недорогой механизм наглядной агитации.

Первым монументом в Перми был памятник участникам гражданской войны Хохрякову, Большакову и Светлакову (никто из них не был связан с пермским регионом ни чем иным, кроме места гибели), спроектированный выпускником пермского Алексеевского училища, а также Московской школы живописи, ваяния и зодчества – Николаем Михайловичем Гуциным, выигравшим конкурс проектов. Монумент, который был призван заменить временную конструкцию, представлял собой триумфальную арку с барельефом (ГАНИ. Ф.8043. Оп.1. Д.89Б.Л.1.), на котором были шестеро красноармейцев с раненым товарищем на руках (рис. 1). Лепкой барельефа, очевидно, занимался скульптор Кузнецов (Бурдина, 1968, с.157). По некоторым данным, с задней стороны монумента был прикреплен портрет Н.М. Гуцина (Белов, 2010). На фотографии с открытия памятника перед аркой стоит конструкция, напоминающая лодку с плывущими в небытие боярами и офицером в парадной форме. Арка простояла до прихода в декабре 1918 г. армии А. Колчака. Новая власть разрушила монумент, и объявила в розыск Н.М. Гуцина, которому пришлось бежать из города. Также к первому юбилею Октябрьской революции были установлены декоративные арки у вокзала Пермь II

и бюст Карлу Марксу в Кунгуре (рис.2), спроектированный архитектором, выпускником Петербургской академии художеств, Андреем Леонидовичем Шиловским (ГАПК. Ф: Р-3, Оп. 6, Д. 610. Л.94; Рафиенко, 2002, с.109).

Параллельно растет авангардистская мысль. В этот период дискурс многих художников смещается в сторону отождествления с революцией всего прогрессивного и нового, а всего отсталого с имперской Россией. Теперь уже революция – это не просто приход к власти новой политической силы, а новый мировой порядок и образ мыслей. В Перми данный процесс был связан с активностью художественных кружков, которые возглавлялись и идейно вдохновлялись видными представителями новых направлений в искусстве и педагогике: Н.М. Гушин, И.И. Туранский, П.И. Субботин-Пермяк. Так, недолгое время в 1918 году существовал Союз свободных художников (далее ССХ), и существующее при нем художественное училище (Семянников, 1987), взрастившее новое поколение художников, среди которых были будущие скульпторы Л.А. Старков (впоследствии основатель первой изостудии в г. Березники) и А. Верещагин (АГП. Ф.1053. ОП. 2 Д.278. Л.1.).

В 1920 г. П.И. Субботин-Пермяком по заданию Наркомпроса создаются Высшие художественно-промышленные мастерские в Перми. А плакатный кубизм П.И. Субботина-Пермяка берется учениками за основу при декоративном оформлении праздников новой власти.

Подготовка к 3-й годовщине октябрьской революции должна была стать фееричным моментом в жизни города. Летом 1920 года при художественной секции Губкома под руководством председателя секции И. Григорьева, был организован конкурс на лучшие эскизы для монументов, памятников, арок и плакатов, о котором объявили в Газете "Звезда" (Газета "Звезда", 11.06.1920. с. 4). Участие в конкурсе принял даже известный пермский фотограф М.И. Кузнецов (АГП. Ф.1053 ОП.1 Д.48 Л.1 об.). Впрочем, победу одержали только четверо: Л.А.Старков, В.Е. Гомзиков, А. Верещагин, М. Голубев (Газета "Звезда", 11.09.1920. с.4). Последние двое – наиболее загадочные личности, о которых неизвестно доподлинно, какой именно они создали монумент. Зато сохранились фотографии их памятников: яркий представитель кубизма – памятник "Освобожденный труд" рядом с гостинным двором и памятник в стиле символизма "Воин, стоящий на страже" в сквере Разгуляя (треугольный постамент сохранился до сих пор).

Изначально планировалось щедрое вознаграждение для победителей конкурса: "за эскизы для монументов назначено три премии – в 18, 15 и 12 тысяч рублей; за эскизы памятников – 18, 15 и 12 тысяч рублей и за эскизы для плакатов и арок – 5, 3 и 2 тысячи рублей" (Газета "Звезда", 11.06.1920, с. 4). Однако реальные выплаты осуществлялись в натуральной форме: В.Е. Гомзинову и Плюснину (которого, видимо, тоже выбрали победителем конкурса, но постфактум, вероятно, имеется в виду рабочий Мотовилихинского завода Василий Плюснин, которого уволили с завода в 1905 году за забастовку (Революционеры Прикамья, 1966, с. 734) вручили премию в виде пары сапог (ГАНИ. Ф.25. Оп.1.Д.75. Л.19), а Л.А. Старкову – пуд крупчатки (ГАНИ. Ф.25. ОП.1. Д.75. Л.10). Более того, письмом ВЦИКа было рекомендовано отменить само празднование 3-й годовщины революции из-за голода и гражданской войны. В результате исполнения части рекомендаций циркуляра, И. Григорьев сообщает, что "весь подготовленный материал на плакаты был перешит на рубашки и послан подарком на фронт красным бойцам" (ГАНИ Ф.25. Оп.1. Д.74 Л.37).

Впрочем, создание памятников было необременительным делом для власти большевиков, и осуществлялось за счет привлечения труда рабочих при помощи специализированных субботников с мест работы авторов эскизов (Газета "Звезда", 12.10. 1920. с. 4.). В.Е. Гомзиков, тогда – чертежник строительного цеха, вспоминает, что "строили его рабочие строительного цеха в нерабочее время... оплачивал строительный цех, материалы отпускал [Мотовилихинский] завод" (ГАНИ. Ф.25. Оп.1.Д.75. Л.19), лишь незначительная организационно-финансовая помощь поступала из райкома (ГАНИ. Ф.25. ОП.1. Д.75. Л.11). Л.А. Старков, тогда – слесарь главных железнодорожных мастерских, получал рабочую силу с тех же главных железнодорожных мастерских (ГАНИ. Ф.25. ОП.1. Д.75. Л.10).

Наиболее тяжелым обстоятельством, которое сказалось на качестве строительных работ, было запоздалое объявление конкурса (Газета "Звезда", 11.06.1920. с. 4) и жесткие сроки сдачи объектов: открытие было назначено на 7 ноября, тогда как 11 сентября успели только определить победителей конкурса (Газета "Звезда", 11.09.1920, с. 4). Так, в результате двухмесячной гонки, одному монументу, который планировали построить по проекту Плюснина "около часовни Николая Чудотворца, там, где были общественные весы, а сейчас трамвайное кольцо", успели организовать только официальную церемонию закладки памятника: "вырыть котлован под фундамент и бросить серебряный рубль" (ГАНИ. Ф.25. Оп.1.Д.75. Л.19). При цейтноте присутствие на стройке являлось скорее принудительным, чем добровольным: уход для покоса травы для коровы обернулся В.Е. Гомзинову арестом (ГАНИ. Ф.25. Оп.1.Д.75. Л.20).

Тяжелые погодные условия, которые являлись следствием просчета И. Григорьева со сроками, привели в дальнейшем к ломкости памятников. В частности, Л.А. Старков вспоминает об обстоятельствах строительства: «Стало совсем холодно, часто шел снег, все это очень сильно мешало работе. Пришлось сделать из фанеры шалаш, ведь памятник был немаленький – восемь метров высотой» (Шатров, 1971, с. 105).

Ко всем тяготам, сопровождавшим строительство, вскоре добавилась еще одна: непрофессионализм исполнителей. У монумента на Вышке не сделали подсыпку для фундамента, и он треснул (ГАНИ. Ф.25. Оп.1.Д.75. Л.19). Да и сами авторы монументов (кроме В.Е. Гомзикова) были новичками в проектировании: для них это стало первым и единственным опытом.

Закономерным следствием всех вышеприведенных обстоятельств было то, что первоначальная идея, запечатленная в эскизе, терялась, и творческий акт происходил непосредственно во время создания монументов. Так, постамент монумента В.Е. Гомзикова "предполагалось соорудить на вершине земного шара, которую [планировали] выложить из цветного бетона с картой северного полушария. На углах памятника – бетонные гробы" (ГАНИ. Ф.25. Оп.1.Д.75.Л.20). Но эти элементы проекта либо не были реализованы, либо были вскоре демонтированы. Л.А.Старков замечает, что все фазы строительства происходили практически одновременно: "Каменщики укладывали фундамент, я указывал, где и как нужно поставить каркасы. Никаких предварительных форм создать не удалось. Все делалось спешно, тут же на месте" (Шатров, 1971, с. 105).

Последним и главным результатом вышеприведенных просчетов была слабость конструкции монументов. Через пару лет из-за угрозы разрушения были снесены памятники "За власть Советов" Л.А. Старкова и монумент "Воин на страже" в Разгуляе. Вскоре и "Освобожденный труд" постигла та же участь. До наших дней сохранился только первенец отечественного индустриализма-монумент павшим борцам на Вышке.

Следует перечислить на примере первых монументов г. Перми ряд характерных черт монументов большевистской власти, которые были отличны от дореволюционной русской монументальной традиции и сохраняются в практике в почти неизменном виде до сегодняшнего дня.

Во-первых, новой особенностью монументального строительства большевистской власти было понимание города как кладбища, на карте которого увековечивались погибшие в годы (гражданской) войны, что является пропагандистским и идеологическим приемом. Такими были монумент Н.М. Гущина, возведенный на могиле Хохрякова, Светлакова, Большакова, которые были перезахоронены после нашествия Колчака на Егошихинском кладбище, и монумент на Вышке с урной с прахом революционеров. Позднее, в 1960-е множество монументов в честь гражданской войны строилось заведомо ложно как братские могилы, хотя на самом деле являлись кенотафами.

Во-вторых, характерно и то, что возведение новых памятников носило характер подмены культовых ценностей: места, где в 1914 году планировался к возведению памятник Александру 2 (План гостиного двора..., 1914) заменили памятники "Освобожденный труд" и "За власть Советов" Л.А. Старкова. Установка парового молота на Вышке велась рядом с действующей Преображенской часовней (Харитонов, 2000, с. 102), которую позже снесли, а сам "план монументальной пропаганды" предполагал демонтаж дореволюционных скульптур, но так как в Перми их не было, эта часть плана была не применима.

По своему характеру монументы 1918 года были выполнены в академической манере, что обуславливается тем, что авторы получили образование в ведущих консервативных художественных институтах страны того времени. Новые художественные веяния: кубизм, абстракционизм, проникали в академическую художественную среду очень медленно, а в результате политического давления в начале 30-х гг. XX в. были вовсе искоренены из публичного пространства городов соцреализмом. Именно благодаря отсутствию в Перми авторитетной художественной организации и наличия кружков молодых художников-авангардистов, памятники 1920 года были уникальными артефактами модных художественных течений, жесткого цейтнота и непрофессионализма исполнителей, что выгодно их отличает от надежных, но типовых и безликих проектов поздней советской скульптуры.

Литература и источники:

- АГП. Ф.1053 ОП.1 Д.48. М.И. Кузнецов. Эскиз памятника Борцам революции
АГП. Ф.1053. ОП. 2 Д.278. Л.1. Вечерняя изостудия ССХ. – 1917.
Белов, 2010 – Белов Б. Позапрошлое, прошлое, настоящее: Художник Н.М. Гушин. Подготовка текста, предисловие, комментарии Л.В. Пашковой //«Волга» –2010. – №3-4. – Саратов.
Бурдина, 1968 – Бурдина А.Г. Памятники Борцам//Календарь-справочник Пермской области на 1969 год. – Пермь, 1968.
Газета "Звезда" – № 100. – 12 Октября 1920
Газета "Звезда" – № 22. – 11 июля 1920 г.
Газета "Звезда" – 11 сентября 1920 г.

- ГАНИ Ф.25. Оп.1. Д.74. Подготовительный материал для статьи «Памятник на Вышке» (перепечатки документов и др.)
- ГАНИ. Ф.25. ОП.1. Д.75. Л.10. Рукопись статьи Б. Назаровского "Памятник на Вышке".
- ГАПК. Ф: Р-3, Оп. 6, Д. 610. Из протокола заседания членов Исполнительного Комитета Кунгурского Совета рабочих и крестьянских депутатов от 6 сентября 1918 г.
- Ленин и искусство, 1977 – В.И. Ленин и изобразительное искусство. Документы. Письма. Воспоминания. сост. Шлеев В.В. Изд. "Изобразительное искусство" – М., 1977. – С. 552.
- Памятники, 1971 – Памятники истории и культуры пермской области. Сост. Л.А. Шатров. – Пермь. 1971. – 234 с.
- План части города Перми – гостинного двора, театральной площади, сада и проект места для постановки памятника императору Александру II. Составлен в 1914 г. Рафиенко, 2002 – Рафиенко Л.С. Художник-архитектор А.Л. Шиловский в Кунгуре // Ярмарки на Урале. История и современность: Тезисы докл. и сообщ. III регион. науч.-практ. конф. «Грибушинские чтения» (г. Кунгур. 28–29 марта 2002 г.). – Кунгур, 2002. – С. 107-110.
- Революционеры Прикамья. – Пермь: кн. из-во, 1966
- Семянников, 1987 – Семянников В. Пришли иные времена // "Вечерняя Пермь" – № 67 (5518) – 21 марта 1987.
- Харитонов, 200 – Харитонов Е.Д. Храмы Мотовилихи начала XX века / Искусство Перми в культурном пространстве России. Век XX. (275-летию Перми). Исследования и материалы. – Пермь. Изд-во: "Пермск. гос. худ. гал.", 2000. – С. 369.

Сокращения:

- ГАНИ – Государственный архив новейшей истории г. Перми
АГП – Архив города Перми
ГАПК – Государственный архив Пермского края

Рис.1. Открытие памятника Хохрякову, Большакову, Светлакову. Архитектор Н.М. Гущин. 1918г. ГАНИ. Ф.8043. Оп.1. Д.89Б.

Рис. 2. Открытие памятника К.Марксу в Кунгуре. Архитектор А. Шиловский.
1918 г. ГАНИ. Ф.8043. Оп.1. Д. Б-155.

Рис. 3. "За власть Советов". архитектор Л.А. Старков. Архив Города Перми. Фонд 1053. Описание 2. Дело 181.

Шкураток Ю. А.*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)***ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МИФЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ***Ключевые слова: топонимия, Пермский край, народная этимология, национализм**Новые «этимологии» топонимов Пермского края как основа для продвижения различного рода националистических, псевдоисторических и т.п. идей.***Shkuratok Y.A. (Perm)****TOPONYMIC MYTHS OF PERM KRAI***Key words: toponymy, Perm Krai, folk etymology, nationalism**New “etymologies” of the Perm Krai toponymy as the basis for promoting various types of nationalistic and pseudo historic ideas are discussed.*

На многочисленных генеалогических, исторических, лингвистических, туристских и пр. ресурсах Интернета сегодня как никогда заметен интерес самых разных слоев населения к своему роду и фамилии, истории своего региона и его этническому прошлому, родному языку и его истории, к названиям рек, озер, населенных пунктов, окружающих человека с детства. К сожалению, даже беглый анализ показывает, что в современном обществе этот интерес зачастую удовлетворяется сочинениями писателей в жанре фэнтези, националистической и неоязыческой мифологией, фолк-хистори и другими лженаучными исследованиями, написанными, как правило, простым языком и обязательно затрагивающими некие глубинные струны интересующегося, апеллируя к осознанию древности своего рода и фамилии, богатого исторического прошлого и значимости народа, исконности и обоснованности проживания на данной территории и пр.

Неисчерпаемым источником для обоснования различных националистических идей в Интернете служит топонимия. Названия рек и населенных пунктов, «переведенные» с искомого языка, нередко служат доказательством древнейшего пребывания данного этноса на спорной территории, «арийского прошлого» какого-либо народа и т.д. И это не удивительно: отсутствие представления о лингвистике как науке (школьная программа в большей степени сосредоточена на изучении письменного и устного литературного языка, его грамматики, формировании навыков грамотного письма), а тем более о сложной, имеющей междисциплинарный характер топонимике, создает подготовленную почву для некритического усвоения лженаучных топонимических идей и мифов.

Стоит констатировать, что на сегодняшний момент сложился и серьезный вакуум научно-популярной литературы. Школьная или районная библиотека в лучшем случае может предложить работы финно-угроведа А.С. Кривошековой-Гантман «Географические названия Верхнего Прикамья: с кратким топонимическим словарем» (1983 г.) и краеведа Е.Н. Шумилова «Тимошка Пермь из деревни Пермьяки» (1991 г.), выпущенные в советские годы Пермским книжным издательством большими тиражами. Малочисленная научная литература, изданная в 90-е и 2000-е гг.: книги и статьи Е.Н. Поляковой

«Региональная лексикология и ономастика» (2006 г.), «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» (2009 г.), словарь А.К. Матвеева «Географические названия Урала. Топонимический словарь» (2008 г.) и некоторые другие – библиотеками не закупались.

Школа, которая должна реализовывать региональный компонент в образовании, по всей видимости, со своей задачей не вполне справляется. Опыт преподавания курса «Лингвистическое краеведение» у студентов заочного отделения, многие из которых уже работают учителями, показывает, что основным источником информации об истории региона и его топонимии у учителей является Интернет. Доклады и презентации, подготовленные студентами, нередко содержат недостоверную информацию. Усугубляет ситуацию и то, что студенты (будущие и сегодняшние педагоги) не умеют работать с информацией: не знают, каким источникам стоит доверять, как отбирать и критически оценивать интернет-ресурсы. Топонимические, исторические и другие мифы включаются педагогами в конспекты уроков и внеклассных мероприятий. В списках рекомендованной литературы нередко можно встретить сомнительные сочинения краеведов-дилетантов и откровенных лжеученых.

Приведем некоторые примеры. Широко распространены на различных ресурсах российского Интернета трактовки названий пермских рек Вишера и Колва писателя Сергея Алексеева, в молодые годы много ездившего по Уралу. В романе «Сокровища Валькирии» он пишет: «“Вишера” на древнеарийском языке означает “лежащая, вытянувшаяся от солнца”, а “Колва” могло быть переведено, как “звучащий круг” либо “круг звенящий”. На аэрофотосъемке и топокартах, а особенно на космических снимках река Колва выписывала огромный полукруг, огибая подножие горы. Вишера действительно лежала, вытянувшись на запад, от восходящего солнца <...> Когда Русинов отыскал упоминание об этом поселении, затрепетало сердце. Для глухого к слову уха оно звучало не по-русски, и чаще всего подобные названия относили то к тюркскому, то к угро-финскому» (Алексеев 2004, с. 83). Таким образом, продвигая националистические «арийские» этимологии, писатель С. Алексеев решительно отвергает версии, данные учеными-топонимистами.

Топонимические (и исторические) мифы тиражируются и в СМИ. Информационное агентство «Фергана» (<http://www.fergananews.com>) публикует статью о бывшем научном сотруднике Института языка и литературы Академии наук Таджикистана Ш. Хайдарове, после развала СССР и реформирования института перебравшегося в Пермский край. Сейчас научная работа является хобби исследователя. Отсутствие знаний по истории Прикамья, незнание финно-угорских языков и основ топонимики не помешали ему выпустить в 2006 г. книгу «Следы арийской цивилизации в Прикамье (Историко-сравнительное изучение проблемы)». Информационное агентство пишет: «Главной задачей исследования авторов книги было «выявить следы арийской цивилизации в Прикамье, общие родственные черты у ариев и народов, населяющих Пермский край в древности и сейчас, и показать, что история их взаимоотношений имеет глубочайшие корни». Авторами предложены гипотезы о том, что ряд топонимов Прикамья (Кунгур, Аспа, Ирень и другие) имеют иранское происхождение». Выход подготовленной таджикским ученым книги о древних и современных связях таджиков и Пермского края имеет большое значение для таджикской диаспоры Прикамья в целом» (<http://www.fergananews.com/article.php?id=4788&print=1>). К сожалению, написанная дилетантом с национальными претензиями книга цитируется в

научных ресурсах и упоминается в списке основных работ на сайтах различной направленности по истории Урала.

Стоит сказать, что процесс укоренения некоторых топонимических мифов в культурном сознании имел место и в прошлом. В XIX в. был распространен миф о Перми-Биармии, который недавно стал снова актуален. В.В. Абашев в статье «Биармия и Пермь» пишет: «Итак, независимо от научного решения этого вопроса историко-культурная традиция приурочила Биармию именно к Прикамью. Представление о биармийском прошлом Перми прочно укоренилось в культурном сознании. И это понятно. Ведь помимо эвристической ценности образ древней богатой и просвещённой страны, через которую проходил трансевразийский торговый путь, соединяющий Индийский океан с Ледовитым, народы северной Европы с народами Востока, был поэтически привлекателен и суггестивен, он увлекал воображение. <...> Итак, что же такое Биармия? Это пермская Атлантида» (http://www.kamwa.ru/report/a_19-Biarmiya-i-Perm-).

Последнее десятилетие XX в. и начало XXI в. ознаменовались интересом к этническому прошлому края, его осмыслению, популяризации и преломлению через призму идей этнофутуризма. В Пермском крае известна Пермская региональная общественная организация по продвижению культурных и молодежных проектов «КАМБА», проводящая ежегодный одноименный международный фестиваль, являющийся значимым культурным событием края. Целью организации являются «содействие развитию профессиональной и любительской творческой деятельности; популяризация творчества самобытных авторов; практическое осуществление программ сохранения и возрождения культурных и исторических традиций; проведение фестивальной деятельности; участие в культурно-просветительской и гуманитарной деятельности» (<http://www.kamwa.ru/about>).

Для нас представляет интерес ставшее брендом и известное не только в Перми имя фестиваля. Как пишут организаторы проекта, «в названии использовано мифологическое название уральской реки КАМА, состоящее из двух древних финно-угорских слов: КАМ – человек, шаман и ВА – вода» (<http://www.kamwa.ru/about>). Между тем, официальная топонимическая наука ничего об этой версии не знает: река Кама нигде не фиксируется как Камва, удмурты называют реку Камшур, присоединяя к затемненной основе иной топонимический формант. По одной из ранних гипотез историка А.А. Дмитриева, название Кама могло быть связано с этнонимом *коми*, где *ком* – ‘человек’. *Комму* – земля людей – фиксируется в фольклоре коми-пермяков и коми-зырян (Кривошекова-Гантман 1983, с. 96). Таким образом, еще один топонимический миф активно воспринят и тиражируется в культурном пространстве Пермского края.

Впрочем, реальное этническое прошлое не так интересно, как конструирование этнофутуристического настоящего и для другого молодежного центра, эксплуатирующего этническую тематику – фонда «Нанук» под руководством Н. Окорочевой. Целью проводимого ими фестиваля «Большая рыба» является «возможность «погрузиться» в историю, стать участником реальных и реконструируемых событий, обрядов, праздников, научиться делать вещи и украшения из «прежних времен», исполнять старинные песни и танцы, узнать историю Волгокамья «не по учебнику», понять, что такое Россия во всем ее этническом, культурном и историческом многообразии» (<http://bigfish.perm.ru>). При этом, если внимательно почитать программу мероприятий, история «не по учебнику» оказывается, по большому счету, фолк-истори.

В настоящий момент данный феномен, широко представленный в культурно-образовательной среде России, практически не вызывает отклика у серьезных исследователей. Лингвиста, как правило, интересуют топонимические легенды, которые могут привести к раскрытию истинной этимологии слова или способствующие затемнению внутренней формы. Современная мифология и процессы, происходящие в интернет-пространстве, культурной и образовательной среде, в сферу непосредственных научных интересов топонимистов не входят.

Представленный перечень сомнительных работ и активно воспроизводимых исторических и топонимических мифов не является исчерпывающим. На фоне появившихся в последние годы научных и научно-популярных работ российского и регионального уровня, развенчивающих фолк-истори, псевдолингвистические исследования и пр., ситуация в пермской научно-образовательной среде выглядит не лучшим образом. Часто обсуждаемые в кулуарах и частных разговорах проблемы не выносятся на уровень публичных дискуссий. Очевидно, что при полном невмешательстве научно-образовательной среды сомнительная научная информация, исторические и топонимические мифы будут только упрочивать свои позиции в Интернете и сочинениях краеведов-дилетантов. Необходимы не только научные исследования, но и научно-популярная литература, отражающие точку зрения историков и ученых-топонимистов, а также учебные пособия, которые будут доступны широкому кругу читателей, в том числе в школе.

Литература:

Абашев – Абашев В.В. Биармия и Пермь // Пермская региональная общественная организация по продвижению культурных и молодежных проектов «КАМБА». http://www.kamwa.ru/report/a_19-Biarmiya-i-Perm/.

Кривошекова-Гантман, 1983 – Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья: с кратким топонимическим словарем. – Пермь: Кн. изд-во, 1983. – 173 с.

Алексеев, 2004 – Алексеев С. Сокровища Валькирии. Стоящий у солнца. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 508 с.

Матвеев, 2008 – Матвеев А.К. Географические названия Урала. Топонимический словарь. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. – 352 с.

Полякова, 2006 – Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы: учебное пособие. – Пермь: Перм. ун-т, 2006. – 256 с.

Полякова, 2009 – Полякова Е.Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: материалы для самостоятельной работы: учебное пособие. – Пермь: Перм. гос. ун-т. – 260 с.

Хайдаров, 2006 – Хайдаров Ш., Одегов В.В. Следы арийской цивилизации в Прикамье : (историко-сравнительное изучение проблемы) – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. – 96 с.

Шумилов, 1991 – Шумилов Е.Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки. – Пермь: Кн. изд-во, 1991. – 372 с.

URL <http://www.fergananews.com>

URL <http://www.kamwa.ru/about>

URL <http://bigfish.perm.ru>

Зверева Ю.В., Кучева Е.Г.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МИКРОТОПОНИМОВ ДЕРЕВЕНЬ ГОРТЛУД И БАЧМАНОВО
КОСИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ***

** Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 11-34-00330 а2 «Материальная и духовная культура в лексике и фразеологии Пермского края»; РГНФ 12-34-01043 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края».*

Ключевые слова: географические названия, микротопоним, Пермский край, семантика.

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности микротопонимов (названий небольших физико-географических местных объектов). Большинство исследованных микротопонимов образовано по словообразовательным моделям коми-пермяцкого языка, они являются простыми, сложными или топонимами-словосочетаниями. По своему происхождению анализируемые микротопонимы относятся к двум пластам: пермскому (коми-пермяцкому) и русскому. Из русского языка, в частности, в коми-пермяцкую топонимию были заимствованы различные географические термины. Заимствовались как слова литературного языка (избушка, пруд и др.), так и диалектная лексика (галья, мыс, новина).

Zvereva J.V., Kucheva E.G. (Perm)

**STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF MICROTOPYNYMS IN
GORTLUD AND BACHMANOVO VILLAGES, KOSINSKY DISTRICT, PERM
KRAI**

Key words: geographical names, microtoponym, Perm Krai, semantics

The paper gives consideration to structural and semantic features of microtoponyms (names of small physiographic localities). Most of the microtoponyms are formed according to the Komi-Permyak word-building patterns; they may be one-word, compound or of a word-group type. By their origin the microtoponyms can be assigned to two groups of lexical units: Perm (Komi-Permyak) and Russian. The Komi-Permyak toponymy for instance loaned a number of geographical terms from Russian. Not only words of literary language (izbushka, prud, etc.), but also some dialectical lexical units (galya, mys, novina) were loaned.

Географические названия дают богатый материал для изучения истории Пермского края, формирования говоров на его территории, языковых контактов русских с другими народами и т.д. Исследованием топонимов Верхнего и Среднего Прикамья в XIX – начале XX вв. занимались Н.К. Чупин, В.Н. Шишонко, А.А. Дмитриев, И.Я. Кривошеков. Во второй половине XX в. к топонимическому материалу обращаются историки (В.А. Оборин, Г.Н. Чагин), лингвисты (Е.Н. Полякова, О.В. Гордеева, В.А. Малышева), географы (Ю.Г. Вылежнев), краеведы (Е.Н. Шумилов). Особые заслуги в изучении географических названий принадлежат А.С. Кривошековой-Гантман, которая, по словам Е.Н. Поляковой, «является основоположником планомерного, системного исследования коми топонимии и антропонимии Прикамья» (Полякова 2009, с. 69). Так, А.С. Кривошекова-Гантман собрала и систематизировала топонимы и

антропонимы общепермского и коми-пермяцкого происхождения, изучила историю их появления, источники, особенности структуры. В своем исследовании мы во многом опирались на ее труды в области ономастики, поскольку материалом работы стали микротопонимы (названия полей, лесных угодьев, ручьев) Косинского района Пермского края, собранные при опросе жителей деревень Гортлуд и Бачманово.

Часть географических названий, представленных в нашей картотеке, уже нашла отражение в работах А.С. Кривошековой-Гантман, однако большинство онимов пока не становилось предметом изучения. Микротопонимы традиционно относятся к периферии ономастического поля, поскольку они чаще всего обозначают мелкие географические объекты, известные лишь ограниченному числу лиц, проживающих в данной местности. Однако изучение микротопонимов представляет значительный интерес, поскольку они часто лежат в основе топонимов, а также «помогают устанавливать связи между жителями различных территорий, хранят в себе корни устаревших слов, вышедшие из употребления имени» (Кривошекова-Гантман, 2006б, с. 76).

Большинство микротопонимов этой территории является коми-пермяцкими, поэтому анализируя их структуру, мы опирались на классификацию топонимов коми-пермяцкого происхождения, предложенную А.С. Кривошековой-Гантман. Исследователь выделяет несколько типов названий по структуре: 1) простые (без топонимических формантов); 2) сложные, 3) топонимы-словосочетания, 4) топонимы, представляющие собой послеложно-именные сочетания (Кривошекова-Гантман, 2006в, с. 123).

Простые микротопонимы в нашем материале представлены коми-пермяцкими названиями, и заимствованиями из русского языка, в основном это географические термины: **Мыс** (*Мыс – холмистые поля за деревней Пыдосово*) от русского *мыс* 'гора с крутыми склонами, возвышающаяся на ровном месте' (Полякова, 2007, с. 224); **Нёвина** (*Нёвина – новое поле*) из русского *новина* 'участок земли, полученный в результате вырубki леса, выкорчевывания полей'; 'распаханная целина' (Полякова, 2007, с. 234); **Яг** (*Яг – сосновый бор по дороге в деревню Чазево*) из коми *яг* 'молодой сосняк' (КПРС, с. 592). Часть таких слов может иметь коми-пермяцкие суффиксы *-ин* и *-а*, которые имеют значение места: **Тёззя** от коми *тёз* 'лабазник' (ССКЗД, с. 375), **Поннуляин** от коми *понуль* 'можжевельник' (Рогов, с. 137). В «Коми-пермяцко-русском словаре» названия этих растений не зафиксированы, однако мы находим их в коми-русском словаре и словаре Н.Рогова.

К простым микротопонимам относится также название **Нирччан** (*Нирччан – берег реки, где чесали лен*). А.С. Кривошекова-Гантман отмечает, что топонимы с суффиксом *-ан* являются отглагольными именами, и характеризует некоторые из них, например, *Дзульган*, *Герскан* и др. (Кривошекова-Гантман, 2006а, с.16). Нужно отметить, что «Коми-пермяцко-русском словаре» фиксируется только глагол *ниртны* с основным значением 'тереть, натереть', однако в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» находим глаголы *нирччыны* и *нирасьны* со значением 'трепать, заниматься трепанием льна' (ССКЗД, с. 243). Таким образом, в микротопонимии сохраняются слова, а также значения слов, которые в существующем коми-пермяцко-русском словаре (1985 года) не нашли отражения.

Некоторые простые микротопонимы образуются образованы под влиянием русских топонимических моделей, так в названиях **Емельёвкёй**, **Крайёвскёй**, **Оникёвскёй**, **Помёскёй**, **Ручёскёй**, **Юдинскёй** используются русские суффиксы

прилагательных *-ов/ин* и *-ск*. Скорее всего, заимствование топоформантов связано с тем, что в коми-пермяцком языке нет притяжательных прилагательных и, следовательно, суффиксов для их образования. В основе этих названий чаще всего лежат антропонимы-христианские имена *Емеля* → **Емельёвскöй**, *Ёника* (*Аника*) → **Ёникёвскöй**, *Пома* (*Фома*) → **Помёвскöй**, *Юда* → **Юдинскöй**. Такие микротопонимы тождественны русским *Емелино*, *Аникино*, *Фомино*, *Юдино*. Микротопоним **Ручёвскöй** образован от коми-пермяцкого прозвища или некалендарного имени *Руч* ← *руч* ‘лиса’ (КПРС, с. 326). Только микротопоним **Крайёвскöй** (*Крайёвскöй* – *самый край полей, которые использовали для посева*), как это видно из названия, образован от русского существительного *край*.

Одна из групп микротопонимов соответствует топонимам, которые, по классификации А.С. Кривошековой-Гантман, являются сложными. Они состоят из двух самостоятельных слов, из которых первое – определение, второе – определяемое, обычно географический термин, например: *ва-* вода, река, *ю-* река, *шор-* ручей, речка, *ыб-* поле и т.д. Исследователь отмечает, что сложные топонимы – это максимально слитные топонимы-словосочетания, поэтому они имеют одно словесное ударение, которое падает на определяющую часть (Кривошекова-Гантман, 2006д, с. 196-197). Составными частями таких названий в нашем материале являются: *-ыб* ‘поле’ (**Вильыб**, **Гладышыб**, **Шарыб Ыджытыб**); *-шор* ‘ручей’ (**Матісьшор**, **Ёшмёшор**, **Сьёдшор**, **Сылшор**, **Тылашор**), *-вож* ‘приток’ (**Кыквож**); *-дзиб* ‘густой, глухой лес’ (**Вёлёдзиб**); *-кар* ‘городище’ (**Курёгкар**), *-видз* ‘луг, покос’ (**Гладьвидз**). Вторая часть может быть представлена также русским словом: *-мыс* (**Юдикамыс**); *-пальник* ‘выжженное место’ (**Варкапальник**, **Кузьпальник**, **Сикаспальник**, **Чернёшпальник**), *пруд* (**Бадипруд**); *-лог* (**Онтонлог**). В нескольких сложных наименованиях первая часть слова представляет собой антропоним (христианское имя или прозвище): **Гладышыб** буквально ‘поле Гладыша’, **Юдикамыс** ‘гора Юды’, **Бадипруд** ‘пруд Бади’, **Варкапальник** ‘пальник Варки’ (Варка < Варивон < Иларион), **Онтонлог** ‘лог Антона’. Другая часть в состав наименования включает прилагательные (с суффиксами и бессуффиксальные): *виль* ‘новый’ (КПРС, с. 73), *гладь* ‘гладкий, ровный’ (КПРС, с. 99) *кузь* ‘длинный’ (КПРС, с. 199), *матісь* ‘ближний’ (КПРС, с. 244), *сыл* ‘талый’ (ССКЗД, с. 52), *сьёд* ‘черный’ (КПРС, с. 462), *шар* ‘круглый’ (КПРС, с. 552), *ыджыт* ‘большой’ (КПРС, с. 577). В составе микротопонима **Курёгкар** слово *курёг* ‘курица’ (КПРС, с. 203) обозначает не птицу, а имя собственное рода; А.С. Кривошекова-Гантман пишет о топонимах на *-кар*, что в их «начальных компонентах скрываются имена родовых тотемов, названия семейно-родовых групп, вышедшие из употребления антропонимы» (Кривошекова-Гантман, 2006д, с. 197).

В одном названии частью слова является числительное: *кык* ‘два’ в микротопониме **Кыквож**. Кроме того, эта модель включает слова, состоящие из имени существительного, выступающего в качестве определения, и нарицательного имени природного объекта: *ёшмёс* ‘колодец’ (КПРС, с. 309), *чернёш* ‘обух топора’ (из *чер* ‘топор’ (КПРС, с. 531) и *нёш* ‘колотушка’ (КПРС, с. 278)), *сикас* ‘группа, коллектив близких родственников, ведущих свое происхождение от одного предка’ (ССКЗД, с. 419).

Некоторые наименования этой группы включают два географических термина, А.С. Кривошекова-Гантман приводит примеры плеонастических конструкций (Вадты, Карчой, Ягмыс и др.), объясняя появление таких сложных слов семантическими сдвигами в первом компоненте, который, как правило, древнее второго (Кривошекова-Гантман, 2006д, с. 197). В нашем материале

первый географический термин выполняет функцию определения, конкретизирует объект: **Дзибшотем** (*дзиб* ‘глушь’ и *шотем* (в КПРС *шутём*) ‘необработанная земля, целина’ (КПРС, с. 573), в русских пермских говорах ‘заброшенное, заросшее травой и кустарником поле’ (Полякова, с. 2007, с. 405) → ‘заброшенная земля, находящаяся в глуши’), **Чёлпанамыс** (*чёлпан* ‘каравай’ и *мыс* → ‘холм, похожий на каравай’) **Тылашор** (*тыла* ‘подсека, росчисть’ и *шор* → ‘речка, которая протекает по подсеке’).

В нескольких сложных наименованиях вторая часть слова представляет собой географический термин, однако он редко употребляется: **Оконьйор** ‘участок, огороженный Афоней’ (от имени *Оконь* < Афоня < Афанасий и *йор* ‘загон, огороженный участок’ (КПРС, с. 159)); **Тыгёп** ‘остаток озера’ (*ты* ‘озеро’, *гёп* ‘ямка, небольшая впадина’ (КПРС, с. 106), ‘углубление, яма с водой’ (ССКЗД, с. 87)), **Чадзёвтуй** ‘дорога, которая идёт в деревню Чазево’ (от топонима *Чадзёв* и слова *туй* ‘дорога’ (КПРС, с. 492)).

В группу сложных микротопонимов входят также названия, образованные сложением двух слов и прибавлением коми-пермяцких суффиксов *-ин* и *-а/-я* со значением места. Названия могут быть образованы сочетанием имени существительного с суффиксами *-а*, *-я* и географического термина: **Изьяшор** ‘каменистая речка’ (*из* ‘камень’ (КПРС, с. 153) + *-я* + *шор*); **Кёраыб** ‘оленье поле’ (*кёр* ‘олень’ (КПРС, с. 192) + *-а* + *-ыб*), **Лыаыб** ‘поле с костями’ (*лы* ‘кость’ (КПРС, с. 231) + *-а* + *ыб*); **Ниньядзиб** ‘липовый лес’ (*нин* ‘лыко’ (КПРС, с. 274) + *-я* + *дзиб*).

Суффикс также может находиться не после первого существительного, а в конце слова: **Кузькороса** ‘березовая роща, в которой заготавливали веники’ (*кузь* ‘длинный’ + *корось* ‘веник’ (КПРС, с. 185)), **Кулюра** (*куль* ‘черт’ (КПРС, с. 201) + *юр* ‘голова’ (КПРС, с. 590) + *-а*), **Кульпозья** ‘место злых духов’ (*куль* ‘черт’ + *поз* ‘гнездо’ (КПРС, с. 353) + *-я*), **Ошпозьяин** ‘медвежье логово’ (*ош* ‘медведь’ (КПРС, с. 301) + *поз* + *-я* + *-ин*); **Сюзпозья** ‘место сов’ (*сюзь* ‘сова, филин’ (КПРС, с. 467)). В группе этих микротопонимов выделяются названия с корнем *поз-* и первым компонентом именем нарицательным животного или наименованием нечистой силы. Эти сложные топонимы – обозначения лесных угодий – даны по характерному животному или же связаны с названиями коми-пермяцких родов, у которых животные были тотемами.

Сложные микротопонимы могут также состоять из двух существительных, одно из которых является отглагольным: **Дзелькулём** ‘место умершего ягненка’ (*дзель* ‘ягненок’ и *кулём* ‘смерть, падеж’ (КПРС, с. 200)); **Дилькулём** ‘место, где умер Диль’; **Прокопкулём** ‘место, где умер Прокоп’, **Федорвийём** ‘место, где убили Федора’ (*вийём* ‘убийство’ (КПРС, с. 73)). Приведенные микротопонимы называют участок по событию, связанному с этим местом.

Кроме сложных микротопонимов, которых в нашем материале больше всего, в окрестностях деревень Гортлуд и Бачманово встречаются также названия, образованные сочетанием существительного и имени-последлога. А.С. Кривошекова-Гантман пишет о том, что такие последлоги выступают в качестве топоформантов и соответствуют русским приставкам с пространственным значением, но, в отличие от приставок, могут употребляться самостоятельно (Кривошекова-Гантман, 2006г, с. 113). В нашем материале представлены микротопонимы с последлогами *выл* ‘верх, над’ (КПРС, с. 91), *дор* ‘край, берег реки, озера’ (КПРС, 126), *дын* ‘место (пространство), прилегающее к чему-либо’ (КПРС, с. 133), *пон* ‘последлог у’ (КПРС, с. 356), *сай* ‘место за прикрытием чего-либо’ (КПРС, с. 417): **Ыбвыл** ‘место, находящееся выше поля’,

Гунадын ‘место около гумна’, **Расдор** ‘место около роши’, **Тылавыл** ‘место, находящееся выше подсеки’, **Льѳмпудын** ‘место около черемухи’, **Ыбпон** ‘край поля’, **Учѳтѳусай** ‘место за маленькой речкой’ **Ыбсай** ‘место за полем’. Первая часть в таких наименованиях – это, как правило, географический термин: *рас*, *тыла*, *ыб*, хотя в нескольких микропонимах первая часть имеет другое значение: *гуна* ‘гумно’ (КПРС, с. 110), *льѳмпу* ‘черемуха’ (КПРС, с. 234).

Небольшое количество названий представляет собой словосочетания. Нужно сказать, что в коми-пермяцком языке плохо разграничиваются сложные топонимы и топонимы-словосочетания. Так, А.С. Кривошекова-Гантман замечает, что компоненты словосочетания в коми-пермяцком языке легко сливаются, образуя название – сложное слово, чему способствует отсутствие согласования зависимого слова с опорным компонентом словосочетания (Кривошекова-Гантман, 2006г, с. 112). Разделяя два структурных типа, мы опирались на речь информантов, на то, как они произносят компоненты топонима: слитно или раздельно. В нашем материале топонимов-словосочетаний шесть: **Ѳшка сотчѳм** ‘место, где сгорел бык’ (*ѳшка* ‘бык’ (КПРС, с. 308); *сотчѳм* ‘горение’, ‘пожар’ ‘гарь’ (КПРС, с. 445)), **Чойыл шор** ‘речка около д. Чойыл’, **Избушка йѳр** ‘изгородь дома’, **Сыл шор лог** ‘лог, где течет незамерзающий ручей’, **Сыл шор мыс** ‘холм за незамерзающей рекой’, **Ыджыт галя** ‘место, где лежит большой камень’. Как мы видим, часть таких названий включает два компонента, другая – три. Чаще всего в составе словосочетаний, как и в сложных словах, один из компонентов – географический термин.

По своему происхождению анализируемые микропонимы относятся к двум пластам: пермскому (коми-пермяцкому) и русскому. Из русского языка, в частности, в коми-пермяцкую топонимию были заимствованы такие географические термины, как *мыс*, *новина* и др. В сложных наименованиях один из компонентов также может быть русским: *лог*, *мыс*, *пруд*, *пальник*. Заимствовались как слова литературного языка (*избушка*, *пруд* и др.), так и диалектная лексика (*галя*, *мыс*, *новина*).

Часто микропонимы включают календарные христианские имена, которые появились у коми-пермяков после христианизации края. Из-за отсутствия некоторых звуков в коми-пермяцком языке (ф, х, ц, щ), антропонимы изменяли свой фонетический облик, приспособляясь к произносительным особенностям коми-пермяцкого языка.

Сложные топонимы и топонимы-словосочетания являются коми-пермяцкими, так как образованы по словообразовательным моделям этого языка. В структуре простых микропонимов могут быть использованы русские словообразовательные средства – суффиксы *-ов* и *-ск*. Это заимствование показывает, что влияние русского языка на коми-пермяцкую топонимию происходило не только в области лексики, но и грамматики.

Литература:

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985. – 624 с.

Кривошекова-Гантман, 2006а – Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Крми-пермяцкого округа // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // А.С. Кривошекова-Гантман. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006. – С. 11-17.

Кривошекова-Гантман, 2006б – Кривошекова-Гантман А.С. Ономастика на службе истории края // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // А.С. Кривошекова-Гантман. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006. – С. 68-79.

Кривошекова-Гантман, 2006в – Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // А.С. Кривошекова-Гантман. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006. – С. 119-143.

Кривошекова-Гантман, 2006г – Кривошекова-Гантман А.С. Структурно-словообразовательные типы коми-пермяцких ойконимов // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // А.С. Кривошекова-Гантман. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006. – С. 109-114.

Кривошекова-Гантман, 2006д – Кривошекова-Гантман А.С. Структурные типы топонимов коми-пермяцкого происхождения в Верхнем Прикамье // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // А.С. Кривошекова-Гантман. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006. – С. 194-201.

Полякова, 2009 – Полякова Е.Н. Исследования А.С. Кривошековой-Гантман в области ономастики // Е.Н. Полякова. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья. – Пермь: Изд-во Перм.гос.ун-та, 2009. – С. 68-73.

Полякова, 2009 – Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. – 420 с.

Оборин, 1968 – Оборин В.А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI XVIIв. // Географические названия Прикамья. – Пермь: Изд-во Перм.ун-та, 1968. – С. 63-79.

Рогов, 2006 – Рогов Н. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Н. Роговым. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн.изд-во, 2006. – 430 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. – Сыктывкар: Коми кн.изд-во, 1961. – 491 с.

Чагин, 2004 – Чагин Г.Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. – Пермь: Изд-во Перм.ун-та, 2004. – 100 с.

Шумилов, 1991 – Шумилов Е.Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки: географические названия и фамилии Пермского края. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. – 271 с.

Русинова И.И.

(Пермский государственный национально-исследовательский университет, Пермь)

**ПЕРМСКИЕ НАЗВАНИЯ ЗЛЫХ ДУХОВ – ПОМОЩНИКОВ
КОЛДУНА НА СЕВЕРНОРУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ФОНЕ***

** Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011, гранта РГНФ № 12-34-01043a1.*

Ключевые слова: мифологические тексты Пермского края, колдун, злые духи, демонологическая лексика.

Статья содержит анализ названий злых духов – помощников колдуна, функционирующих в мифологических текстах Пермского края. Раскрыты мотивационные и семантические связи данных единиц с теми, которые зафиксированы в говорах Русского Севера и соседних территорий.

Rusinova I.I.

**PERM NAMES OF EVIL SPIRITS – A SORCERER’S ASSISTANTS –
AGAINST THE BACKGROUND OF THE NORTHERN RUSSIAN LANGUAGE**

Key words: mythological texts of Perm Krai, sorcerer, evil spirits, demonological lexicon.

The paper analyses names of evil spirits – a sorcerer’s assistants – functioning in mythological texts of Perm Krai. Motivational and semantic links of these units to the units recorded in the dialects of the Russian North and neighbouring territories are described.

На Русском Севере и в Предуралье хорошо представлена мифология особой категории нечистой силы – злых духов, которых колдун получает в услужение за то, что продает душу дьяволу. Эта разновидность духов, с одной стороны, реализует связь колдунов с потусторонним миром – миром злых, враждебных человеку субстанций, с другой стороны, представляет собой метафорическое отчуждение от колдунов их сверхъестественной силы в виде разнообразных существ (Христофорова, 2010. с. 162).

Будучи по природе своей демонами, они способны принимать различный облик: антропоморфный, зооморфный, полиморфный, предметный (о разнообразных обликах этих мифологических персонажей по пермским данным см.: (Русинова, 2010а, с. 18–25; Русинова, 2010б, с. 13–17)).

В пермских материалах фиксируются многочисленные названия этих духов. Часть наименований – это производные от корней *бес* и *черт*–: *биси*, *бесёнки*, *чёртики*, *чертёнки*: *Беси-то у них [колдунов] есть. Дак ведь дома, где они у них. Посадят бися – голова будет болеть. Биси в голбце сидят, они работу просят* (Искор Черд.). *Колдунья жила в Говорливом, дом у неё над рекой был. Мы к ней пришли. Она куда-то пошла и сказала: «Не лазьте в подвал». Но мы под печку заглянули, а там из бересты коробочка, а в ней куделька. И они там, чёртики, прямо кипели в ней. Они, говорят, тоже плодятся. Они маленькие, в половину меньше мураша. И ноги у их всё кругом-кругом* (Нечкино Краснов).

Большое количество единиц – это названия образов оборотничества духов: антропоморфного (человечки), зооморфного (бабочки, воробушки, жабы, жуки, зайчики, комары, лягушки, мошки, мухи, пауты, осы цыплята,), предметного

(булавки, лоскутки, стеклышки, угольки). Слова, приведенные выше, имеют прозрачную внутреннюю форму, т.е. говорящим понятен тот образ, или то слово, которые выступили мотиваторами для единиц. Но есть среди исследуемой группы слов такие, внутренняя форма которых затемнена.

В данной статье мы проанализируем нескольких единиц, имеющих такую, неясную внутреннюю форму. Два подобных названия – **бусеньки** и **кулешата** – были рассмотрены нами раньше (Русинова, 2013, в печати). Мотивационной базой для наименования *бусеньки* послужило представление о «мышинном» – «бусом» (по данным СРНГ, ведущим значением прилагательного *бусый* является серый цвет (СРНГ, вып. 3, с. 304–307)) облике духов – помощников колдуна: [А какие они, эти биси?] *А они серые, маленькие, как мыши* (Арх.) (Дранникова, 2009, с. 141). *С виду они всяко покажутся. У одной женщины они ночью возились и в ведре с помоями утонули. Она утром приходит, а они в ведре плавают, маленькие, как мышата, утонули* (Новг.) (Черепанова, 1996, с. 89)]. *У него, у колдуна, в голбце черти сидят. Я один раз в голбец спустилася, там стоит большой туесок, старинный, берестяной. Я поглядела, а там черти-то сидят, рты разевают, как маленькие мышата, красные рты* (Усол., Перм.). Мыши, наряду с ящерицами, змеями, червями, входят в класс так называемых гадов (Гура, 1999, с. 281), которые в сознании носителей традиции связываются с потусторонним миром, миром злых, враждебных человеку сил.

Вторая единица, которую мы проанализировали раньше, – это слово **кулешата**. Корень *-кул'* фиксируется в русских говорах не только в интересующем нас значении. Он употребляется в словах, называющих разных представителей нечистой силы (**Кулиши**. В суеверных представлениях – маленькие чертенята разных цветов, появляющихся во множестве на святках. Глазов. Вят., Зеленин (СРНГ, вып. 16, с. 69). 2. **Куляш**. В суеверных представлениях – чертенок или водяной. Волог., Даль. Вят. (там же, с. 78)), а также ряженных – людей, которые «переодеваются в чертей» на святки (**Кулэс**. Ряженный в святки. **Кулесёнок**. То же, что кулес. (СВГ, 1989, с. 16). **Куляжки**. Ряженные (на святках). Верхотур. Перм., 1852. Перм., Даль (СРНГ, вып. 16, с. 77)). Обратившись к словарям, мы находим соответствия этому корню в коми-пермяцком и в коми языке: **Куль**. 1) черт, сатана, дьявол (КПРС, 1985, с. 200). **Куль** II. Бес, черт (КРС, 1961, с. 334). «**Куль** – нижний, темный демиург, водяной, после христианизации также черт, дьявол, сатана. Куль в значении «злой дух» этимологи связывают ещё с допермской (прафинно-угорской) эпохой: праф.-угор. *ku:г «дух нижнего мира, насылающий болезни» (Конаков: электр. ресурс). Таким образом, название *кулешата*, скорее всего, результат заимствования русскими слова *куль* из соседних языков и его дальнейшей адаптации.

Зафиксировано в пермских мифологических рассказах слово **козютки**, называющее зооморфный (в виде насекомых, напоминающих муравьев) облик злых духов – помощников колдуна: *У нас в деревне там была старушка одна. Про её говорили, что она колдунья, что она знает, что у неё есть эти насекомые. У её было две маленьких внучки. Сидим мы, значит, с подругой Катей, на поляночке под черёмухой, играем с её внучками. Играли, и вдруг (до сих пор это я так внятно помню, не знаю, сколько мне лет было, но я ещё не работала, маленькая ещё была, вдруг стала куча ос. Ведь знаете, что такое осы? А тут они, главное, никуда не летят, а вот так вот, как мураши, друг на дружку лезут. Старуха нам и говорит: «Девки, топчите их, топчите». Я Кате шёпотом говорю: «Это у неё козютки». У матерей-то слыхали, что она колдунья. Мы не стали топтать-то, это козютки у неё были. Но топтать-то*

их не стали, она нас заставляла топтать. Истоптали бы, тогда нас обеих давно уж не было бы в живых (В. Кондас Усол.). Данная единица, скорее всего, является однокоренной по отношению к словам **козюлька** ‘козявка, букашка’ (СРНГ, вып. 14, с. 27), **козявка** ‘маленькая букашка’ (БАС, 2007, с. 203). Различаются эти слова только суффиксами субъективной оценки. И **козюлька** и **козявка** называют мелких насекомых. Этимологи связывают происхождение этих существительных со словом **коза**. Данные ЭССЯ позволяют выстроить этимологическую цепочку *коза* → *корова* → *насекомое божья коровка* → *любое мелкое насекомое* (ЭССЯ, вып. 12, с. 26). М.Фасмер предлагает другую версию развития значения корня *коз-*: к образованию слова *козявка* привело сходство усиков насекомых с рогами (Фасмер, т. 2, 1986, с. 279).

Так или иначе, описываемая единица образована в соответствии с логикой мифо-ритуальной традиции и входит в огромный энтомологический ряд слов, которыми в пермских говорах обозначаются злые духи – помощники колдуна: **бабочки** (*Черти под вид бабочек. Всякий колдун их по-разному хранит. Мама рассказывала: у одного мужика в подвале много-много бабочек* (М. Долды Черд.)); **жуки, жучки** (*Тут одна женищина умерла. У неё, видно, сноха туесок взяла в руки, открыла, а там жуков разноцветных – не сосчитать! Тьма. [А что это за жуки]. Да черти-то и были* (Пянтег Черд.). *Поглядели – у его гимзит в туеске-то, жучки всякие, это порча-та на людей, биси-те* (Майкор Юсьв.)); **комары** (*Икоту тоже колдуны наводили. Вот в Юсьве была баба Мария. Икоту пускала. Когда она умерла, сын к ней приехал. Спустился в погреб, а там нашёл в туеске комары в пресном квасе* (Тылаево Юсьв.)); **медуницы** ‘пчелы’ (*Черти у колдунов, оне разные – то в медуниц [пчел], то в птичку какую, то в жуков* (Н. Шакшер Черд.)); **мизгири** ‘пауки’ (*И от стали [колдунью] хоронить, и у её в подполье нашли туесок. Это, говорит, открыли – там полно одны мизгири! Это всё там у ей гадость всякая. Вот этот мизгирёк, значит, он, на кого она придумала посадить, и всё... Ну, она чёртика садила. Икоты же здесь полно. Поставят икоту тебе, и она матерится...* (Северный Коммунар Сив.)); **мухи** (*Тут у нас Наташа-то покойна видела нечаянно чертей-то у Николы. Мухи! Зелёные какие-то, всякие* (Ратегова Краснов.). *Черти и порча как мухи большие. Живут они в доме. Она, Мария, их в подвале держит и на ворот людям садит. Как заругаешься, она в тебя и залетит, эта муха* (Вавилово Сол.). *В пестерях на вышке чертей держали. Они как мухи, червячки* (Губдор Краснов.). *Мухи у колдуна в туесочке сидят, он с их помощью порчу передаёт. Им скажет имя, они к тому человеку и летят* (Карагай)); **осы** (*Жена у него пошла в сарай. Заходит, а там много ос ползает. Она приходит к мужу и спрашивает: «Что у тебя там осы какие-то?» А он спрашивает: «А что, они тебя кусали?» Так она потом от него ушла* (М. Долды Черд.)); **пауты** ‘оводы, слепни’ (*Который маму испортил, Илья Николаич, когда стал умирать, никак не может умереть. У него это всё колдовство нужно принять кому-то. А вот эти всё колдовство вышло на окна, раму всю облепили вот как пауты большие летают летом, вот такой величины мухи всё облепили полностью-полностью, даже ничего не видно было, окно облепили эти мухи* (Вильва Сол.)); **татараньё** (*Вот когда-то раньше работников держали. Одна-то работница была у колдуна. Они в город поехали и сказали ей: «Пол мети, а в туесок, что в углу стоит, не заглядывай». Они ушли, а она, конечно, заглянула. Открыла туесок, а там полно тараканья. [Биси это что ли?]. Да* (Черд.)).

Для называния нечистой силы, находящейся в услужении у колдуна, носителями пермских говоров используется слово **кутьки**: [У колдунов

помощники какие-то есть? Как они называются?] Да, да, *кутьки* называются... У кого птички, у кого лягушки... Они велят робить. Без дела ты не будешь сидеть! Они, знаешь, какие работающие, кутьки (Камгорт Черд.). Существительные *кутька*, *кутя* в русских говорах Пермского края и севернорусских диалектах чаще всего обозначают курицу или цыпленок (см.: **Кутя**. Курица. (СРГКПО, 2006, с. 134). **Кутька**. 1. Курица. 2. Цыпленок. 3. Котенок. **Кутя** 1. Курица (СПГ, т. 1, с. 457). 1. **Кутька**. Курица // Цыпленок. 2. **Кутя**. Курица (СРГН, вып. 16, с. 178, 179)). Используются слова с корнем *кут-* и как подзывные для кур и цыпляют: **Кути-кути**, междом (там же, с. 179).

Сами носители пермских говоров неоднократно указывали на перемещение духов – помощников колдуна по воздуху как главный способ их «передвижения», распространения (*Еретник – кто людей портит, в чём-нибудь чертей пускает. По ветру, говорят, пускают* (Покча Черд.)). Именно поэтому вполне понятна их способность «летать», как насекомые или птицы. Орнитологический ряд образов, которые традиционно являются «личиной» таких духов, составляют *воробьи*, *воробушки*, *воробышки*, *гуси*, *птицы*, *птички*, *цыплята*, *цыплятки*, *цыпушечки*. Самыми частотными из них (об этом говорит не только количество употреблений слов, называющих эти образы, но и количество производных) являются *цыпленок* и *воробей* – наиболее привычные и близкие для человека домашняя и дикая птицы.

Проведенное исследование позволило увидеть мотивационные и этимологические связи слов *бусеньки*, *кулешата*, *козютки*, *кутьки*, выступающих в пермских мифологических текстах обозначениями злых духов – помощников колдуна, с другими единицами, функционирующими в говорах Русского Севера и смежных территорий.

Как видно из анализа и примеров, демонологическая лексика – это актуальный пласт пермского диалектного лексикона, который помогает реконструировать значимый фрагмент мифологических представлений русского крестьянина.

Литература:

Гура, 1999 – Гура А. В. Животные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И.Толстого. – М.: Междунар. отн., 1999. Т.2. – С. 281.

Дранникова, 2009 – Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. – М.: ОГИ, 2009. – 304 с.

Конаков – Конаков Н. Д. Куль // Мифология коми. – URL: <http://www.komi.com/folk/myth/237.htm> (дата обращения: 28.09.2013).

Русинова, 2010а – Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. Вып.3(9). – С. 18–25.

Русинова, 2010б – Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. Вып.6(12). – С. 13–17.

Русинова, 2013 – Русинова И.И. Кто такие *бусеньки* и *кулешата*? // Севернорусские говоры. Вып. 13: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. – В печати.

Христофорова 2010 – Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. – М.: ОГИ, РГГУ, 2010. – 432 с.

Черепанова 1996 – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.

Словари:

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 8. – М.: Наука, 2007. – 840 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А.С.Кривошекова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.

КРС – Коми-русский словарь / Д.А.Тимушев, Н. А. Колегова. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 923 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: Учеб. пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вологда, 1989. К-М. – 92 с.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. Т. 1. – Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2000. – 608 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. – 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. – Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. – 364 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 т. – Пермь, 2010–2012.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – М.; Л., 1965–2011. Вып. 1–44 (издание продолжается).

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. — 3-е изд., стереотип. — М.: Азбука-Терра, 1996

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд.

Сокращения районов Пермского края:

Краснов. – Красновишерский

Сив. – Сивинский

Сол. – Соликамский

Усол. – Усольский

Черд. – Чердынский

Юсьв. – Юсьвинский

Бакланова И.И.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**СОХРАНЕНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНОГО УКЛАДА В ОБРАЗЕ
ЖИЗНИ И ЯЗЫКЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ
(на материале русских говоров Коми-Пермяцкого округа)***

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №13-14 59008 "Русские говоры
Коми-Пермяцкого округа: проблемы функционирования и развития"*

Ключевые слова: Коми-Пермяцкий округ, русские говоры, патриархальный уклад

В статье говорится о сохранении патриархального уклада в русских говорах Коми-Пермяцкого округа. Вывод делается на основании анализа значимых пластов лексики говоров: названий пищи и домашних животных.

Baklanova I.I. (Perm)

**PRESERVATION OF THE PATRIARCHAL STRUCTURE IN THE WAY OF
LIFE AND LANGUAGE OF RURAL POPULATION OF PERM KRAI (BASED
ON THE MATERIALS OF DIALECTS IN KOMI-PERMYAK OKRUG)**

Key words: Komi-Permyak Okrug, Russian dialects, patriarchal structure

The paper deals with the preservation of patriarchal structure in the Russian dialects of Komi-Permyak Okrug. Conclusion is made on the basis of the analysis of the meaningful strata of the dialects' vocabulary: names of food and domestic animals.

Слово патриархальный имеет в русском языке несколько значений. В нашей работе мы будем использовать его в значении "Такой, как в старину, верный старым традициям, чуждый новой культуре" (Большой толковый словарь русского языка, 2003, с.787). Мы полагаем, что сельские жители, наиболее прочно стоящие на земле (дом, большая усадьба), сохраняют в своем образе жизни, укладе элементы старины. Сохранение традиций ведения хозяйства в деревнях испокон веков обеспечивалось тем, что дети, женившись, выйдя замуж, оставались на родной земле: пахали, сеяли, держали скотину, рожали и воспитывали детей. Сегодня ситуация в деревнях сильно изменилась: дети не хотят пахать, сеять, рожать детей на родной земле. В этой связи тем более важно посмотреть, насколько сельчане живут по старинке, в чем еще виден их старинный уклад.

Узнать о том, как жили в старину, мы можем из разных источников. Но если мы говорим о сохранении патриархального уклада в образе жизни и языке сельских жителей, то, в первую очередь, следует обратиться к рассказам самих сельчан, их воспоминаниям о тех временах. Обратимся к некоторым диалектным текстам, собранным на уже названной территории в 2003-2008 гг. преподавателями и студентами Пермского государственного университета (сегодня ПГНИУ) под руководством И.И. Русиновой, доцента кафедры общего и славянского языкознания, и Пермского государственного педагогического университета (сегодня ПГГПУ) под руководством профессора кафедры общего

языкознания И.А. Подюкова. Содержание текстов представляет собой ответы на вопросы: как жили раньше, какая была одежда, как играли в молодости:

1) а ч'о у нас было од'о́жда-та// во́т так'ийе од'н'и́ колш'ш'ан'ийе бы́л'и/ во́т так'уйу й'у́пку сош'йо́т колш'ш'ан'уйу// у нас-то и од'е́жда-та софс'е́м н'е было// мы ма́л'ен'к'и-то бы́л'и да́к/ софс'е́м н'ич'е́ н'е од'е́т'// н'е о́бу́т' было// ла́пт'и так'ийе од'е́н'еш/ со шко́лы пр'ид'о́м/ о́бу́т' н'е́ч'ево// це́лый но́ч' на́м ма́ма оп'а́т' на́м ла́пт'и д'е́лайет// во́т та́к ы жы́л'и// (Записали от Д.Ф. Лобановой, 1927 г.р., д. Данилово Гайнского района).

2) трубоч'и́стом игра́л'и да// во́т на́пр'им'е́р/ мы́ с тобо́й с'уда́ та́г з'д'е́лаэм/ ид'о́м то́же т'икон'е́ч'ко/ та́м мно́го сто́йа́т// ты́ воз'м'о́ш о́т ч'е́рес то́же ч'елов'е́ка и та́м ч'е́рес трубу́-то ид'о́ш то́же ч'е́рез ру́к-то// оп'о́т фторáйя то́же та́г же ид'о́т та́м/ воз'м'о́т и пойд'о́ш по фс'е́му у́л'ице// а ч'о та́м/ ш'ш'а́с э́т' п'й'у́т/ а ра́н'ше-то н'е́ был'и/ н'е́ п'и́л'и// зайд'о́ш/ ква́с/ на́п'й'о́шса ква́сом/ д'е́р'ев'е́нск'ий ква́з бы́л/ д'е́лал'и бра́г'и// коро́шыйе-то вре́ме́на́ ста́л'и/ да́к офс'а́ный д'е́лайут ква́с/ по́пй'о́ш// а в'и́но н'е́ было софс'е́м/ а ш'ч'а́с сп'и́рт круго́м// (Записали от А.Л. Исаевой, 1933 г.р., д. Чажегово Гайнского района).

3) ма́сло// см'е́тану з'д'е́ла́йм/ прок'и́сн'ет и пото́м св'и́р'ку-то и н'е́мно́шко под'е́ржым и мута́йм та́к// и пото́м ста́н'ет э́то сл'иво́ч'нойе ма́сло// а пото́м оп'а́т' то́п'им// та́к круго́м/ та́г д'е́лайеш па́лкой/ муто́фкой/ в д'е́р'ев'я́а́ ном т'у́йес'е та́м б'е́р'езно́во́м/ б'е́р'езно́во́й бы́л'и т'у́йес// (Записали от А.Л. Златиной, 1929 г.р., пос. Жемчужный Гайнского района).

4) [А лапти носили у вас?] в ла́пт'а́х и род'и́лас' со́ста́р'и́лас' в ла́пт'а́х// [Они отличались от коми-пермяцких?] отл'и́ч'ал'ис'// у нас с обо́рами пл'е́ту́т/ а доч'у́с'еф б'е́з обо́рла// как обо́рка́м'и за́пл'е́та́йут// у и́к ка́к-то́с' н'и́ск'и/ н'е́ так о́бу́исты у и́к/ а на́шы-т'е ла́пт'и о́бу́ист'е́йя/ бо́л'ше мо́жош на́пу́тат' на́ ног'и-т'е// обо́рлы ка́к-то́ н'и́ск'и/ а на́шы-т'е ка́к-то́ гл'у́бже/ по́вы́ше/ как о́т голо́шы// ...ну о́т нач'ина́цца йа́года-та дз'о́р/ дз'о́р/ дз'о́р на́зыва́цца// он с'о́ вы́скло// у м'е́н'а́ он в о́гра́д'е ро́ст'о́т э́то/ кро́п'и́ва и ма́л'и́на/ да́к ны́нч'е кру́пной дз'о́р-о́т йес'// на́в'е́рно посп'и́йот// ту́т с'о́-да́к'и за в'е́тром да́к// (Записали от Е.А.Копанцевой, 1922 г.р., д. Живые Кудымкарского р-на).

Как видим, из бесед с информантами можно узнать о быте крестьян, об их досуге (играх). В диалогах с ними выясняются детали быта, одежды и проч. Известно, что сегодня в деревнях уже не носят лаптей, однако почти в каждом дворе хранятся лапти, которые важны как память; имеется старинная одежда, самотканые половики и даже ткацкий станок. Понятно, что сегодняшняя сельская молодежь знает и названия этих предметов, и их применение.

Приведем еще один рассказ, записанный в 2013 г. И.И. Русиновой в п. Юрла Коми-Пермяцкого округа:

[Поросята раньше сами гуляли?] Уйду́т/ н'е́д'е́л'а/ м'е́с'а́ц н'е́ту// иду́т с поро́с'а́там'и// д'е́с'а́т'-дв'е́на́ццат'// э́то хоро́шо́ да́же... за лу́га́м'и-то ту́т пол'а́ был'и/ а пото́м э́то/ кла́ду́х'и-т'е э́то/ ко́гда вы́жнут з'е́рно-то да́к/ ну кла́ду́х'и на́зывайу́цца/ как сто́га ло́жат/ он'е́ в'и́д'имо та́м э́то фс'о́// хр'у́к-хр'у́к/ д'е́с'а́т'-дв'е́на́ццат' шу́тку/ во́т/ как ломото́ч'к'и иду́т// фс'е́х/ фс'е́х домо́й/ да́к хоро́шо́//

Воспоминания информанта Найдановой Н.Е. рисуют невозможную, казалось бы, в настоящее время картину. Однако в этом же 2013 году в д. Визия Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа нами была увидена аналогичная ситуация: по деревне до позднего вечера вольно разгуливали коровы, телята, овцы и поросята. Конечно, такое можно наблюдать не в каждой современной деревне, но чем дальше от цивилизации, тем вероятнее сохранение старого уклада.

В связных текстах вряд ли можно добыть исчерпывающую информацию о старом быте, о крестьянском укладе. Более полное представление даст изучение лексики какой-либо тематической группы. В рамках статьи мы остановимся на лексике питания и домашних животных, считая, что в этих лексических пластах как нельзя лучше сохраняется патриархальный уклад сельских жителей. В качестве материала для анализа взят другой источник – "Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа" под редакцией И.А. Подюкова.

Не вызывает сомнения, что русские люди часто готовят и потребляют мучные изделия: пироги, булочки, печенье и проч. В деревнях выпечка обязательно сопровождает и повседневную жизнь, а тем более праздники: ни один праздник не проходит без пирогов и шанег. И так ведется многие годы. Считаем, что именно в деревнях сохраняется этот патриархальный уклад: в городах существует бесчисленное количество кулинарий, пекарен, которые замечательно справляются со спросом городского населения на выпечку вкусной и красивой продукции.

Названия мучных изделий в говорах разнообразны. Только для именованья лепешек имеется несколько названий. В некоторых из них отражена история народа. Так, в трудные для страны времена люди спасались от голода травяными лепешками: А молоденьки, маленьки были, собирали пистики, дикий клевер. Собирам головки, пистики, мать перемелет на мельнице, и такие завалюшки пекли нам, табалюшки, маленькие булочки (завалюшка, табалюшка – "небольшая булочка с начинкой"). Мучные изделия, названные диалектными словами алябашечки, алябушки, тоже могли быть изготовлены из травы: Пистики насобираем, муку добавим да алябашечков настряпаем, их и ели; Пекли алябушки, муку смешаешь с травой, вот и ели. Описание состава лепешек не оставляет сомнения в том, что это не было вкусной пищей, однако диалектоносители в образовании многих из этих слов используют суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением: -ушк-, -ашечк-. Это говорит о том, что в тяжелые времена любая пища принималась с радостью. Сегодня вряд ли кто-то печет лепешки из травы, однако вполне возможно, что данные лексемы сохранились в говорах, наполнившись новым содержанием: этими словами могут называться любые лепешки. Так произошло со словом табань, который пекли из растолченного льняного семени (Льняные семена, высушишь их, истолкешь, просиешь их, табани стряпашь, как хлеб, только из льняного семени), а сегодня табань выпекается из дрожжевого теста "перед печью".

Детально и образно представлена в лексике процедура приготовления теста: творить "Замешивать тесто" Я не делаю сразу-то густое тесто, жиденько творю. Далее тесто нужно подгустить "Сделать гуще": Утром встану, подгущу, да и в форму и печку. О дрожжевом тесте или тесте, приготовленном на закваске, диалектоносители говорят, как о живом: оно может потронуться или растронуться "Подняться". Хозяйки используют и образную лексику: Надо чтобы квашоночка, тесто-то, вспорхнула, в теплое место ставь (глагол вспорхнуть – метафорический перенос). Для раскатывания сочней из пресного теста есть названия гибка, егибка, огибка.

Разнообразно представлены названия каравая: караван; ерушник, рушник "Продолговатый или круглый каравай (чаще из ячменной или пшеничной муки)"; каверзан "Круглый ржаной хлебец"; мусник (мушник) "Небольшой каравай на сочне, обычно из ячменной муки": Мусники пекли, тесто на сочень наладешь, защиплешь, испекешь. Слово челпан "Высокий каравай" заимствовано русскими из коми языка. Слово зафиксировано в пермских памятниках письменности уже в

XVI –XVIII веках (Полякова, 2006, 105), отмечено в словаре В.И. Даля (Даль, с. 585) и известно современным пермским говорам. Более того, в пермских говорах слово имеет более широкое значение: так называют и "вершину горы", и "небольшую гору округлой формы; холм, курган", и "небольшую опухоль или водяной подкожный пузырь; шишка" (Словарь пермских говоров, 2002, с. 524).

Излюбленная выпечка – шаньги – в русских говорах Коми-пермяцкого округа также представлена несколькими наименованиями: кулики "Вид шанег (обычно некруглых, с творогом)", заспанные шаньги "Шаньги с начинкой из заспы (крупы-сечки)". Шибко уж я люблю заспанные шаньги; картошешные шаньги "Шаньги с начинкой из картофеля". А шаньги разные бывают, бывают картошешные, гороховые.

Пироги могут иметь однословные наименования и названия в виде словосочетаний: пирог с грибами имеет названия кульбака (кулебака, кулюбака), челишник; большой пирог с начинкой из грибов, мяса, редьки – курник (Курники – это большие пироги, их пекли хоть из редьки, хоть из грибов, и из мяса пекли. Вот в чистый понедельник курники на стол ставили); особый сладкий пирог из крупы – налевник; постный пирог – постник. Названия других пирогов соковый пирог – пирог с начинкой из густого отвара конопли; калезный пирог – пирог с брюквой (калегой); картошный пирог, грибовый пирог, челишный пирог – пирог из мелких цельных грибов; луковишный пирог; репешный пирог; ретешный пирог. Видовые различия пирогов объясняются особой начинкой, которая является исключительно крестьянской: редька, репа, грибы, картошка, лук.

Обращает на себя внимание тот факт, что в диалектной лексике очень мало слов, называющих кондитерские изделия, т.е. сладкой выпечки: кривульки "Домашние калачи"; витик "Печеное хлебное изделие в виде кренделя"; катышок "Орешек из пресного теста с маслом, сахаром". На Масленицу пекли и особое печенье масленку. Эти изделия готовились только к праздникам.

Как видим, отобранный материал детально показывает названия мучных изделий. Это говорит о том, что в деревнях сохраняются традиции домашней выпечки (и в этом мы тоже убедились, наевшись в д. Визяй картошешных шанег и ретешных пельменей). Обращает на себя внимание разнообразие выпечки. Диалектная лексика данной группы показывает точность, недвусмысленность в именовании мучных изделий, разнообразие видовых понятий при одном родовом (пирог). Такое положение дел типично для всей диалектной лексики, которой "характерна детализация наименований, особенно в той части, которая относится к ведущей отрасли хозяйства" (Русская диалектология, 1990, с. 173). Думаем, что не только в лексике данных говоров, но и в самих деревнях сегодня старинный уклад приготовления мучных изделий сохраняется. Но возникает вопрос: передадут ли свои знания и умения деревенские жители своим детям, сохранится ли этот уклад.

Рассмотрим и другую группу слов: названия домашних животных. Ведение домашнего хозяйства – важная часть крестьянского уклада. Внутри этой группы имен существительных отражены народные представления о том, что является наиболее важным для крестьянина. Кратко проанализируем образы коровы и овцы.

Животное корова является главным в домашнем хозяйстве, именно поэтому в наименованиях отражается чаще всего то, что корова является кормилицей, ее воспринимают как символ благополучия, достатка. О важности этого животного для крестьянского уклада жизни говорит существительное матуха, вероятно, образованное от слова "мать", воспринимаемое по аналогии

мать-кормилица, корова-кормилица, земля-кормилица. В русских говорах Коми-Пермяцкого округа используют ласковое слово коровочка: По вербу скодят, идут, будят коровочек вербой в Вербно-то воскресенье. В говорах существует ряд слов, связанных с появлением потомства коровы и других домашних животных, например, нетелившуюся корову называют нетель. Возраст коровы тоже важен, так как это связано с объемом молока и здоровьем коровы. То, что это важно крестьянам, отражено в устойчивых выражениях: третьи (четвертые, пятые и проч.) молоки "Третья (четвертая, пятая и пр.) стельность у коров": Некоторые до пятнадцати молок держат, некоторые до семи-восьми, а потом порют на мясо. Ведерницей называют корову, дающую за удой ведро молока.

Детально представлен и образ овцы, бали. Овец, как известно, держат из-за шерсти и мяса. Овцу стригут весной и летом. Шерсть с овцы, снятая к лету, называлась весниной (Веснина грубая, ее снимали, чтоб летнина хорошая росла); шерсть с овцы, снятая летом, – летнина (Летнина, летняя шерсть, хорошая прясть-то), шерсть молодой овцы – еретина, еретинка (С молодых овечек первая шерстка – еретина, она самая хорошая. Летнина тоже хорошая, а еретина лучше). Как видим, и в этой группе лексики собраны слова, дающие полное представление о ведении домашнего хозяйства. Это показывает важность данной сферы для человека, что, в свою очередь, позволяет надеяться на то, что этот уклад, распорядок жизни, выработанный веками, будет передаваться и далее.

В рамках статьи мы не касаемся такого пласта лексики, как лексика заговоров, порчи и под. В "Словаре русских говоров Коми-Пермяцкого округа" эта лексика представлена очень широко. Это свидетельствует о том, что и по сей день в деревнях есть "знающие" люди, которые хранят свое знание и передают его в исключительных случаях. И в этом тоже мы видим патриархальность жизни русских в деревнях Коми-Пермяцкого округа.

Фрагментарно проанализировав две тематические группы лексики, относящиеся к важным сферам крестьянской жизни, мы заключаем: лексика этих групп детально описывает наиболее существенное, показывает значимость предметов, явлений, процессов; избирательное отношение к ним. Все это объясняется спецификой деятельности, укладом жизни и национальной культурой данного народа. В этих сферах, наиболее близких человеку, по-прежнему сохраняется старина, т.е. патриархальный уклад. В данном случае патриархальный – значит старинный, самобытный, тот, который требует дальнейшего сохранения.

Литература:

Большой толковый словарь русского языка /Гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб., 2003. – 1536 с.

Вендина, 2005 – Вендина Т.И., Категории народной этики в языке русской традиционной духовной культуры (добро и зло) / Лексический атлас русских народных говоров. – СПб., 2005. – С. 20-39.

Даль, 1980 – Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т.IV. – М., 1980.

Полякова, 2006 – Полякова Е.Н., Коми лексика в пермских памятниках XVI-начала XVIII века / Е.Н.Полякова. Региональная лексикология и ономастика. – Пермь, 2006. – С. 105-112.

- Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. – М., 1990.
- Словарь пермских говоров. В 2-х т. – Пермь, 2000-2002.
- Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Под ред. И.А. Подюкова. – Пермь, 2006. – 272 с.

Боброва М.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**ПРИНЦИПЫ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭРГОНИМОВ
г. ПЕРМИ***

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты №№ 11-34-00330а2 «Материальная и духовная культура в лексике и фразеологии Пермского края», 12-34-01043а1 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говор и памятников письменности»).*

Ключевые слова: ономастика; эргоним; классификация эргонимов; Пермь

В статье представлена классификация наименований деловых организаций г. Перми, построенная с учетом ряда особенностей эргонимов: 1) формальных, 2) лексико-семантических, 3) функциональных.

Bobrova M.V. (Perm)

PRINCIPLES OF CONTEMPORARY ERGONYMS' FORMATION IN PERM

Key words: onomastics, ergonym, classification of ergonyms, Perm

The paper presents a classification of names of business organizations in Perm from the perspective of their formal, lexical, semantic and functional peculiarities.

В настоящей статье мы продолжаем изучение ономастического пространства г. Перми, обращаясь к современным эргонимам – «собственным именам деловых объединений людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков» (Подольская, 1988, с. 151)).

Эргонимы – специфический пласт имен собственных, поскольку это явление не только языковое, но также социально-экономическое. Помимо первостепенных для онимов идентифицирующей и дифференцирующей функций, наименования деловых объединений способны реализовывать функции волюнтаривную, информирующую, квалитативную, посессивную, координатную, локативную, эстетическую, эстетскую и др. В настоящее время всё более актуально, что «их креативный потенциал необыкновенно высок, но возможности еще только начинают раскрываться» (Романова, 2005, с. 218). Это маркетинговое явление, реализуемое средствами языка. Эргонимика стоит на пересечении лингвистики (ономастики) и маркетинга, в связи с чем такие исследования приобретают особую актуальность, как способствующие становлению межпредметных связей.

Не случаен и большой интерес к эргонимам со стороны ономатологов. Заведомо неполным окажется список исследователей, в котором упоминаются М.В.Голомидова, А.М.Емельянова, И.В.Крюкова, М.В.Китайгородская, Р.И.Козлов, М.Я.Крюкова, Т.Н.Лифшиц, Н.А.Николина, Н.В.Носенко, Е.С.Отин, Т.П.Романова, Е.С.Самсонова, О.С.Смирнова, Е.Ф.Тарасова, А.А.Трапезникова, Е.А.Трифорова, Н.В.Шимкевич, Л.С.Школьник, Е.А.Яковлева, др.

Цель настоящей работы – определить основные принципы номинации современных деловых организаций г. Перми.

Материалом для исследования послужили названия коммерческих организаций г. Перми – рекламодателей ЗАО «Видео Интернешнл Пермь» (2007-2008 гг.) (сведения собраны Ю.Н.Першиной, выпускницей филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета), а также названия различных деловых объединений по данным электронного справочника «Желтые страницы», включающего более 36 000 наименований деловых организаций г. Перми. Всего около 500 эргонимов разных типов.

К проблеме систематизации онимов данного разряда обращались многие исследователи, но фактически до сих пор не разработано полноценной непротиворечивой эргонимической теории и поддерживающей ее классификации. В отличие от наших предшественников, которые обычно сосредотачиваются на одном из многочисленных аспектов, мы предприняли попытку создать систематизацию, в которой учитываются различные признаки онимов указанного разряда. Это объясняется тем, что эргоним, по нашему мнению, явление в первую очередь языковое и только во вторую маркетинговое (экономическое). И функционально-коммуникативная специфика, эффективность таких названий определяется содержательными и формальными закономерностями, действующими в области номинации коммерческих структур. Но в силу специфики материала определяющим оказывается функциональный подход, что сказывается на структурной и семантической классификации (ср., например, ниже понимание производных / непроизводных эргонимов).

I. Эргонимы г. Перми с точки зрения формальных особенностей.

1. Номинации с точки зрения графических особенностей.

1.1. С использованием буквенных средств.

Буквенные эргонимы – названия, обозначаемые на письме средствами алфавита.

1.1.1. Кириллические.

1.1.1.1. С использованием современных кириллических средств: *Надежда, Золотой ключик; Санмикс, Рими, Тэко, СиЭлЭф Продакшн, Мэй ли дэ сян*. Группа неоднородна: сюда входят как собственно русские, так и заимствованные названия, а также неологизмы.

1.1.1.2. С использованием устаревших кириллических средств: *ОберегЪ, МилажЪ, ТоварищЪ*.

1.1.2. Некириллические: *Adidas, Alain Manoukian, Carlo Pazolini, Co Co, Mango, Mexx, Mod Shmot, Paola, Punto Danza, Solo, Hypnose*.

1.1.3. Комбинированные буквенные.

1.1.3.1. Со смешением кириллических и некириллических средств: *Спортхолл*.

1.1.3.2. С использованием основ с разным написанием: *АвтоStar, Яна Style*.

Различаем два вида комбинированных наименований в силу их функциональных расхождений: употребление отдельных некириллических символов в первом случае объясняется стремлением номинаторов привлечь внимание к своей коммерческой организации (выделительная функция); употребление иноязычной основы аналогично использованию (квази)терминологических единиц типа *ЛТД, трейд, стар* и т.п. в волюнтаристической функции (воздействующая функция).

Очень важно грамотно использовать в номинациях средства такого типа, поскольку в противном случае может возникнуть двусмысленности восприятия, ср. *КаpaWella*, где возникает омонимия русского «р» и латинского «г» в курсивном написании.

1.2. С использованием небуквенных средств.

К небуквенным эргонимам отнесены названия, обозначаемые на письме средствами различных символических систем, исключая алфавитные: 36.6 (разделительная точка или запятая в логотипе передаются в форме сердечка; номинаторы апеллировали к общеизвестным сведениям о нормальной температуре тела здорового человека, а также к представлениям о здоровом сердце как одном из основных факторов, обеспечивающих нормальное состояние организма), 5 (название-ребус, используется в логотипе магазина *Пятёрочка*).

1.3. С использованием комбинированных графических средств.

Все такие единицы в основе своей являются буквенными (очевидно, именно на лексику возлагается основная доля информативности в пермской эргонимии):

1.3.1. С использованием знаков препинания, в том числе из области информационных технологий (соответствуют лексемам и лексическим сочетаниям): *Еще бы!*, *Ешька!*, *Go!Fitness*, *Кувыр.сом*.

1.3.2. С использованием диакритических средств, обычно апострофа (соответствуют лексемам): *Кис'с*, *Лис'А*.

1.3.3. С использованием цифр (соответствуют лексемам, словосочетаниям, а также химическим формулам): *7Я* (название-ребус, используется в логотипе магазина *Семья*), *1000 мелочей*, *21 век*, *Гран 1*, *8 марта*, *9 месяцев*, *Е₂O*.

2. Номинации с точки зрения орфографических / пунктуационных особенностей.

2.1. Без особенностей орфографии и пунктуации (абсолютное большинство современных эргонимов).

2.2. С нарушением норм орфографии и пунктуации: *Ешька!*, *Кувыр.сом* (написание неверно, т. к. представляет собой смешение кириллицы и латиницы в электронном адресе, форма которого имитируется в эргониме), *МоДаМо* (употребление строчных и прописных букв подчинено замыслу номинаторов, прежде всего в целях языковой игры).

3. Номинации с точки зрения фонетических особенностей.

3.1. Не имеющие специфических фонетических особенностей (абсолютное большинство современных эргонимов).

3.2. На основе созвучной лексики (парономазов): *Кувыр.сом* (ср. *кувырком*).

3.3. Ритмически организованные: *ДомаДом*, *МоДаМо*.

3.4. Включающие рифмующиеся элементы: *Пельмешки без спешки*, *Mod Shmot*.

4. Номинации с точки зрения словообразовательных особенностей.

4.1. Непроизводные.

Под непроизводными эргонимами понимаются лексемы, вошедшие в эргонимию без изменений, в том числе производные с точки зрения современного русского языка, самостоятельные служебные морфемы которых функционально не нагружены: *Шоколад*, *Лайт*; *Обнова*, *Возрождение*. Ср. также *Просвет* (компания, проводящая экспертизу промышленной безопасности объектов), но *ProЗрение* (название магазина оптики; в препозиции использована основа-варваризм «Pro», уже традиционно рассматриваемое как сокращение от *professional* 'профессиональный'; вторую основу составляет русская лексема *зрение*; в совокупности при произнесении они дают *прозрение*, способное актуализировать разнообразные смыслы).

4.2. Производные.

Под производными эргонимами мы понимаем лексемы, вошедшие в эргонимию с использованием различных словообразовательных способов либо

производные с точки зрения современного русского языка, самостоятельные служебные морфемы которых функционально нагружены.

4.2.1. Образованные приставочным способом: *Интермебель, Суперстрой, Мультибизнес, ПроЗрение*.

В основном это иностранные приставки, призванные указывать на превосходство организации и ее услуг, товаров, др. над конкурентными (*супер-*), на профессионализм организаций (*Pro-*), на большое в сравнении с конкурентными организациями количество товаров и услуг (*мульти-*), на зарубежное производство товаров (*интер-*).

4.2.2. Образованные суффиксальным способом: *Хуторок, Джинсовка, Пятёрочка, Дантист, Краснодеревщик; Ноутбукофф*.

Характерно использование уменьшительно-ласкательных, разговорных суффиксов (в приведенных примерах – для актуализации понятий «уют», «подомашнему», «свой» и т.п.), а также суффиксов *ист-*, *цик-* при указании на объект либо на субъекта предлагаемых услуг и товаров. Иноязычные суффиксы редки.

4.2.3. Образованные способом сложения основ, в том числе путем нанизывания основ по образцу аналитических языков (сложные эргонимы): *Домостил, Рыболов, АвтоАудиоЦентр, Веста-Трейдинг*.

4.2.4. Образованные морфолого-синтаксическим способом: *Ешька!* (глагол в повелительном наклонении при слитном написании используется в роли существительного).

4.2.5. Образованные способом усечения основы: *Mod Shmot* (из *модные шмотки*).

4.2.6. Образованные способом аббревиации (сложносокращенные эргонимы).

4.2.6.1. Аббревиатуры инициального типа: *ПЗСП (Пэзээспэ), МРСК (Эмэрэска), ПАН (Пермское Агентство Недвижимости)*.

4.2.6.2. Аббревиатуры, образованные слиянием начальной части лексемы и целого слова: *Стройэкспертиза* (из *строительная экспертиза*).

4.2.6.3. Аббревиатуры, образованные слиянием произвольных частей слов («слова-бумажники» в терминологии Л.Кэролла): *Позитроника* (из *позитрон, электроника, позитивный*).

4.2.7. Комбинированные производные: *Автоцентр МАЗ*.

4.3. Комбинированные словообразовательные: *Лукойл-Пермнефть* (первое из инициального перечисления месторождений нефти – Логнепас, Уренгой, Когалым – и англ. *ойл* ‘нефть’; второе из *пермская нефть*), *РСИ-недвижимость*.

5. Номинации с точки зрения грамматических особенностей.

5.1. Однословные.

5.1.1. С точки зрения частеречной принадлежности.

5.1.1.1. Субстантивы: *Парус, Персона, Оптика*.

5.1.1.2. Глаголы: *Захоти, Хочу*. Глаголы могут выступать в различных формах, но обычно либо в повелительном наклонении, либо в значении волеизъявления.

5.1.1.3. Атрибутивы: *Чкаловский, Московский*. Обычно такие единицы выступают в сочетании с терминологическим элементом типа *торговый центр, магазин*, т.п.

5.1.1.4. Наречия: *Хорошо, Кувыр.сом*.

5.1.1.5. Числительные: *Семь*.

5.1.1.6. Местоимения: *Я, Для Вас, Твой*.

5.1.2. С точки зрения грамматической формы.

5.1.2.1. В начальной форме (абсолютное большинство пермских онимов).

5.1.2.2. Не в начальной форме: *Для Вас, Захоти, Хочу*.

5.2. Словосочетания.

5.2.1. Простые словосочетания.

5.2.1.1. Построенные по типу согласования: *Золотая роза, Сварочная техника, Речные перевозки, Седьмое небо*.

5.2.1.2. Построенные по типу управления: *Дом мебели, Технологии климата, Погода в доме, Мир растений*.

Эргонимы, построенные по типу примыкания, не представлены в изучаемом материале.

5.2.2. Сложные словосочетания: *Мир домашней техники, Единая служба такси, Центр фасадного строительства*.

5.3. Предложения: *Покорим высоту вместе*.

II. Эргонимы г. Перми с точки зрения лексико-семантических особенностей.

1. С точки зрения мотивированности.

1.1. Мотивированные.

1.1.1. Мотивированные метафорически: *Море линз, Дом мебели, Детский мир, магазин товаров для беременных Кенгуру*.

1.1.2. Мотивированные метонимически: *Обувь, Ткани, Социальный, Стригли-Мигли*.

1.1.3. Мотивированные ассоциативно: пивная *Абырвалг*, салон красоты *Галатея*, салон меха *Пигмалион*, клиника *Роден*, ресторан *Мастер и Маргарита*, парикмахерская *Кудряшка Сью*.

1.1.4. Мотивированные прямым значением производящих лексем: салон красоты *Нео*, *Техника для дома*, *МАРТ* (из *магазин разных товаров*).

1.1.5. Мотивационно комбинированные: *Позитроника* («слово-бумажник», из *позитрон*, *электроника*, *позитивный*).

1.2. Условно мотивированные: *Апрель*, торговый дом *Темп*, *Софи*, *Трим*. Исходя из презумпции мотивированности наименований, в эту группу мы отнесли названия, мотивировка которых затемнена, остается скрытой для потребителя.

2. Номинации с точки зрения происхождения.

В данном случае считаем целесообразным вновь отклониться от научных данных, и опереться на восприятие наименований целевой аудиторией, чаще обывателем. В соответствии с этим подходом к числу собственно русских относим также слова, русифицированные в отдаленные времена и воспринимаемые обычным потребителем эргонимов как русские.

2.1. Собственно русские по происхождению: *Богатырь, Столица, Ткани*.

2.2. Заимствованные по происхождению.

2.2.1. Варваризмы, сохраняющие графику языка-оригинала: ***Indigo, Lorena, Savage***.

2.2.2. Варваризмы, переданные средствами русской графики: *Видео Интернешнл, Юнион-Трейд, СиЭлЭф Продакшн, Флэк, Символ*.

2.2.3. Экзотизмы: *Аксакал, Кумыс*.

2.3. Комбинированные с точки зрения происхождения: *Яна Style, Авто Star*.

3. Номинации с точки зрения активности употребления производящих лексем.

3.1. Активные лексемы: *Обувь, Фурнитура*.

3.2. Устаревшие слова: *Берегиня, Цирюльник*.

3.3. Неологизмы: *Тэко, Стригли-Мигли*.

4. Номинации с точки зрения экспрессивной окраски.

4.1. Экспрессивно окрашенные.

4.1.1. Посредством лексических средств (разговорных, устаревших и др.): *Джинсовка, Пышка, Цирюльник, Грезы, Лик, Хорошо.*

4.1.2. Посредством грамматических средств: *Еще бы!, Хуторок, Максистиль.*

4.2. Экспрессивно не окрашенные: *Темп, Магистраль, Ноябрь.*

III. Эргонимы г. Перми с точки зрения функциональных особенностей.

1. Номинации с точки зрения ведущей функции.

2.1. Информативные.

К информативным наименованиям отнесены те, которые выполняют чисто дифференцирующую функцию: сообщают информацию, актуальную для потребителя, и не имеют цели воздействия на эмоциональную сферу потребителей. Это названия, содержащие рациональную информацию, которая может представлять собой сведения о следующих элементах коммуникативной ситуации: а) субъект – владелец / продавец / ... (его место нахождения, территория влияния, др.) или организация (ее место нахождения, род деятельности и др.), б) опосредующий объект деятельности, например товар (его род, вид, производитель, место производства), в) объект – потребитель как представитель целевой аудитории (его профессия, возраст, пол, образование и др.).

1.1.1. Указывающие на субъекта, предлагающего услуги / товар.

1.1.1.1. Называющие субъекта по роду деятельности: *Дантист, НПО Землемер.*

1.1.1.2. Содержащие именование владельца, его родственников, др.: *Дарья, Ларисса, Светлана, Людмила.*

1.1.2. Указывающие на специфику организации.

1.1.2.1. Называющие вид организации: *Гостинный двор.*

1.1.2.2. Указывающие на место нахождения организации: *Чкаловский, дом культуры Мотовилиха, гостиницы Урал, Регион 59.*

1.1.3. Называющие опосредующий объект деятельности.

1.1.3.1. Родовые названия: *Запчасти, Обувь, Оптика* и т.п.

1.1.3.2. Видовые названия: *Антикор, Кровли и изоляция, Пельмешки без спешики.*

1.1.3.3. Родо-видовые названия: *Бытовая техника, Речные перевозки, Сварочная техника, Техническая диагностика.*

1.1.4. Называющие потребителя: *Рыболов.*

1.1.5. Комбинированные информативные: *Пермская одежда* (указание вида товара и места его производства), *Автопартнер* (указание потребителя и сферы деятельности), *Пельмешки на Подольской* (указание вида товара и места нахождения организации).

См. также п. 2.

1.2. Рекламные.

Под рекламными эргонимами понимаются названия деловых объединений, выполняющие экспрессивную функцию: не содержащие информации, актуальной для потребителя, и служащие воздействию на его эмоциональную сферу.

1.2.2. Называющие позитивные эмоции, имеющие позитивные ассоциации: *Берзка, Радость.*

1.2.2.2. Позиционирующие как-либо организацию, ее членов.

1.2.2.1. Позиционирующие престижность организации: *Фаворит, Персона,*

Бомонд.

1.2.2.2. Позиционирующие высокий уровень (эффективность, качество, скорость, соответствие европейским стандартам и т.п.) услуг организации: *Мустанг, Успех, Евростиль, Таус Лтд, ГолдСтар, Алмаз*.

1.2.3. Не имеющие стабильных эмотивных или иных ассоциаций, призванные воздействовать звуковым комплексом: *Аим, Эком, Риос, Сантариус*.

1.3. Рекламно-информативные.

Под рекламно-информативными эргонимами понимаются названия, сочетающие информативность и способность воздействовать на потребителя: *Евромебель, Люксоптика, Погода в доме, Спортмастер*. Оговоримся при этом, что такое сочетание не гарантирует эффективности названия, ср.: *Альтекс-Пермь*.

2. Номинации с точки зрения отражения коммуникативной ситуации.

2.1. Указывающие на род деятельности организации, ее членов: *Бизнес и закон, Нотариальная контора, Центр правовых решений, Право и закон, СоветникЪ*, металлургический завод *Металлист, Строитель*.

2.2. Указывающие на объект-услуги / товар: *Газстройдеталь, Кровстрой, Модульстрой, Автозапчасти, Профнастил, Московский ювелирный завод*.

2.3. Указывающие на объект-потребителя: *Социальный, дом культуры Металлист, Дочки и сыночки*.

2.4. Указывающие на объемы услуг, на большой выбор товаров: транспортная компания *Держава, Дом мебели, Центр мебели, Империя сумок, Мир растений, Мультибизнес*.

2.5. Указывающие на приоритеты организации, ее членов: *Партнерство, Темп*.

2.6. Коммуникативно нейтральные: *Рими, Тикам*.

3. Названия с точки зрения принципов номинации (ономастических принципов).

3.1. Образованные путем онимизации (перехода общеупотребительных слов, имен нарицательных в имена собственные): *Обнова, Персона, Жемчужина, Шик, Имидж*.

3.2. Образованные путем трансонимизации (перехода в эргонимы имен собственных других разрядов): *Анастасия, Пигмалион, Монро, Самсон и Далила*.

3.3. Образованные путем трансэргонимизации (перехода названия одной организации в название другой, обычно сопровождается детализацией исходного названия): *Виват-буфет* (из *Виват*), *Тойота-Верра-Моторс* (из *Верра-Моторс*).

Итак, представленная классификация (безусловно, еще требующая уточнений) демонстрирует колоссальное богатство принципов образования названий деловых объединений в Перми XXI века. Уже ознакомление с основными типами эргонимов позволяет обнаружить среди них приоритетные. Так, с учетом частотности упорблений типичным эргонимом является грамотно написанное существительное в кириллической графике, с ярким фонетическим обликом, собственно русское, из активного словаря, экспрессивно окрашенное, мотивированное метафорически или ассоциативно, онимизированное, рекламно-информативное. Перспективу настоящей работы представляет изучение эргонимии в прагматическом аспекте, а именно, с целью выявления наиболее эффективных принципов номинации организаций, которые дают названия, способные занять достойное место в ономастическом пространстве современной России.

Литература:

Желтые страницы: Региональный бизнес-справочник предприятий // URL. <http://www.ypag.ru/> (дата обращения 28.09.2013г.).

Крюкова, 2004 – Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И.В. Крюкова. – Волгоград, 2004.

Подольская, 1978 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.

Романова, 2005 – Романова Т.П. Основные тенденции развития современной эргонимической терминологии // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы Междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 217-218.

Трапезникова, 2009 – Трапезникова А.А. Антропоцентризм в коммерческой номинации (на материале Красноярска) // Журнал Сибирского Федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – Вып. 2. – С. 108-112.

Трапезникова, 2009а – Трапезникова А.А. К вопросу о классификации эргонимов (на материале коммерческих наименований Красноярска) // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 2 (14). – С. 68-70.

Шимкевич, 2000 – Шимкевич Н.В. Некоторые ономастические модели в русской коммерческой эргонимии // Словесность и современность: Материалы науч. конф. – Пермь, 2000. – Ч. 2: Лингвистика. – С. 134-141.

Душенкова Т.Р.

(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ *НОДЛЫК* 'МУДРОСТЬ, СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ' И *ТОЛЫК* 'ТОЛК' В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: понятия мудрость, сообразительность, толк, ум, удмуртский язык, синонимы, диалектные варианты

*В статье рассматривается одно из важных свойств человеческого разума – мудрость. На материале удмуртского языка определяется семантическое соотношение понятий *нодлык* "мудрость, сообразительность" и *толык* "толк". В данном языке эти понятия находятся в одном синонимическом ряду. Кроме того, могут вступать в антонимические отношения. Благодаря наличию диалектных эквивалентов данных лексем семантическое поле расширяется. Толк более связан с физическими возможностями индивида, а нодлык – с интеллектуальными.*

Dushenkova T.R. (Izhevsk)

ON THE CORRELATION OF CONCEPTS "NODLYK" (WISDOM, QUICK WITTEDNESS) AND "TOLYK" (SENSE, USE) IN THE UDMURT LANGUAGE

Key words: wisdom, quick wittedness, sense, mind, Udmurt language, synonyms, dialect variations

The paper deals with wisdom as one of the most important properties of human mind. The semantic correlation of concepts "nodlyk" (wisdom, quick wittedness) and "tolyk" (sense, use) is determined on the material of the Udmurt language. In this language these concepts are in one synonymic line. Besides, these concepts can be placed in antonymous relations. The semantic field expands due to the dialect equivalents of these lexical units. "Tolyk" is more connected with physical capacities of an individual and "nodlyk" – with the intellectual ones.

Одним из важных свойств человеческого разума, безусловно, является мудрость. Наличие данного качества становится неоспоримой ценностью, ибо она необходима каждому в повседневной жизни. Мудрый человек (в идеале) обладает такими качествами, как *терпение, доверие, умеренность, терпимость, отстраненность, альтруизм, цельность, скромность, мужество, миролюбие и благотворение*. Это требует огромного мастерства владения собой и определенной степени совершенства. Хотя мудрость и является, в какой-то степени, набором перечисленных выше качеств, но в тоже время она неотделима от знания, которое включает в себя и наш *жизненный опыт*, то есть способность понимать жизнь и принимать решения, основываясь на том, что мы пережили до нынешнего момента. В свою очередь, настоящие знания обретаются не в книгах, а в уроках, которые нам преподносит повседневная жизнь. И одного знания недостаточно, для того чтобы быть мудрым. Для этого нужно, чтобы оно подкреплялось практическим опытом. Ибо теория, не подкрепленная практикой, не сможет обогатить нас ни в духовном, ни в материальном плане.

Словари дают самые разнообразные определения понятию: а) свойство человеческого разума, характеризующееся степенью освоения знаний и подсознательного опыта и выражающееся в способности уместного их применения в обществе, с учётом конкретной ситуации (ср.: «способность грамотного применения знаний. Большой, глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт». Способность находить решение различных проблем, в том

числе, жизненных, опираясь на свой и чужой опыт); б) в философии – один из измерителей степени познания окружающего мира, обсуждаемый, как правило, в контексте стремления к углублению этого познания как специфического свойства человеческого интеллекта; в) в религиях – степень познания окружающего мира, данная демиургу в неисчерпаемой мере, и могущая быть воспринятой людьми в той или иной части.

Поэтому так важно обладание таким даром. Мы говорим: *мудрое решение, мудрые пословицы, мудрый человек; житейская, народная мудрость; проявить мудрость; змеиная мудрость* и т.п. Человек, обладающий мудростью – мудрый, т.е. «одаренный большим умом и обладающий знанием жизни опытом. *Мудрый человек, полководец. Заветы мудрого учителя*». Мудрый – это «основанный на глубоком понимании, знании чего-л. на опыте. *Мудрые законы, мудрое решение. Прислушаться к мудрым советам. Слушать мудрые речи*» (БТСРЯ, 2002, 562). Мудрствовать – значит рассуждать о чем-либо излишне глубокомысленно; умничать, мудрить.

В русско-удмуртском словаре (1956) слово *мудрый* переведено при помощи словосочетания *туж визьмо* ‘очень умный’. Как видим, акцент делается на семе *ум*. В удмуртско-русском словаре (2008) уже используется слово *нодлык* ‘мудрость, сообразительность; талант’, соответственно – *нодлыко* ‘мудрый, сообразительный; талантливый’. Эти лексемы прочно вошли в современную лексику, и широко используется в СМИ и разговорной речи, хотя мы можем говорить о некой «искусственности» данных слов, образованных по продуктивным словообразовательным моделям. *Нодлык* образовано от слова *нод* ‘сообразительность, смекалка’ + *-лык* (суффикс собирательности, обозначающий абстрактное существительное. Ср.: *толык, тазалык, байлык*; *-лык* является заимствованным суффиксом из татарского языка). Первоначально в слове *нодлык*, видимо, не было семантической составляющей со значением *мудрость*. От данной основы далее были образованы слова *нодо-сазё* ‘толковый, разбирающийся’, *нодъяны* ‘навести на мысль, научить, посоветовать’. В коми языке находим *нӧд, нӧдкыв* ‘загадка, т.е. слово (текст) на сообразительность, для проявления ума (*кыв* ‘слово’); финн, н.-саам. (КЭСК, 1999, 194). Таким образом, можно говорить об общем для финских языков корне.

О сообразительном, толковом, смекалистом, смышленном человеке говорят *нод-нод, нод адами* ‘толковый человек’, *нодлы, нодо-сазё* или *нодос, нодсо, нодэс*. О несмышленном, несообразительном, и даже безумном – *нодтэм, нодостэм, нодсыз*. Глаголы *нодъяны* ‘вразумить, вразумлять; наставить, наставлять; убедить, убеждать’, *нодъяськыны* набраться ума-разума, поумнеть, стать сообразительным (смышленным, понятливым)’ и *нодсаськыны* ‘стать разумным; набраться ума-разума, поумнеть’ актуализируют данную /усиливают данную коннотацию. Кроме того, на основе отглагольных существительных *нодъян* ‘вразумление, наставление, убеждение’ и *нодъяськон* от *нодъяськыны, нодъясь* ‘воспитатель, наставник’, было образовано сложное слово *нодкыл* для обозначения речевого фольклорного жанра ‘наставление, притча’. Поэтому *нод вераськыны (валэктыны)* значит ‘говорить (объяснять) толково’. И еще один любопытный пример: *нодмыны* ‘прийти в сознание’. Согласитесь, что только будучи в ясном сознании можно говорить толково, вразумительно и убедительно.

В отличие от русского аналога в основе *нод* «упор» делается на смекалку и сообразительность (ср.: *нодэз уг тырмы* ‘не хватает смекалки’). Но в удмуртском языке *нод* – это еще и ‘смысл, понятие; сознание, толк’. Именно поэтому в данной работе мы решили рассмотреть два понятия – *нодлык* и *толык*.

Другое интересующее нас слово *толык* 'толк'; *толыктэм* 'бестолковый, бесполезный || бестолково, бесполезно'; *толык өвөл* 'нет способности, умения'. И хотя удмуртские словари не дают другого толкования данного слова, все же оно обладает куда большими смыслами семантики и употребления. Хотя многие выводят его только из русского корня. *Толык* – это, в первую очередь, умение, способность что-либо делать, соображать. Слабо развитая семантическая составляющая говорит не в пользу словарей. *Нодлык* и *толык* стоят в одном синонимическом ряду.

В русском языке этимологию слова *толк* М. Фасмер выводит из «род. п. -а, -у, толковать, -ую, укр. толк, толкувати, др.-русс. тѣлкѣ "толкование", "толмач, переводчик", ст.-слав. см. образ (Супр.), слав. тѣлковати, болг. тѣлкувам (Младенов 644). Из русск. заимств. лит. *tūlkas* "толмач, переводчик", лтш. *tūlks*, эст. *tulk*, ср.-нж.-нем. *tolc*, др.-сканд. *tulkr* — то же, нидерл. *tolc*; см. М. — Э. 4, 259; Э. Шварц, *AfslPh* 41, 41; Хольтхаузен, *Awn. Wb.* 308; Фальк — Торп 1269. || Слав. *тѣлкѣ считают родственным ирл. *ad-tluch* "благодарить", *totluch* "просить", лат. *loquor, locūtus sum, loquī* "говорить, называть, сказать", далее — др.-инд. *tarkas* м. "предположение", *tarkāyati* "предполагает, раздумывает"; см. Педерсен, *Kelt. Gr. I*, 43; Уленбек, *Aind. Wb.* 109; Младенов 644; Маценауэр 347. Сомнения на этот счет см. у Мейе — Эрну (652), Вальде — Гофм. (I, 821), Муллера (230). Относительно др.-исл. см. образ "вития, поэт, мудрец", которое Бланкенштайн (*IF* 23, 134) относит сюда же, ср. Хольтхаузен, *Awn. Wb.* 321. Для объяснения слав. слов из кельт. нет никакого основания, вопреки Шахматову (*AfslPh* 33, 93)».

Синонимом слов *толыктэм*, *нодтэм* является диалектное слово *йкнсыз* 'бестолковый, глупый; скверный, пошлый; дурной; бездельник'. Корень *йкн* имеет несколько значений: 1. 'сила; здоровье'; *йкн карыны* 'улучшить состояние здоровья'; *йкн луыны* 'идти на поправку (о больном), становится лучше (о состоянии больного)'; *йкн квкл* 'нет здоровья'; *йкныз уг тырмы* 'не хватает сил'; *нокыце йкныз квкл* 'нет никакого улучшения здоровья, здоровье не идёт на поправку'; 2. 'гордость, горделивость; важность || гордый, горделивый; важный || гордо, горделиво; важно'; *туж йкн выре* ' [он] держит себя очень гордо; он очень важничает разг. '; 3. диал. 'способ, средство, возможность'; *йкнзэ шедьтыны* 'приспособиться'; 4. 'качество, достоинство'; *солэн трос йкнъёсыз* 'у него много достоинств' ◇ *ас йкнад улыны* 'жить самостоятельно'; *йкназ мыныны* 'пойти на пользу'; *йкнзэ валаны* 'понять, что к чему'; *йкнлы квкл та* 'это не к добру'; *йкныз квкл* 'невозможно'; *солы со йкназ кошкеиз* 'это пошло ему на пользу'; *ужлэсь йкнзэ шедьтыны* 'войти в русло работы'.

Другое однокорневое слово *йкндырон* 'понимание, понятливость, сообразительность'. Существительное образовано от глагола *йкндырыны* 'понимать, соображать, разбираться в чём-л.; приобрести (найти) способ (возможность) делать что-л.; уметь; пытаться (стараться, стремиться) делать что-либо'. Соответственно, *йкндырысь* 'сообразительный, понятливый, смыслённый, толковый', а *йкндырысьтэм* — не имеющий этих качеств.

Таким образом, в удмуртском языке соотношение понятий *нодлык* 'мудрость, сообразительность' и *толык* 'толк' в удмуртском языке является синонимическим; при этом *нодлык* кроме смекалки, сообразительности, включает сему мудрость/ум.

Литература:

БТСРЯ, 2002 – большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: «Норинт», 2002. – 1536 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с..

Русско-удмуртский словарь. – М.: Гос.изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. – 1360 с.

Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. ин-т. ИЯЛ; Сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – [Электронный ресурс] (CD-ROM).

Бруцкая Л. А., Субботин Д. М.

(МБОУ ДОД "Верхнегородковский детский центр народных ремесел" Верхнечусовские Городки)

**"ГОРНОЗАВОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ УРАЛА" В
ИЗЛОЖЕНИИ А. В. ИВАНОВА – НОВЫЙ МИФ О БИАРМИИ**

Ключевые слова: «Горнозаводская цивилизация» Урала, миф А. Иванова

Резюме: актуально локальное наполнение понятия «цивилизация». Уральские горные заводы при всём их своеобразии входят в состав техногенной цивилизации Европы. А. Иванов подгоняет факты под концепцию.

Brutskaya L.A., Subbotin D.M. (Verkhnechusovskie Gorodki)

**"GORNOZAVODSKAYA CIVILIZATION" AS INTERPRETED BY A.V.
IVANOV – A NEW MYTH OF BJARMIA**

Key words: Gornozavodskaya civilization of the Urals, A. Ivanov's myth

Local interpretation of the concept of "civilization" is of importance. Ural mountain metallurgical plants in all their originality are part of the technological civilization of Europe. Alexey Ivanov slants facts in favour of his own conception.

Тенденция выделять Урал как особый регион появилась одновременно с возникновением его историографии. В первой трети XIX в. В. Н. Берх блестяще доказал мифологичность соотнесения территории Биармии скандинавских саг с землями Перми Великой. Сложное понятие "цивилизация" формировалось в исторической науке XVIII в., когда переосмысливалось латинское – *civilis* – гражданский, общественный, государственный. Понятие трактовалось историками в контексте противопоставления дикости.

Писатель А.В. Иванов представляет "горнозаводскую цивилизацию Урала" как "самодостаточную сущность истории". Но эта сущность в его изложении, например, в "Железных караванах" сводится к модному ныне брендингованию территорий. Он обещает вскрытие уральской матрицы, но сущность её достаточно аргументировано не определяет. Приведём несколько противоречивых цитат из приложения к "Железным караванам", которое так и называется "Горнозаводская цивилизация":

¶ Река Чусовая "была тем проливом, по которому Русь перетекала в Сибирь. Поэтому оказалась становой жилой уникального организма горнозаводской цивилизации" (Иванов, 2006, с. 195).

Триста лет назад понятие "Русь" сменила "Россия". А.В. Иванов использует логику – после этого, значит вследствие этого. При этом забывается о северных путях освоения Сибири поморами. Заселение Сибири имеет огромную историографию, полную противоречий. Для чего же не прояснять, а углублять их?

¶ "Триста лет назад цивилизация горных заводов чугунной цепью оковала Уральский хребет. Нынешние города и деревни – осколки этой цепи" (Иванов, 2006, с. 195).

Начало "горнозаводской цивилизации Урала" относится к петровской эпохе, когда Руси уже не было, к 1713 г. Уже в 1700 г. учреждён приказ рудокопных дел.

Ў "Это была подлинная цивилизация, где всё было увязано со всем: умение сделать дело зависело от древних языческих треб, нравы народа зависели от глухоты лесов и неприступности гор, выплавка чугуна зависела от количества снега в узких скалистых долинах. ... Эта цивилизация начала формироваться задолго до появления собственно горных заводов, а наследие её не исчерпано и доныне, уже много позже её исчезновения" (Иванов, 2006, с. 196).

Подлинность цивилизации – в повязанности всего со всем. Плавки металлургов триста лет назад явно не зависели от языческих треб. Они определялись особенностями вне национальных технологий. А. Иванов явно помнит, хотя бы из сказов обожаемого им П. Бажова (напрасно причисленного им к певцам "горнозаводской цивилизации Урала"), что на горных заводах работали многочисленные немцы. Не столько пейзаж, сколько культура определяла нравы народа. И о каком из уральских народов тут идёт речь?

Начало и конец цивилизации не указываются.

Ў Чусовая "... ныне стала прекрасным туристским маршрутом, непризнанным ещё национальным парком горнозаводской природы, истории и культуры" (Иванов, 2006, с. 197).

Здесь перепутаны понятия исторического и геологического времени, осмысление их в образах культуры, чем собственно и занимается А. Иванов. Но даже историческая беллетристика должна иметь доказательную фактографическую базу. Мы же не выдвигаем претензии к образу Е. Пугачева в "Золоте бунта". Но возражаем против искажения фактов в фото книге "Увидеть русский бунт".

Ў "Горнозаводская культура оказалась немыслимым сплавом православной крестьянской культуры с принципами позитивистской философии индустриальной цивилизации Европы. Этот сплав "легировался" добавленной в него потаённой культурой раскольников, маргинальной субкультурой каторжников и беглых, обрывками диковатых верований вогулов. И лучшее своё отражение горнозаводская культура обрела в сказах Бажова. Бажов совершил чудо: на глазах изумлённых читателей горнозаводская цивилизация, как новая Атлантида, выплыла из пучины забвения" (Иванов, 2006, с. 198).

А. Иванов красноречиво путает два понятия "цивилизация" и "культура". Сравнение "горнозаводской цивилизации Урала" с Атлантидой очень кстати! П. Бажов о цивилизации не писал. Индустриальная цивилизация Европы (европейская цивилизация?) имела не только философские, но и религиозные корни. Раскол между католиками и протестантами имеет слишком большую историографию, решающие последствия для судеб Европы, чтобы им можно так легко пренебречь.

Ў "Горнозаводская цивилизация лежала на Уральском хребте как седло на лошади – на оба бока. Да и начиналась она задолго до величия Невьянска и Каменска и эпохи Демидовых. Она начиналась у нас – с Пыскорского завода 1633 года и Чердынского завода 1637 года" (Иванов, 2006, с. 199).

Пыскорский медеплавильный завод был основан в 1633 г. Про Чердынский завод историкам не известно.

Ў "Горнозаводская цивилизация своим существованием обязана была приписке крестьян к горным заводам. ... И время существования цивилизации закономерно взято в рамки восстаний крепостных крестьян. ... А пик, понятно,

пришёл на 1774 год, когда бушевал пугачёвский бунт. ... отмена крепостного права нанесла горнозаводской цивилизации смертельный удар" (Иванов, 2006, с. 200).

Не ясно, как существовала "горнозаводская цивилизация Урала", когда крестьян тут ещё не было? Опять – Атлантида! О перепутанице в датах описания пугачёвщины А. Ивановым мы уже писали (Баша, Бруцкая, 2013, с.259-261).

Суть и 10 признаков "горнозаводской цивилизации Урала" по А. Иванову так же не выдерживают критики. Нельзя согласиться с группировкой этих признаков по значимости. Первый и четвёртый открывают одну и ту же суть. К ним примыкают третий и шестой. Слипаются седьмой с восьмым и десятым (Иванов, 2006, с. 201-215). Увлечённость писателя определёнными сюжетами становится признаком цивилизации, о которой автор имеет смутное представление.

Но и в следующей книге 2007 г. А. Иванов возвращается к любимой теме: снова про Чусовую как пролив, к удивлению географов; снова про осколки чугунной цепи и т. д. – почти дословное самоцитирование (Иванов, 2007, с. 7-8). И снова повторяются 10 признаков "горнозаводской цивилизации Урала" (с. 235-246). Мы здесь не разбираем фильм и книгу "Хребет России". Остаётся только сожалеть, что А. Иванов не последовал примеру Е. Ястребова, а повторил его ошибку (Ястребов, 1983, с. 143-145).

Мы не против глобальной и локальной исследовательской оптики, но продуктивность таких исследований должна обосновываться точностью образов, построенных на фактах. Иначе мы никогда не приблизимся к передовой исторической науке, к высоким образцам исторической беллетристики, останемся в хвосте современной гуманитаристики. Конечно, антропологический поворот в российских гуманитарных науках предусматривает разные интерпретации, но они должны быть обоснованы. Ведь хронотопы сложны и многообразны. Они противостоят "офейкованию" знаний о прошлом. "Если научная мысль выдерживает пробный камень критики, то она остаётся звеном в золотой цепи Знания" (Тойнби, 1991, с. 41).

Литература:

Баша, Бруцкая, 2013 – Баша Ж.А., Бруцкая Л.А. Кунгурское гражданство против пагубной самонадеянности пугачёвщины // Пермский край в контексте истории России: материалы тринадцатой научно-практической конференции (3 июня 2013 г.) "Смышляевские чтения". – Пермь, 2013. – С. 91-95.

Иванов, 2006 – Иванов А. Железные караваны. – Пермь: Книжный мир. 2006. – 215 с.

Иванов, 2007 – Иванов А. Message: Чусовая. – СПб.: Издательский дом "Азбука – классика", 2007. – 480 с.

Иванов, 2012 – Иванов А. Увидеть русский бунт. – М.: ЗАО "ОЛМА Медиа групп", 2012. – 320 с.: ил.

Тойнби, 1991 – Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

Ястребов, 1983 – Ястребов Е. Письмо в редакцию. История одного досадного недоразумения // Урал. – 1983. – № 1. – С. 143-145.

Губин И.А.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**ПЕРМЬ: ВРЕМЯ И МЕСТО. НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА
А.ЮГОВА**

Ключевые слова: Александр Югов, «Уральская школа драматургии» Н. Коляды, Пермь, современная русская драматургия.

В статье рассматривается образ Перми, как один из ведущих и ключевых образов в тексте пьесы Александра Югова «Маршрутка». В основу этой пьесы положены проблемы вневременного толка (любовь, одиночество, тоска по былому, поиск смысла жизни), что позволяет удачно вписать ее в контекст современной русской драматургии последних десятилетий.

Gubin I.A. (Perm)

PERM: TIME AND PLACE. BASED ON THE WORKS BY A. YUGOV

Key words: Alexander Yugov, "The Ural School of dramaturgy" of N. Kolyada, Perm, contemporary Russian dramaturgy

The paper discusses the image of Perm as one of the key ones in the play of Alexander Yugov "Marshrutka". Eternal problems (love, loneliness, nostalgia, and search for the meaning of life) are addressed in this play and it places it within the context of Russian dramaturgy of recent years.

«Никогда еще российская драма не становилась главным жанром российской литературы, как это происходит сейчас. На фоне очевидного застоя российской, как, впрочем, и мировой прозы и поэзии, российская (а лучше сказать – русскоязычная) новая драма стала точкой мощнейшего креативного взрыва, общелитературные последствия которого для всей отечественной словесности станут очевидными только спустя несколько десятилетий» (Забалуев, Зензинов, 2003, с. 163) – именно так характеризуют современную драматургию в своем манифесте драматургии, а одновременно театральные критики и теоретики «новой драмы» В. Забалуев и А. Зензинов.

Действительно, современная драматургия – это сложный многосторонне развивающийся процесс: пьесы современных драматургов органично вписываются в репертуары многих театров России и ближнего зарубежья; без обращения к драматургии не обходятся выпуски «толстых» литературных журналов: «Урал», «Вещь», «Новое литературное обозрение» и др., а в литературном процессе драматургия становится одним из наиболее востребованных родов литературы. Свидетельством этого служат многочисленные конкурсы и фестивали современной драматургии («Любимовка», «Евразия», «Дебют» и др.), а также театральные фестивали, предметом внимания которых становятся новые тенденции отечественной драматургии конца XX – начала XXI вв. («Реальный театр», «Коляда-Plays», «Текстура» и др.). Немаловажную роль в становлении востребованности драматургии, как одного из ведущих родов литературы, сыграл процесс развития творческих объединений и школ. Одним из таких объединений выступает «уральская школа драматургии» Н. Коляды. Учениками Николая Коляды в разные годы были известные сейчас драматурги: Василий Сигарев, Анна Батурина, Ярослава Пулинович, Олег Богаев

и наш земляк Александр Югов, на материале творчества которого и выполнено данное исследование.

Александр Югов – коренной пермяк, родился в Перми в 1977 году, в 2001 окончил Пермский институт искусства и культуры, в 2010 – Екатеринбургский театральный институт по курсу «Литературное творчество». Пьесы А. Югова печатались в журналах: «Мы», «Урал», «Современная драматургия», «Вещь», а также в сборниках пьес уральских драматургов «Театр в бойлерной» и «За линией», которые выпускает Николай Коляда. Сегодня пьесы Александра Югова – порядка 15 произведений – активно начинают ставиться в России. Этот факт не является случайным. Творчество Александра Югова отлично вписывается в современный литературный и социальный контекст ввиду того, что проблематика его пьес базируется на остро-социальных проблемах наших дней. Одной из таких проблем является проблема зависимости современных детей от социальных сетей. Однако есть среди творчества Александра Югова и произведения, в основу которых положены проблемы вневременного толка (любовь, одиночество, тоска по былому, поиск смысла жизни), одной из таких пьес является «Маршрутка».

В фокусе пьесы жизненный путь (судьба, маршрут) кондуктора желтого маршрутного такси *«Чэ Пэ Иванова Романа Сергеевича»* (Югов, 2007, с. 1) Васькиной Галины Олеговны. Героиня пьесы из разряда тех, про которых говорят, что на ее долю выпала судьба нелегкая – *«Сыновей убили. По пьянке у обоих получилось...»* (Югов, 2007, с. 6), мужа Васю *«машиной сшибило»* (Югов, 2007, с. 4). Однако такая судьба выпала не только на долю Гали, но и на многие людские судьбы – *«Все хорошо было. Только вдруг, что-то в жизни резко переменялось, и начали резко все в городе помирать»* (Югов, 2007, с. 4).

Спасение от города, где *«кто-то делает моторы для самолетов, которые всё падают и падают на наши грешные головушки»* (Югов, 2007, с. 2), можно найти в желтом маршрутном такси с символичным номером 777. Если обратиться к популярной сейчас нумерологии, то мы можем выяснить, что число 777 – это тройное совершенство, гармония. Подтверждение этому мы находим и в тексте пьесы: *«Чисто. Сухо. На окошечках – веселенькие занавески, аккуратные, рукой мастера сшитые, они сразу создают уют какой-то.... Все сидения закрыты белыми чехлами. Чехлы – не белые, а белоснежные!»* (Югов, 2007, с. 1); *«В ЧП Иванова – тепло и уютно, у нас как у вас дома»* (Югов, 2007, с. 3); *«у нас тепло, как у вас дома»* (Югов, 2007, с. 5); *«Вот, оно, моё счастье. Здесь»* (Югов, 2007, с. 6); *«Здесь мой дом»* (Югов, 2007, с. 6). В данном контексте выражение «как дома», которое неоднократно повторяется в описании маршрутного такси, можно однозначно считать, как место полной идиллии и гармонии. Это место гармонии в первую очередь для Галины, которая сама скажет: *«на работе я как дома – хорошо здесь»* (Югов, 2007, с. 4).

Маршрутка – это еще и место, где людям готовы придти на помощь: *«Подумаем вместе и решим ваш насущный и жизненно важный вопрос при помощи гороскопа или без его вмешательства, собственными силами, так сказать, силами рассуждений, споров или дискуссий»* (Югов, 2007, с. 3); *«Вид у вас измученный. Да, видно. Сразу! Как вошли – все стало с вами ясно! Нет, дело не в цвете лица! Всё намного серьезнее! Внутри вас же просто целый вулкан сидит! Вот-вот вы взорветесь!»* (Югов, 2007, с. 3).

Весьма интересен и маршрут, который проходит маршрутка.

С первых страниц пьесы мы понимаем, что место действия пьесы это не просто типовая маршрутка, а это маршрутка, едущая по Перми. На это нам указывают разные топонимы, которые возникают в тексте: *«Следующая*

остановка «Проспект Декабристов», потом будет «Сквер Уральских добровольцев» (Югов, 2007, с. 2); «Следующая остановка «Героев Хасана» (Югов, 2007, с. 4); «В нашем городе есть много площадей.... Какие именно? М-м-м-м-м.... А я вам назову, вот, к примеру: Карла Маркса, Октябрьская, Комсомольская, 1905-го года, Красная площадь, кстати, даже есть, если на 364-ом маршруте в сторону Хладокомбината ехать» (Югов, 2007, с. 5). В тексте помимо топонимов возникают и наименования городских объектов, которые автор пытается завуалировать, дабы уйти от прямой номинации, однако и они легко считываются – «Так вот, я хожу в кружок при «Театре третьего этажа». Да, так и называется этот театр – «Театр третьего этажа!»» (Югов, 2007, с. 5). В этом «театре третьего этажа» скрывается пермский молодежный театр «Новая драма», который действительно располагается на третьем этаже дворца творчества юных.

В тексте пьесы маршрутка предстает перед нами, как место спасения социума от современности.

Современность в тексте пьесы представлена, как время «Черных дыр», пришедших на смену «Рябинушек»: «...и сразу к ресторану «Чёрная дыра». Да, бывшее кафе «Рябинушка». Точно! Ребрышки копченые и полтора литра пива – 1 рубль 48 копеек. Всё помните, дедушка! Ай да молодец! Да, там еще с торца кулинария отличная была. Торты, безе... Да. Ну, почему же сразу «Суки»? Ну, выкупил здание бизнесмен или бизнесвумена на полных законных основаниях. Сейчас можно. И сейчас это модно, чтобы рестораны были. У нас сейчас повсюду рестораны! У нас теперь все по западному, дедушка! Новую Россию строим! Что? Ну, разрушили, теперь вот строим что-то опять. Построим! Строили уже? Ну, да, строили, а потом перестраивали... Опять ведь идея была! И сейчас – тоже идея. Только другая. Да, согласна, все у нас не так, как у них» (Югов, 2007, с. 4). Поэтому знаменитое выражение: «Но жить в эту пору прекрасную, не придется ни мне, ни тебе» (Югов, 2007, с. 4) – звучащая из уст Гали, напоминает крик радости. Это связано с тем, что произошло забвение прошлого: «Следующая имени числа календаря – улица «25-го Октября». Почему – 25-го? Откуда? Что было 25-го? Октября? Года, какого?» (Югов, 2007, с. 7), однако, не смотря на то, что прошлое герои не помнят и не знают, они активно творят современную человеческую историю: «Отлично помню, это 25-го октября было прошлого года. Мы с ним пива попили в кафе в тот вечер, проболтали про всякую ерунду» (Югов, 2007, с. 7).

Символичен финал пьесы. Маршрутка сворачивает с заданного пути: «Мы все приносим вам извинения... за смену маршрута, за смену движения в нашем с вами общем пути следования, так сказать... Должна же быть «25-го Октября!»» (Югов, 2007, с. 8). Это связано с тем, что нового «25 октября» быть не должно, мы сейчас находимся на стадии выбора дальнейшего исторического пути, поэтому последней остановкой на пути маршрутки становится кафе «Светофор»: «Я вижу кафе «Светофор», уважаемые пассажиры нашего уютного желтого с черными шашечками такси... Ничего не понимаю....». А понять, действительно, сложно, потому что «все разом погасли огоньки. И через мгновение уже все три цвета стали перемигиваться, как ёлочная гирлянда...» (Югов, 2007, с. 8). Не определились не только люди со своим будущим, но кажется, что и само время еще не определилось. Поэтому людям только и остается искать помощи в маршрутном такси 777, которое предстает в тексте, как некий «Ноев ковчег», спасающий людей от времени и пространства.

Литература:

1. Забалуев, Зензинов, 2003 – Забалуев В., Зензинов А. Между медитацией и «ноу-хау»// Современная драматургия. – 2003. – №4 – С. 163-166
2. Югов, 2007 – Югов А. Маршрутка [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.theatre-library.ru/files/yu/yugov/yugov_7.doc (Дата обращения: 3.09.2013)

Масальцева Т.Н.

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь)

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ РУБЕЖА XIX-XX вв. О
ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ : ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКИХ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ГАЗЕТ 1890-1916 гг.***

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 12-14-59004а*

Ключевые слова: Польская литература, газетная литературная критика

Оценка литературных произведений польских писателей (Г.Сенкевича, Э.Ожешко, С.Пишчышевского) и др. пермскими журналистами (газеты "Пермские губернские ведомости", "Пермский край", "Пермская жизнь")

Masaltseva T.N. (Perm)

**PROVINCIAL JOURNALISTS OF THE 19TH-20TH CENTURIES ON THE
LITERATURE OF POLAND: BASED ON PERM NEWSPAPERS OF 1890-1916**

Key words: Polish literature, literary criticism

Reception of literary works of Polish writers (H. Sienkiewicz, E. Orzeszkowa, S. Przybyszewski) by Perm journalists (The Perm Province Bulletin, The Perm Krai, The Perm Life) is discussed.

Провинциальные дореволюционные ежедневные и еженедельные газеты постоянно размещали на своих страницах литературный материал, пермские издания не являлись исключением. И старейшая газета губернии – официальные «Пермские губернские ведомости», и частные издания (газеты «Пермский край», «Пермская жизнь» и пр.) чуть ли не в каждом номере размещали собственно литературные произведения (стихи, рассказы, романы с продолжением и даже драматические произведения). Также весьма востребована была литературная критика, в данном жанре часто работали преподаватели пермских учебных учреждений. В пермских газетах имелись литературно-критические отделы (периодически меняющие свое название и расположение («Литературные заметки», «Около литературы», «Письма периодической печати» и т.д.), в которых рассматривались и анализировались произведения современных литераторов. Газетная оперативность позволяла более систематически, чем в журнале, вести разговор о литературных фактах и явлениях, вести своеобразную литературную летопись, обращая внимание и на крупные факты, и на частные вопросы. Используя материал пермских газет, можно определить интересы, систему моральных и эстетических ценностей читающей пермской провинции рубежа веков.

Количество публикаций переводов литературных произведений европейских авторов в провинциальных газетах на рубеже XIX-XX вв. впечатляет. Исследователи объясняют это следующим образом: «русская литература Серебряного века в большей степени, чем словесное искусство предшествующих эпох, была связана с мировой литературой, главным образом, западноевропейской, её пропагандировала и во многом на неё ориентировалась.

Именно в этот период активизируется издание переводов из других литератур» (Цыбенко, 2001). Присутствовали европейские литературные тексты и в пермских газетах.

Интерес к польской литературе постоянно обнаруживается в выбранный исторический период. Он выражается, например, в весьма частой публикации переводов польских литературных произведений, например, прозы Андрея Немоевского. Внимание пермских журналистов к литературной, равно как и культурной жизни Польши, в это время не случайно: Польша еще являлась частью Российской империи, в Перми проживала обширная польская диаспора, занимающаяся, в основном, просветительской, культурной деятельностью, в том числе, популяризирующая польскую литературу. Например, лекции о польских писателях Петре Скарге, Сигизмунде Красинском читались во время первой мировой войны пермским отделением польского общества помощи жертвам войны в зале городского музея. Вероятно, в редакциях газет имелись сотрудники – представители диаспоры, которые осуществляли переводы новинок польских авторов, а также являлись авторами литературно-критических текстов (обзоров, рецензий и др.), дающих оценку польской литературе. Данные оценки, безусловно, стимулировали интерес пермской аудитории к произведениям польских писателей.

Среди авторов публикаций, равно как и среди читательской аудитории многих газет, несомненно, присутствовали люди, принадлежащие польской диаспоре, соответственно, носители польского языка. Об этом свидетельствуют, например, информационные заметки появлении переводов на польский язык книг российских авторов М. Горького, В. Вересаева, С. Надсона. В качестве примера хочется привести текст заметки рубрики «Наука, искусство и жизнь» за 1897 год: «В последнем выпуске нового варшавского издания «Библиотека избранных произведений» напечатана, по словам местного «Дневника», часть «Записок охотника» И.С. Тургенева в очень удачном и близком к подлиннику переводе Клеменса Юноши» (Записки 1897, с.3).

С газетами постоянно сотрудничали лица, осуществляющие переводы литературных текстов непосредственно для пермских газет, о чем свидетельствует, например, наличие подзаголовков («Перевод с польского для «Пермского края»), в ряде случаев с указанием имени переводчика. В 1901-1904 гг. переводы часто осуществлялись автором по имени Уриэль Ульрих, впрочем, это имя могло быть и псевдонимом: к сожалению, газетные архивы утрачены, в словаре псевдонимов И.Ф. Масанова и работах исследователей уральских псевдонимов такой псевдоним не рассматривался. Прозу Андрея Немовецкого чаще всего переводил именно он (например, новеллы «Легенда о кающемся грешнике», «Мать и дитя» и др.).

Переводчик и автор некоторых собственных литературных текстов, в которых чувствовалось влияние А. Немоевского и Л. Захер-Мазоха, занимался и литературной критикой. Его материалы писались в жанре обозрения для газет «Пермский край» и «Пермские губернские ведомости» публиковались под рубрикой «Литературные заметки» с 1902 г. Критик Уриэль Ульрих специализировался на обзорах крупных «журналов для самообразования», к которым относил «Образование», «Мир Божий». «Русскую мысль», «Русское богатство», «Правду», «Журнал для всех» и «Вестник знания»; в центре его внимания нужды читателя, «жаждущего знаний», нуждающегося в авторитетном руководстве в чтении, в «выработке своего мирозерцания, чего за недостатком времени не дала школа» (Уриэль Ульрих, 1904, с.3). Учитывая скромные

возможности местных библиотек и скудость средств «среднего провинциального читателя», Уриэль Ульрих стремился по мере возможности систематизировать чтение провинциала, не имеющего времени для выбора нужной ему литературы. Свои задачи Уриэль Ульрих видел в отборе «дельного и нужного «среди большого количества «ерунды и хлама», содержащегося в современной литературе.

В своих обозрениях Уриэль Ульрих рассматривал литературные публикации «толстых» журналов, часто представляя читателю новинки переводной, в т.ч., польской литературы.

Критик также обратил внимание пермской аудитории на роман «Кукла» Болеслава Пруса (уточнив, что писатель пользовался псевдонимом). С точки зрения Уриэля Ульриха, роман демонстрирует смену «героя нашего времени» – свидетельствует о появлении нового литературного типа. «Этот тип уже не новый, он стал проникать в жизнь и стал ей предъявлять свои права во второй половине XIX столетия, после того, как человеку сказали, что он свободен, названный людьми прошлого – *parvenu*» (человек, пробившийся из низов в верхние слои общества благодаря своим личным качествам). С точки зрения критика этот тип имеет описание, сделанное в романе «Лампа» польским же автором Андреем Немоевским: «богачи, которые уж лет 50 занимают в нашем обществе места прежних кастелянов, сенаторов, воевод и царьков» (Уриэль Ульрих, 1901, С.3).

19 июля 1902 года в публикации «Большой человек и маленький человек – Н. Тимковского» он рассмотрел роман Артура Грушецкого «Саранча», посвященный современным польско-немецким отношениям. Герою рассказа-аллегии Н. Тимковского критик противопоставляет главного героя «Саранчи» Кремпо: «видно, что «большая» любовь ко всему родному, вопреки всем доводам «маленького» разума, победит, и Кремпо со всей своей семьей воскреснет для своего народа и из батрака немецкой «культуры» превратится в любящего сына «Силезии»» (Уриэль Ульрих, 1902, с.3), тогда в рассказе Н. Тимковского выбор делается в пользу крушения иллюзий и подчинения «среде». Позже в газете публикуется и рассказ «из истории Галиции» А. Грушецкого «У костра».

Уриэль Ульрих последовательно знакомил пермских читателей с новинками польской литературы. Повесть «Бездомные» Стефана Жеромского (одновременно опубликованная в журналах «Мир Божий» и «Жизнь») занимает, по мнению критика, среди литературных открытий 1900 года «видное место». Особое внимание в рецензии уделяется характеру главного героя, аналогичный характер Ульрих обнаруживает в Рахметове Н.Г. Чернышевского и Стожарове из романа "Знамение времени" Д.Л. Мордовцева: герои пренебрегают личным счастьем ради работы во благо родины, свободы и просвещения народа.

Серьезная задача встала перед критиком, когда он решил представить пермской общественности «короля польских декадентов» Станислава Пшибышевского. Впервые он обратил внимание пермской аудитории на его творчество в апреле 1904 г., представив в одном из своих литературных обзоров краткий очерк биографии писателя, и изложив содержание его драмы «Снег», в следующей публикации содержание романа «*Ното sapiens*». Разговор о польском декаденте был продолжен и в 1905 году. Уриэль Ульрих в весьма осторожной форме высказался по поводу «новой литературы»: «У «многих» заметна слишком большая склонность к «тенденциозной», проповеднической литературе <...> таковая слишком утомила часть читателей, и последние, желая стряхнуть с себя кошмары реализма и позитивизма, стали искать иных путей, стали бороться за

освобождение литературы от всяких общественных влияний, за искусство ради искусства». Симпатии критика, столь осторожно высказанные, явно на стороне Пшибышевского, олицетворяющего для него новое направление: перевод некоторых стихотворений Пшибышевского был сделан самим автором статьи: «в переводе я старался не удаляться от подлинника, и если читатели не поймут чего-либо, то не по моей вине, а по вине оригинала, которого я свято придерживался, не желая исказить и изменять его своеобразия, часто недоступного для посвященных смысла» (Уриэль Ульрих, 1905, с.2). Последнее замечание не случайно: несмотря на скрупулезность перевода Уриэлю Ульриху явно непонятны некоторые образы Пшибышевского, и он выразил надежду, что такое недопонимание не оттолкнет любопытного пермяка-читателя, со временем способного научиться ценить и такой вид поэзии: найдутся со временем «декадентологи», которые разъяснят сокровенный смысл речей «современных нам жрецов «чистого искусства».

Попытка Уриэля Ульриха беспристрастно оценить творчество «гениального поляка», «титана модернистического искусства», «короля польских декадентов», беллетриста и драматурга Пшибышевского заслуживает уважения, до этого творчество символистов как русских, так и европейских было оценено пермскими критиками весьма сурово. Уриэль Ульрих, по-видимому, не желал соглашаться с общепринятой оценкой творчества польских символистов, в этом отношении показательным выглядят переводы произведений с польского языка на русский, сделанные Уриэлем Ульрихом специально для дальнейшей публикации в газете «Пермские губернские ведомости».

Пермские обозреватели литературной жизни мнение Уриэля Ульриха о Станиславе Пшибышевском не разделяли, обвиняя последнего в стремлении найти «необыкновенный или рискованный сюжет», впадая при этом в «эротоманию или самую бесстыдную порнографию» (романы «De profundis», «Requiem Aeternam», пьеса «Пир жизни»). При оценке романа «Homo sapiens» пермских критиков отталкивало стремление писателя доводить идею до крайности, абсолютизация кризиса семейных ценностей: «Пшибышевский в своем творчестве исключительно субъективен, в его романах нет интересной фабулы, обилия внешнего действия, драматических диалогов» (S., 1911, с.3). Только рецензент театральной постановки пьесы «Ради счастья» дал положительную оценку: «пьеса Пшибышевского представляет однако весьма сильный интерес своим захватывающим действием» (Нур, 1906, с.2).

О несомненной популярности произведений польских авторов свидетельствует и факт одновременной публикации одного произведения в нескольких переводах. Кроме уже упомянутой повести Жеромского рассказ Элизы Ожешко «Разными путями» также одновременно был опубликован в трех разных переводах тремя столичными изданиями («Мир Божий», «Русская мысль», «Вестник иностранной литературы»). Данный факт не мог не привлечь внимания пермских журналистов. Причину этого внимания к произведениям Элизы Ожешко пермский журналист видит в следующем: «Одновременное появление в трех различных периодических журналах одного и того же произведения Элизы Ожешко указывает, с одной стороны, на талант писательницы, с другой на запросы, предъявляемые к ее произведениям со стороны русской читающей публики» (Глаз-ь, 1901, с.3).

Чаще других польских авторов упоминался Генрих Сенкевич. Его работа над трилогией «Камо грядеши», романом «Огнем и мечом», просьба Сары Бернар предоставить этот роман для постановки на сцене, приезд писателя в Петербург,

чтение лекций о новейшей польской литературе, выдвижение кандидатом на Нобелевскую премию, даже происшествие с писателем на охоте обсуждались в пермских газетах.

Общественная деятельность польских писателей тоже представляла интерес для пермских журналистов. Информационными поводами для обращения к читателю становились лекции писателей, например, лекция «Разрушение Иерусалима» из истории иудейского народа, прочитанная Андреем Немоевским в Соляном Городке. Юбилеи писателей не оставались незамеченными: газетами отмечалось 25-летие творческой деятельности Марии Конопницкой, Генриха Сенкевича, было опубликовано ответное письмо последнего: «Всем местностям края, всем городам, научным и общественным учреждениям, обществам, клубам, редакциям и всем частным лицам, которые делом или словом сообразовали принять участие в юбилейном праздновании моей 25-летней литературной деятельности, шлю слова сердечной и искренней благодарности» (Письмо Сенкевича, 1901, с.2). Смерти польских писателей также отмечались некрологами, содержащими краткие оценки творчества (некрологи Марии Конопницкой, Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, Михаила Балуцкого, Генриха Сенкевича). В откликах на смерть последнего отмечено значение Сенкевича для польской и европейской литературы, писатель поставлен в один ряд с Ги де Мопассаном и А. Дюма, отмечена его роль в развитии польского и славянского национального самосознания, также указывается, что в пермском католическом костеле будет проводиться траурная месса..

Провинциальная критика рубежа XIX-XX вв. демонстрировала внимание и к литературе классиков авторов крупных эпических произведений – исторического и бытового романа (Болеслав Прус, Генрих Сенкевич) и к произведениям представителей литературы модерна (Стефан Жеромский, Станислав Пшибышевский), пытаясь выработать более широкие взгляды на литературный процесс и использовать более гибкую систему оценок. Рассмотренные публикации дают нам представление процессах формирования общественного мнения россиян-провинциалов рубежа XIX-XX веков, их неоднозначном отношении к польской культуре и собственно литературе, постепенно складывающаяся высокая оценка которой демонстрировала процесс формирования живого общественного мнения.

Литература:

- Глаз-ъ, 1901 – Глаз-ъ В.Г. "Разными путями" Э.Ожешко: Впечатления провинц. читателя // Пермский край. – 1901. – 13 апр. (№ 79). – С.2-3
- Записки, 1897 – ["Записки охотника" на польском языке] // ПГВ. – 1897. – 20 нояб. (№252). – С.3. – (Наука, иск-во и лит.)
- Нур, 1906 – Нур. Общество артистов Московского малого театра // Камский край. – 1906. – 25 мая (№ 41). – С.2. – (Театр и музыка)
- [Письмо Сенкевича] // Пермские губернские ведомости. – 1901. – 12 янв.(№ 9). – С.2. – (Послед. почта)
- Уриэль Ульрих, 1901 – Уриэль Ульрих. «Бездомные» С. Жеромского // Пермский край. – 1901. – 2 июня (№ 117). – С.2-3. – (Лит. заметки)

Уриэль Ульрих, 1902 – Уриэль Ульрих. «Большой человек и маленький человек» – Н. Тимковского // Пермский край. – 1902. – 19 июля (№ 436). – С.3. – (Лит. заметки)

Уриэль Ульрих, 1901a – Уриэль Ульрих. Два проходимца: Вокульский и Наварыгин // Пермский край. – 1901. – 4 окт.(№ 214). – С.2-3; 6 окт.(№ 216). – С.2-3. – (Лит. заметки).

Уриэль Ульрих, 1904 – Уриэль Ульрих. Литературные заметки // Пермские губернские ведомости. – 1904. – 19 марта (№ 62). – С.2

Уриэль Ульрих, 1905 – Уриэль Ульрих. Стихотворения в прозе Станислава Пшибышевского // Пермские губернские ведомости. – 1905. – 23 марта (№ 65). – С.2

Цыбенко, 2001 – Цыбенко Е.Г.Валерий Брюсов и польская литература / Брюсовские чтения 1996 г. – Ереван: Лингва, 2001: [Электронный ресурс] Доступно на: <http://academy.cross-kpk.ru/bank/3/005/HTML/cibenko.html> (электронный ресурс, режим доступа – свободный)

S.[«Номо sapiens»] // Пермский край. – 1911. – 12 нояб.(№ 237). – С.3. – (Театр и музыка: гор. театр)

Расторгуева М.Ю.

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь)

**ПОЗИЦИЯ Е.А. СЛОВЦОВОЙ-КАМСКОЙ В ДИСКУССИИ О
"ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ" (на примере статьи "Женщина в семье
и обществе")**

Ключевые слова: региональная литература, «женский вопрос»

В статье рассматривается позиция пермской писательницы Е.А. Словцовой-Камской по поводу «женского вопроса». Авторская позиция анализируется на материале статьи писательницы «Женщина в семье и в обществе», опубликованной в 1881 г. Статья рассматривается в контексте историко-литературной ситуации. Камская отразила в своей статье потребность времени в систематизации знаний о положении женщины в разных эпохах и странах.

Rastorgueva M.Y. (Perm)

**THE POSITION OF E.A. SLOVTSOVA-KAMSKAYA IN THE DEBATE ON
"THE WOMAN QUESTION" (BY THE ARTICLE "A WOMAN IN FAMILY
AND SOCIETY")**

Key words: regional literature, the Woman Question

The paper introduces the position of Perm writer E.A. Slovtsova-Kamskaya on the "Woman Question". The writer's position is analyzed on the basis of her article "A Woman in Family and Society" published in 1881. The article is reviewed in the context of historical and cultural situation. In her article Slovtsova-Kamskaya showed the necessity to give a systematic treatment to a woman's condition in different epochs and countries.

Середина и вторая половина XIX в. в России – время активного обсуждения "женского вопроса"⁷. Крупнейшие критики, публицисты и писатели преимущественно демократического течения, такие как М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, М.М. Михайлов, включаются в дискуссию по данной проблеме. Женщины активно включаются в литературный процесс, на страницах центральных журналов публикуются Е.В. Салияс-Турнемир (псевдоним Евгения Тур), Н.Д. Хвощинская-Зайончковская (псевдоним В. Крестовский), Ю.Ф. Ауэрбах, Ю.В. Жадовская. Более того, к обсуждению "женского вопроса" присоединяется и провинция, в этой связи особый интерес представляет работа пермской писательницы Е.А. Словцовой-Камской "Женщина в семье и обществе".

Статья Словцовой-Камской вышла только после смерти писательницы. В 1881 г. рукопись была отправлена в редакцию "Исторического вестника" Д.Д. Смышляевым. Публикация статьи сопровождалась комментарием редакции, в котором цитируется письмо Д.Д. Смышляева: "Замечательно, что статья эта была написана в начале 1860 года, вскоре после того как появились трактаты о женщине Милля и Прудона, сильно затронувшие Екатерину Александровну,

⁷ «Во второй половине XIX века в периодике появилось большое количество материалов по женской проблематике. В связи с этим, возникла потребность в систематизации публикаций. Журнал «Северный вестник» подготовил специальный указатель русскоязычной литературы по женскому вопросу. Этот каталог выявил 1785 произведений по женской тематике, что свидетельствовало о существенном общественном интересе к женской эмансипации» (Карченкова, 2004)

и когда только что слышался в русской печати первый робкий лепет по так называемому женскому вопросу" (Словцова-Камская, 1881). Из письма Смышляева следует, что Словцова-Камская – одна из первых женщин в русской печати живо высказывалась по поводу "женского вопроса".

Ю.М. Проскурина высказывает точку зрения о том, что статья Камской "Женщина в семье и обществе" "представляет собой несколько видоизмененный конспект статьи М. Михайлова "Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе", опубликованной в "Современнике" в 1860 г. (Проскурина, 1990, с.VIII). Работа М. Михайлова послужила Камской основой для ее статьи и выражения собственной авторской позиции. Так, обе статьи имеют практически одинаковое вступление (Проскурина, 1990, с.X). Однако Камская, по нашему мнению, иначе подходит к изложению проблемы и решению "женского вопроса".

Сопоставление работы Камской со статьей Михайлова позволяет увидеть целый ряд отличий в осмыслении писательницей "женского вопроса". Так, Камская подробно рассматривает положение женщины во все исторические эпохи, тогда как Михайлов обращается лишь к эпохе домостроя.

Анализируя положение женщин на ранних этапах развития, Камская противопоставляет положение женщины в Европе и в Азии. "Восток – колыбель человечества и царство природы", на востоке человек не развивается, женщина оказывается рабыней мужчины (Словцова-Камская, 1990, с.291). "Человечество в своей эмиграции от востока к западу, из Азии в Европу, постепенно освобождалось от гнетущих его сил физической природы" (Словцова-Камская, 1990, с.292). Это освобождение, по мнению Камской, позволяет европейским странам прогрессировать. В античной Греции "в лице гетер мы находим первый протест женщин, правда, протест бессознательный, жалкий, рабский" (Словцова-Камская, 1990, с.294).

Затем в фокусе внимания Камской оказывается положение женщины в европейских странах на современном историческом этапе. Камская утверждает, что "в настоящее время мы переживаем эпоху всеобщей эмансипации" (Словцова-Камская, 1990, с.302). Писательница употребляет местоимение "мы", что подчеркивает ее приверженность именно к европейским идеям. Россия – "еще юный народ, поздние гости на пиру европейской жизни" и ему следует учиться у стран Европы (Словцова-Камская, 1990, с.308).

Положение женщин в европейских странах, в отличие от Михайлова, Камская рассматривает сквозь призму религии. Основными средствами характеристики этого положения выступает оценочная лексика ("святость", "порицает", "в нравственном растлении" и т.д.). Рассуждая о Франции, Камская говорит: "На это [в чем состоит суть женской эмансипации? – М.Р.] отвечала нам Франция несколько раз, и увы! Весьма неудачно" (Словцова-Камская, 1990, с.303). Высказывание содержит междометие сожаления "увы", значение слова "неудачно" подчеркивается наречием "весьма", что усиливает выражение неприятия Камской французского опыта, признании его несостоятельности. В негативной оценке Франции Камская идет вслед за Михайловым. Он утверждал, что неверное понимание Францией идеи эмансипации привело к падению нравственности. Камская также приписывает Франции "нравственное растление" (Словцова-Камская, 1990, с.303), отмечает, что "на разрушении святости семьи держится французский роман" (Словцова-Камская, 1990, с.305). В рассуждение Камской доминирует лишь эмоциональная оценка, мы не находим сущностных причин неприятия ею опыта Франции. В статье же Михайлова неудачность процесса эмансипации объясняется тем, что французы "готовы видеть идеал

семейного общества у племён, остающихся ещё на низших ступенях развития, и, оставив при нас все завоевания науки, обратить домашний быт наш в так называемое "естественное состояние"" (Михайлов, 1903, с.5). Акцентирование важности роли в семье в процессе становления женщины – это общественная тенденция того времени. Н.А. Добролюбов отмечает, что "вопрос о так называемой *семейной нравственности* составляет один из важнейших общественных вопросов нашего времени". (Добролюбов, 1962, с.223). Критик подчеркивает важность не только общественной, но и семейной эмансипации женщины.

Далее Михайлов анализирует философские труды европейцев, посвященные положению женщины в обществе. Камская же углубляет свое представление о женщине в Европе, противопоставляя французской женщине даму из Англии. "Дорога, выбранная англичанкой, безукоризненна" (Словцова-Камская, 1990, с.305). Эпитет говорит о наивысшей положительной оценке писательницей опыта Англии. Важными критериями оценки положения женщины для Камской стали: нравственность, семья и образование. Женщина в Англии имеет возможность "приобретения человеческих знаний" и "она пользуется таким уважением и нравственным влиянием в обществе" (Словцова-Камская, 1990, с.305). Таким образом, выстраивается оппозиция Франция – Англия, как страны безнравственного и нравственного общества; страны "темной" женщины и женщины просвещенной; страны разрушительных для семьи нравов и нравов, пекущихся о ее святости.

Камская разделяет стремление женщин обрести самостоятельность, но одобряет не все меры для достижения равноправия. Писательница приводит пример женского бунта, произошедшего в Северной Америке, предположительно речь идет о суфражистском движении. Камская сомневается в "зрелости и обдуманности" этого события (Словцова-Камская, 1990, с.306). Писательница упоминает этот факт "для того, чтобы указать на движение женщин, которое идет то прямо, то спотыкаясь, но все вперед" (Словцова-Камская, 1990, с.306). Семантика глагола "спотыкаясь" подчеркивает неопытность женщины в процессе эмансипации, и не вся деятельность женщин в этом направлении дает положительные результаты. Камская настороженно отнеслась лишь к единичному проявлению женской эмансипации, тогда как С.П. Колошин в статье "По поводу американской женщины" говорит о том, что "женщины не только обнаруживают наибольший скептицизм относительно событий гражданского движения, – они-то наиболее оказывают ему сопротивление: женщины вредят прогрессу" (Колошин, 1859, с.406). Писатель видит причину несостоятельности женщины в общественной жизни в "поклонении обычаю и моде" (Колошин, 1859, с.406).

Завершив рассуждение о зарубежном опыте, Камская обращает внимание на положение женщины и в России. "У нас женщина не имеет почти никакого социального значения, не имеет также значения ни как жена, ни как мать, потому что до сих пор мужчина полный властелин ее" (Словцова-Камская, 1990, с.307). Если русская женщина начнет вести себя как англичанка, то "из десяти девять осудят ее" (Словцова-Камская, 1990, с.307). Однако Камская не говорит об абсолютном подавлении женщины, "разумеется, везде есть исключения" (Словцова-Камская, 1990, с.308). Тяжелое положение русской женщины Камская объясняет юностью русского народа в европейском процессе развития (Словцова-Камская, 1990, с.308), "только с реформ Петра Великого женщина освободилась из неволи терема" (Словцова-Камская, 1990, с.308). Камская видит возможным будущее достижение русской женщиной равного положения с мужчиной. Свою

позицию Камская подкрепляет фактами из русской литературы. Последние произведения И.С. Тургенева и И.А. Гончарова рисуют "передовых женщин" (Словцова-Камская, 1990, с.309). Люди того времени искали поддержку женщины в художественной литературе. Однако критик Н.А. Добролюбов в статье "Повести и рассказы М.И. Воскресенского. Наташа Подгорич" с сожалением отмечает, что писатели не реагируют на запросы времени: "литература наша почти позабыла вопросы об отношениях семейных, о значении женщины в жизни общества" (Добролюбов, 1962, с.223). Критик чувствует потребность общества говорить об "этом интересном вопросе" (Добролюбов, 1962, с.224).

Систематизация Камской знаний о положении женщины в разные эпохи истории является отражением потребности времени. Наряду со статьей писательницы этому же вопросу посвящен "Четвертый сон Веры Павловны" из романа Н.Г. Чернышевского "Что делать?". Автор в аллегорической форме прослеживает историю женщин на разных исторических этапах, более того он намечает путь развития женщины в будущем, рисуя идеальное общество равноправия. Публицистика и художественная литература говорят в унисон: чтобы изменить положение женщины в обществе, необходимо изучить предпосылки сложившейся ситуации.

Следующей точкой соприкосновения рассуждений Камской и Михайлова является попытка осмысления вопроса об освобождении женщины от гнета мужчины. Михайлов считает, что "вопрос о положении женщины" есть шаг на пути к освобождению поработенного народа вообще (Михайлов, 1903, с.55). Освобождение это стоит осуществлять путем предоставления женщинам возможности получать образование и развиваться наравне с мужчинами. Камская также отмечает большую роль образования в становлении женщины: "воспитание, образование – вот первые двигатели всяческих реформ в общественной жизни" (Словцова-Камская, 1990, с.311). Однако, в отличие от Михайлова, Камская полагает, что значительный вклад на пути освобождения женщины вносит и религия. Христианство обеспечило равенство людей в церкви, а католические крестовые походы обеспечили женщин собственностью.

Таким образом, писательница Камская являет собой органичное сочетание всех ведущих историко-литературных тенденций середины XIX в.: она писательница из провинции, вступившая в дискуссию о "женском вопросе". Камская сумела расставить индивидуальные акценты в этой теме и стала равноправным участником дискуссии.

Литература:

Быков, 1877 – Быков П.В. Русские женщины-писательницы: Е.А. Словцова (Камская) // Древняя и новая Россия. – 1877. Т. III. – С. 158-162.

Геннади, 1868 – Геннади Г.Н. Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1866 году: Словцова, Екатерина Александровна // Русский архив. – 1868. – № 2.

Добролюбов, 1862 – Добролюбов Н.А. Повести и рассказы М.И. Воскресенского. Наташа Подгорич. Роман М.И. Воскресенского / Н.А. Добролюбов // Н.А. Добролюбов собрание сочинений в девяти томах. – 1862. – М.-Л. – Т.3. – С. 217-224.

Карченкова, 2004 – Карченкова Т.А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века: дис. канд. Истор. наук: 07.00.02 / Карченкова Татьяна Анатольевна. – Омск, 2004. – 237 с.

Колошин, 1859 – Колошин С.П. По поводу американской женщины // Утро. 1859. – С. 405-434.

Ливанов, 1866 – Ливанов Ф.В. Писательница г-жа Камская // Голос. 1866. 28 окт. Цит по: Словцова-Камская Е.А. Любовь или дружба? / сост. и прим. Д.А. Красноперова. – Пермь, 1990. – 320 с.

Михайлов, 1908 – Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // М.Л. Михайлов. – СПб., 1908.

Проскурина, 1990 – Проскурина Ю.М. Повести Е.А. Словцовой-Камской в историко-литературном контексте 1860-х годов // Словцова-Камская Е.А. Любовь или дружба? / сост. и прим. Д.А. Красноперова. – Пермь, 1990. – С. VIII-XXV.

Словцова-Камская, 1881 – Словцова-Камская Е.А. Женщина в семье и обществе // Исторический вестник. – 1881. – № 8. – С. 765 -782.

Смышляев, 2011 – Смышляев Д.Д. Письмо Н.А. Фирсову. 7 апр. 1861 г. // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 3. – Пермь, 2011. – С. 139-141.

Сироткина Т.А.

(Уральский гуманитарный университет, Пермь)

ПЕРМСКИЙ ТЕКСТ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ФРАГМЕНТА РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ключевые слова: языковая картина мира, этносы, этнический образ, этнонимы, региональные тексты

В статье на материале пермских текстов рассматриваются этнические образы и стереотипы, репрезентирующие этнический фрагмент языковой картины мира жителей региона.

Sirotkina T.A. (Perm)

PERM TEXT AS REPRESENTATION OF THE ETHNIC FRAGMENT OF REGIONAL PICTURE OF THE WORLD

Key words: linguistic picture of the world, ethnic groups, ethnic image, ethnonyms, regional texts

In the paper ethnic images and stereotypes are analyzed on the material of Perm texts. These images represent an ethnic fragment of the picture of the world by the population of the region.

Картина мира жителей определенного региона, как известно, имеет свою специфику, обусловленную сложившимися на данной территории традициями, укладом жизни, природными, социальными, географическими факторами. Одним из важных фрагментов региональной картины мира является этнический, отражающий представления человека о «своем» и «чужих» этносах. Данный набор представлений отражается в различных типах текстов: научных, диалектных, художественных. В настоящей статье на материале пермских диалектных и художественных текстов рассмотрим, какие черты различных этносов получают репрезентацию в языке жителей Прикамья.

Термин «этнический образ» используется представителями разных гуманитарных наук. Так, этнологи определяют его как форму краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом» (Садохин, 2003, с. 216).

В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марийцы у нас. У них-то разговор свой» (Акчим). Немногочисленный этнос *коми-язьвинцы*, населяющий север Прикамья, до настоящего времени сохранил свою культуру, благодаря бережному отношению к своему языку. Противопоставляя свой язык близкому коми-пермяцкому, представители коми-язьвинцев без труда отличают «своих»: «Наш язык с коми-пермяками не сходится, слова есть разные. У них ударение другое, какое-то большое, нам его трудно понять»; «У нас заяц нимал, а у коми-пермяков кэч, у нас прялка коба, а у них печкан» (Чагин, 2002, с. 113).

Неумение правильно говорить получает у носителей говоров отрицательную оценку: «Все да не все правильно говорим. *Челдоны*-то *челдоны* и есть –

необразованные люди» (Акчим). По наблюдениям Л.А. Шкатовой, «своих», не научившихся пользоваться речью для достижения коммуникативных целей, русские называли дураками, дурными (Шкатова, 2000, с. 107).

2. Типичные черты характера и поведения: «Он придет, так его не выгонишь. Больно навяшшывые. Своя нация – цыганы»; «Шапку не снимат даже Ты что, по-татарски?» (Акчим).

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали раньше-то гадали цыганки»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»; «Третное ткали только пермянки, – оне в шесть ниченков, а мы – в три-четыре» (Акчим).

4. Манера одеваться: «Штаны как у татарки выпушшэны наверх» (Акчим).

5. Особенности вероисповедания.

Опознавание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, «как нации». Слово *кержаки*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение – «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Отсутствие твердой христианской веры получает у русских отрицательную оценку. Недаром жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX – XX вв. переселились из коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее русское население называло *лопарями некрещеными* за то, что подобного населения, к тому же и не посещавшего храмы, не было.

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте.

Однако основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является все же «антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида» (Садохин, 2003, с. 216): «Личность такая мариец. Глаза узкие» (Акчим).

Стереотипные представления о типичных чертах характера или поведения позволяют использовать этнические имена в качестве нарицательных обозначений. Например, *тунгусом* в пермских говорах называют молчаливого человека: «Спросишь – он молчит. Тонгус называют. Он-де какой тонгус, нельзя-де слова докупиться». Шутливое и бранное значение слова *воть* (так в пермских говорах называли удмуртов), имеющее в Словаре русских народных говоров помету «пермское», – «дурак, разиня, болван».

Особенности национальной картины мира отражаются в художественной картине мира. Писатель выступает как носитель определенных национально-культурных стереотипов. В исторической прозе пермских писателей отражается одна из основных оппозиций картины мира – «свое – чужое». Авторы художественных текстов подвергают описываемые реалии обязательной этнической маркировке. Этнонимы и отэтнонимные образования, функционирующие в данных текстах, отражают этническую составляющую ментальности.

Средством выражения оппозиции «свое – чужое» служат, например, этнические имена, функционирующие в романе пермского писателя Михаила Строганова «Камни господни», повествующего о жизни в Прикамье XV века.

Представитель «чужого» этноса в тексте романа часто не называется конкретно, а именуется просто *иностранцем*: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца» (Строганов, 2006, с. 278). Ту

же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности, выполняет лексема «иноплеменные»: «-Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к иноплеменным!» (Строганов, 2006, с. 262).

Представители и атрибуты «своей» культуры, напротив, называются конкретно. *Русские, русская казна, русские интересы, русский царь* – все эти этнонимы и сочетания с этническими маркерами выполняют функцию реально-исторической достоверности: «Мутная пелена воды размазывала, скрывала очертания, укрывая от глаз притаившихся в укрытии русских движения вражеского бойца» (Строганов, 2006, с. 206); «Иоанн смог совершить и давно замышляемое богомолье в Вологду, и восстановить активные переговоры с Елизаветой по отправке ей русской казны» (Строганов, 2006, с. 231); «Иоанн клял на чем стоит свет рыжую английскую потаскуху и, не считаясь с великим ущербом русских интересов, жаловал англичан все большими привилегиями» (Строганов, 2006, с. 231); «Только о том, что долготерпив и милосерд русский царь!» (Строганов, 2006, с. 236).

Представитель «чужой» культуры, сталкиваясь с реалиями русского культурного пространства, чувствует себя неуютно: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца и не придал значения, когда этот нелепый, заплутавший в *русских снегах* незадачливый купец, отчаянно размахивая руками, бросился ему навстречу» (Строганов, 2006, с. 278); «Деревья гулко скрипели, проклиная пришедшего к ним *чужака*, предсказывая ему забвение и погибель» (Строганов, 2006, с. 194). То же чувствуют русские, попадая в пермяцкие леса: «Даром все лето порты, лазая по камням, да *лесам пермяцким* драли» (Строганов, 2006, с. 245). Человеку страшно оказаться в окружении всего «чужого»: «-Да как же без Руси да среди *вогул*? – удивился Снегов. – Они своих-то не жалуют, а чужаков и подавно!» (Строганов, 2006, с. 191).

Яркой репрезентацией оппозиции «свое-чужое» являются наречия *по-нашенски, по-русски, по-казацки, по-турецки* и другие, отражающие особенности поведения того или иного этноса: «-Вот это по-нашенски! – казак обрадованно посмотрел уходящему Бенедикту вослед» (Строганов, 2006, с. 142); «-Кончай выщупывать чертеняк, ступай в терем. Сами дознаваться станем. По-русски» (Строганов, 2006, с. 142); «-Дозволь мне, за дружка милого, пыгнуть ее по-казацки, без клятой премудрости! Все мигом скажет!» (Строганов, 2006, с. 141); «Василько, в одном исподнем, сидел по-турецки на змеином камне и лепил фигурки из хлебного мякиша» (Строганов, 2006, с. 34).

Отметим, какие черты представителей чужой культуры являются предметом стереотипизации.

1. Отмечаются особенности одежды и ухода за внешностью: «В день высокочтимого царем пророка Ионы чернокнижнику Бомелию было велено явиться в опричный дворец, но не в обычном для него *немецком облачении*, а переодевшись в *русское платье*» (Строганов, 2006, с. 233); «Правда ль, что *немчура* свой волос всюду на теле выводит?» (Строганов, 2006, с. 233).

2. Отражаются в русской картине мира особенности речи «чужих» – отмечается непонятность речи, многословие или острословие: «Ивашка слыл знатным звериным скоморохом, однако не брезговал показывать и блудливые сценки со сквернословием, потешая крестьян *татарскими бельмесенами*» [Строганов 2006: 256]; «-Узнаю *зубоскалие казацкое!*» (Строганов, 2006, с. 172).

3. Наконец, обязательно отмечаются особенности вероисповедания «чужих»: «Оттого *вогульцы* идолов кровью мажут, то плетьюми секут, то маслом

медную голову оботрут, то гвоздей в пузо наколотят» (Строганов, 2006, с. 15); «Или сам в *вогульские* идола веруешь, да оттого перед ними и трепещешь?» (Строганов, 2006, с. 15); «Что если превратится в *вогульского* истукана-менква, который и от дерева неотличим, и в любое существо обернуться может?» (Строганов, 2006, с. 16).

Итак, человек этнический – одна из важных ипостасей образа человека в языковой картине мира. Одним из основных способов актуализации данной ипостаси являются этнонимы – названия народов. Функционирование этнонимов в региональных текстах позволяет исследовать этнический фрагмент языковой картины мира определенной территории.

Литература:

Климкова, 2006 – Климкова Л.А. Оним в региональной языковой картине мира // Ономастика Поволжья. Матер. X Междунар. конф. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 130-133.

Садохин, Грушевицкая, 2003 – Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2003. – 320 с.

Строганов, 2006 – Строганов М. Камни господни. – СПб.: Крылов, 2006. – 320 с.

Чагин, 2002 – Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. – Пермь, 2002. – 384 с.

Шкатова, 2000 – Шкатова Л.А. Национально-культурные стереотипы поведения и их отражение в фольклоре // Динамика фольклорной традиции на современном Урале. – Челябинск, 2000. – С. 107-109.

Примечание:

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

Щелконогова Т.Ю.

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь)

ОБРАЗ МОТОВИЛИХИ В ПЕРМСКОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: городской / провинциальный текст; локус; художественное пространство города; фельетон

Статья посвящена проблеме исследования провинциального текста в литературе. Осуществлена попытка выявить образ Мотовилихи и проследить его эволюцию в текстах художественной литературы и публицистике.

Schelkonogova T.Yu. (Perm)**THE IMAGE OF MOTOVILIKHA IN PERM TEXT**

Key words: urban / provincial text; locus; artistic environment of the city; feuilleton

The paper is devoted to the provincial text in literature. An attempt to define the image of Motovilikha and to trace its evolution in the texts of fiction and journalism is made.

В последнее время проблема провинциальных текстов привлекает всё больше внимания со стороны филологов, изучение локального городского пространства становится всё более популярным. В нашем случае предпринята попытка изучения конкретного городского локуса, генерирующего литературные и культурные смыслы. Новизна выбранной темы – в исследовании «пространственной семиотики локуса», описании малоизученного в контексте литературы места. В книге В.В. Абашева «Пермь как текст» автор задает вопрос о том, что такое Пермь? Мы сужаем задачу: ставим перед собой вопрос, а что же такое Мотовилиха в контексте «пермского текста»?

Что же включает в себя понятие «городской текст»? Городской текст – это свертхтекст, прежде всего. Совокупность художественных текстов, объединенных общей семантикой, а именно: набором общих констант, отождествляемых с пространством конкретного города, мифологией места.

Литературоведение знает немало трудов по изучению художественного пространства города. В первую очередь, это петербургский текст, московский, а также текст провинциальный, традиционно противопоставленный столичному.

Поисками столичного локуса в художественных произведениях посвящено большое количество трудов таких исследователей, как В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Н.П. Анциферов. Среди исследований пермского текста известны работы В.В. Абашева, М.П. Абашевой, Е.Г. Власовой, А.А. Сидякиной.

В последнее время пристальное внимание обращено к истории изучения провинциального текста, его особенностям, поиску его составляющих, «...осознанное отношение к месту собственной жизни становится актуальной задачей духовного творчества» (Абашев, 2000, с.14)

Наша работа состоит в том, чтобы, опираясь на уже существующие исследования В.В. Абашева и Е.Г. Власовой по изучению локального текста, выявить элементы отдельного локуса, района внутри существующего «пермского мифа», обращая внимание на пейзажные зарисовки места, образы, характеры местных жителей, само отношение к месту, его авторскую оценку.

Мотовилиха XIX века

Первые упоминания о Мотовилихе, одном из старейших районов Перми встречаем в путевых очерках писателей, посещавших город: В.А. Поссе, Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.И. Мельникова-Печерского, В.И. Немировича-Данченко.

Удаленное географическое положение района, существующего до революции отдельным поселком, не входящим в границы города, во многом определило его восприятие как некоего обособленного от городского центра пространства. Мотовилихинский район охватывает как правый, так и левый берег реки Камы. Большей частью он расположен на возвышенности и отделен от Перми Егошихинским оврагом. Позднее образуется пруд, гора «зарастает» домами, огородами, вдоль реки проводят железную дорогу.

В путевых заметках конца XIX в. описание в основном сосредоточено лишь вокруг завода и прилегающих к Каме мест. «Вон направо тянутся громадные постройки мотовилихинского завода. По обеим сторонам на плосковатых возвышенностях вытянулись темные ряды изб, где живет всякий заводской люд. <...> На всем лежит красный, железистый колорит, словно и самая лощина, и постройки на ней осыпаны рудничной пылью» (Немирович-Данченко, 1904, с.122).

Однако уже здесь Мотовилиха предстает как нечто, живущее своей, обособленной жизнью. «Мотовилиха, как комнатное растение, если его полиют вовремя, зеленеет и цветет, а если забудут – засыхает до следующей поливки» (Мамин-Сибиряк, 1994, с.9-10).

И уже тогда намечается оппозиция Перми и Мотовилихи: «...около Перми вас обдаёт дымом и маслястою гарью, объясняемыми близостью мотовилихинских заводов. Губернский город сравнительно с Мотовилихою кажется очень незначительным» (Немирович-Данченко, 1904, с.112-113)

Более интересное представление о Мотовилихе складывается в сознании местных авторов. «С 1894 г. «неофициальная часть» «Пермских губернских ведомостей» начала выходить отдельным ежедневным изданием, и это стало поворотным пунктом в пермской историографии. С этого времени черты городской повседневности, доселе растворенные в стихии устной речи, а потому почти неуследимые для историка, увидели свет на печатных страницах: в сообщениях местной хроники, в очерках и фельетонах» (Власова, 2004, с.295).

Излюбленным жанром пермских литераторов, часто публикующихся в городских газетах, был городской фельетон. Стоит помнить, что фельетон – сатирический жанр, делающий акцент на высмеивание какой-либо актуальной на данный момент проблемы в обществе. Мотовилиха, будучи периферийным, неблагополучным районом, нередко фигурировала в такого рода текстах.

В сборнике городского фельетона конца XIX – начала XX века автор Мельковский приводит Мотовилихинскую статистику: «1284 человека изувечены в Мотовилихе в драках в течение одного года! В среднем, значит, 107 человек в месяц; 3,5 человека в день! <...> Какое количество мускульной силы расходуется мотовилихинцами в драках, и что могла бы сделать эта сила, если бы можно было обратить ее на полезное действие?» (Прогулки по старой Перми, 1998, с.73-74)

Своим частым появлением на страницах газетных фельетонов Мотовилиха оправдывает свою популярность среди пермяков как места опасного и криминального, отдаленного, противопоставленного тихой, размеренной Перми.

Маленький фельетон Модеста (Сергея Ильина) в №24 «Пермских губернских ведомостей» от 30 января 1990г. подтверждает враждебность обитателей района «...Мотовилихинские ребята – с ножом брат на брата. В Мотовилихе днем – разбой, в Перми и ночью – покой».

Мотовилиха рассматривалась как антипод всей Перми. Район воспринимается самими пермяками в негативном плане. В связи с этим можно выявить наиболее часто употребительные в отношении Мотовилихи эпитеты в основном с отрицательной семантикой: «разбойная», «развращенная», «дикая», «мрачная», «грубая». Для мотовилихинцев частотно употребление таких наименований: «разбойники», «аборигены».

На Слудке, на Данилихе
Такой же скромный люд,
Ведь только в Мотовилихе
Разбойники живут.
Мрачна ты, жизнь заводская:
И пьянство, и разврат,
И к буйству склонность скотская,
И ад, семейный ад! (Прогулки по старой Перми, 1998, с.68)

Так же нередко использование слов-понятий «пьянство», «разврат», «ад», «разбой».

Куда попал я? Здесь разбой!
Здесь Мотовилихою пахнет! (Прогулки по старой Перми, 1998, с.243)

Можно сделать вывод о том, что в конце XIX века сложилось двойное представление о Мотовилихе у проезжих и местных авторов. С одной стороны, это обыкновенный заводской поселок, расположенный близ реки Камы – так рисуют Мотовилиху в путевых очерках гости города. Но это лишь поверхностный взгляд. Мотовилиха в местной фельетонистике раскрывает свою истинную сущность, показывает свой характер.

Мотовилиха революционная

В первой половине XX в. Мотовилиха внесла свою лепту в историю Перми и всей России: была активным участником революционных событий 1905 года и, что более значимо, явилась «спасительницей» родины в Великой Отечественной войне. Эти события просто не могли оставить без внимания свидетели событий и их потомки. Вслед за судьбоносными эпизодами литература активно начинает пропагандировать трудовые подвиги уральских рабочих.

В 1926 г. выходят две исторические повести, в которых находят отражение революционные события 1905 года, охватившие Мотовилиху. Это «Мотовилиха» Н. Лещинского и «Жизнь ни во что» А. Гайдара.

Помимо фактографичного изложения разворачивающихся действий, Лещинский уделяет большое внимание пейзажным зарисовкам событий и здесь же, пожалуй, впервые мы встречаем обширное описание района. «Красивая картина оттуда [с Вышки] открывается взору: величественно лежит Кама, нежась в зеленых берегах Верхней, Средней и Нижней Курьи. Черным дымом, едкой

гарью дышет на нее завод. <...> А кругом убого теснятся рабочие домики» (Лещинский, 1926, с.30).

В общий пейзаж с «красивой картиной», «величественной Камой» нелепо вписываются человеческие творения: «убого теснятся» «скупенные» дома, «черный дым», «едкая гарь» завода.

Настроения рабочих, людей, интеллигенции, отстаивающих идеи революции, общая обстановка ожидания чего-то нового, грядущего «оживляют» Мотовилиху.

«На платформу высыпала рабочая и учащаяся молодежь, интеллигенция и направилась к заводу.

Сразу Мотовилиха преобразилась, словно раскрыла лицо и улыбнулась. Повеселела Вышка, окрашенная оранжевыми лучами склонявшегося солнца. Радостно затрепетал, задрожал революционной песней воздух» (Лещинский, 1926, с.64).

Появление при описании Мотовилихи природы и людей, полных предвкушений и надежд на будущее, преобразует её из «разбойной» окраины города в живописное место сосредоточения революционных событий.

В отличие от исторической повести Лещинского, в «Лбовщине» Гайдара воинственная революционная Мотовилиха показывает свой дерзкий характер, она противостоит уже не только Перми, но и всей России.

«В ночь на 13 декабря 1905 года этот поселок никоим образом не мог числиться входящим в состав Великой Российской империи, ибо за день перед этим он плюнул в лицо этой империи свинцом винтовочных пуль, отгородился от нее баррикадами из выломанных заборов и вывороченных ворот и глядел огоньками раскинувшихся домиков» (Гайдар, 1926, с.5).

Бунтует завод, а вместе с ним и весь район, «кругом течет тревожная, насыщенная запахом пороха жизнь» (Гайдар, 1926, с.30).

Мотовилиха сохраняет свой дикий нрав, городские продолжают опасаться посёлка.

Выделим следующие яркие составляющие текстов того периода, характеризующих Мотовилиху. С одной стороны, «радость», «веселье», «повеселела», «преобразилась», «улыбнулась» в отношении самой Мотовилихи. «Тревога», «ненависть», «безрассудность», «смелость», «борьба», «жизнь», «смерть», «ночь», «бунтовщик»; «гордый», «бесстрашный», «хмурый», «убитый» в отношении местных обитателей. Мотовилиха революционная пугает и притягивает к себе, возмущает и восхищает одновременно.

Мотовилиха военная

Еще до начала войны прекращаются сатирические газетные публикации относительно Мотовилихи и мотовилихинского люда, район входит в состав Перми. Отношение к нему меняется: «Если ранее Мотовилиха рассматривалась как некое отдалённое и пользующееся дурной славой дополнение к городу, то теперь наоборот: Мотовилиха <...> превратилась в ценностно-смысловой центр Перми советской, её «священное место» (Абашев, 2000, с.95).

В 1947 г. выходит роман Веры Пановой «Кружилиха» о людях крупного уральского завода военных лет. Нельзя не подметить созвучие наименований Кружилиха – Мотовилиха. Кружилиха – это и завод, и прилегающий к нему посёлок.

Кружилихинцы – мотовилихинцы уже не воспринимаются горожанами как опасные люди, образ Мотовилихи теряет прежнюю криминальную окрашенность.

«То, что Рябухин видел на Кружилихе, с каждым днем укрепляло его веру в человека, в красоту человеческой души. Люди не жалели сил, жертвовали всем, чтобы помочь Красной Армии разбить врага» (Панова, 1947, с.105).

Автор сосредотачивает внимание на главном: на событиях, на всеобщей работе людей на фоне угрюмой картины, сочетающей мрачные элементы районного пейзажа: «беспорядочно», «кривые», «почерневший», «суровый», «старый», «чернота».

«Забор поворачивал полукружием, улица вдруг сузилась и покатила вниз между двумя горками. По горкам разбросаны без порядка деревянные дома. Эти строились давно, многие еще в прошлом столетии. Кривые лесенки спускались вниз, к трамвайным путям. Дерево построек почерневшее, суровое: словно углем на белой бумаге нарисован старый поселок» (Панова, 1947, с.32-33).

Если Мотовилиха революционная ещё противостоит Перми, её боятся и опасаются, то Мотовилиха военная – это уже неотъемлемая часть Перми, если не сказать главная. Люди со всего города съезжаются в Мотовилиху, их объединяет завод, общее дело, общая цель. «День и ночь дымили высокие трубы Кружилихи. По одиннадцать часов, без выходных дней работали люди» (Панова, 1947, с.109).

Образ Мотовилихи в творчестве современных авторов

Обратимся к современному состоянию пермской литературы и роли Мотовилихи в ней.

Образ Мотовилихи создается уже посредством поэтического текста. Это стихи В. Ракова, В. Кальпиди.

В них к Мотовилихе возвращается её давняя мистическая слава страшного магического места с его неземными обитателями, возрождается причудливость восприятия места, сохранение его семантики как некоего обособленного от всего города урочища.

В ползучей Мотовилихе замри.

Здесь водятся местами упыри

<...>

Над пропастью Рабочего поселка

Ночами – старушонки на метелках.

<...> (Раков, 2006, с.10)

<...>При въезде в Мотовилиху – тюрьма.

А город не заметил этой раны.

Там, шмона опасаясь, уркаганы

рассказывают сказки до темна.<...> (Кальпиди)

Тем не менее, Мотовилиха не потеряла своей прежней «прелести», своих отличительных образов, пейзаж района не перестает восхищать авторов. Тому пример – своеобразный гимн современной Мотовилихе, сочиненный Г. Радощекиным:

Все лога да косогоры,

Вышка, Запруд и Висим,

Костаревские угоры,
Где привычно колесим.
Утром рано на работу –
На большой родной завод –
По тропинкам, по дорожкам
К проходным спешит народ.
Из-за Вышки солнце всходит,
А за Камою заходит...
Речки две – в одну текут,
Образуют чистый пруд...
Все лога да косогоры,
Откровенно говоря,
Сердцу милые просторы –
Мотовилиха моя! (Радощекин, 1998)

Итак, среди основных составляющих мотовилихинского текста, можно выделить следующие:

– авторы XX века, как и авторы XIX, воспринимают район как некое обособленное место, отдаленное от общего пространства Перми, чему способствует также географическое разделение района и города (Егошихинский лог). Мотовилихинский локус отчетливо дистанцируется от собственно пермского пространства на протяжении длительного времени

– в истории мотовилихинского текста были моменты, когда сложившаяся культурная ситуация «вписывала» Мотовилиху в общий облик Перми, однако, и в этом случае район противостоит ей, аналогично тому, как провинциальный текст противостоит столичному.

– в художественном воплощении существует Мотовилиха дневная и ночная, с этим связано и различные положительные и отрицательные текстовые образы. Если дневная Мотовилиха – это, в основном, синтез природы и урбанистического пейзажа, трудолюбивый рабочий люд; то Мотовилиха ночью – это гиблое место, которое стоит обходить стороной, её обитатели враждебны и часто отождествляются с нечистой силой.

В текстах конца XIX в. и до революции 1905 года мы встречали образ Мотовилихи как опасного, криминального места. Если революционные настроения, охватившие поселок в начале XX в. еще формируют настороженное отношение к нему и его мятежным обитателям, то в послевоенных текстах существует только положительное восприятие района, связанное с ответственной миссией Мотовилихинского завода и его рабочих. После 1950-х годов Мотовилиха перестает фигурировать в значимых литературных текстах.

В приведенных стихотворных произведениях последних лет к Мотовилихе постепенно возвращается её давняя слава разбойного локуса.

За неимением обширного материала по исследованию современного мотовилихинского текста, трудно сделать какой-либо однозначный вывод о состоянии образа данного места. Тем не менее, работа продолжается. Тема не теряет своей актуальности: планируется более подробное углубление в затронутую нами проблему. В связи с этим предполагается расширение объема охватываемой литературы, привлекаются новые источники: идет изучение современных литературных текстов, как поэтических, так и прозаических, а также краеведческих работ и городских путеводителей, в которых в той или иной степени может быть представлен образ Мотовилихи.

Литература:

- Абашев, 2000 – Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2000. – 404 с.
- Авторский вечер Виталия Кальпиди «В Раю отдыхают от Бога. Новые стихи» // Современная русская поэзия. – [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/story/avtorskiy-vecher-vitaliya-kalpidi-v-rayu-otdyhayut-ot-boga-novye-stihi>. (Дата обращения: 18.09.2013)
- Гайдар, 1926 – Гайдар А.П. Жизнь ни во что (Лбовщина). – Пермь: Изд-во «Пермкнига», 1926. – 72 с.
- Власова, 2004 – Власова Е. Г. Пермь в местной фельетонистике конца XIX – начала XX века // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. – М.: Языки слав. культуры, 2004. – С. 295-309.
- Лещинский, 1926 – Лещинский Н. Мотовилиха: Ист. повесть 1905 г. – Свердловск: Уралкнига, 1926. – 84 с.
- Мамин-Сибиряк, 1994 – Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь (путевые очерки). – Чердынь: б.и., 1994. – 67 с.
- Немирович-Данченко, 1904 – Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: Очерки и впечатления. – СПб.: изд. П.П. Сойкина, 1904. – 191 с.
- Панова, 1947 – Панова В.Ф. Кружилиха: Роман. – Пермь: Пермгиз, 1947. – 217 с.
- Прогулки по старой Перми: Страницы городского фельетона конца XIX начала XX в. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1998. – 293 с.
- Радощекин, 1998 – Радощекин Г.А. Мотовилиха моя: [Сб. стихов]. – Пермь: б.и., 1998. – 6 с.
- Раков, 2006 – Раков В. Число π: Книга стихов. – Пермь: Мобиле, 2006. – 83 с.

Селезнева С.М., Василец В.С.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ (ГОРОДСКОЙ)
ИДЕНТИЧНОСТИ В ВЫСШЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
ОБРАЗОВАНИИ: В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО
ПОДХОДА***

**Материал подготовлен в рамках проекта № 034-ф Программы стратегического развития ПГГПУ*

Ключевые слова: идентификация, стратегии, ценности, интерактивные методы обучения.

Описываются результаты работы, посвященной формированию стратегий успешной профессиональной самоидентификации студентов высшего профессионального образования через интерактивные методы обучения в контексте аксиологического подхода.

Selesneva S.M., Vasilets V.S. (Perm)

**FORMATION OF REGIONAL (URBAN) IDENTITY IN THE HIGHER
PROFESSIONAL EDUCATION: IN THE CONTEXT OF AXIOLOGICAL
APPROACH**

Key words: identification, strategies, values, interactive teaching methods

The paper describes the results of research work devoted to the formation of the strategies of efficient self-identification of students of higher educational institutions by means of interactive teaching methods in the context of axiological approach.

«Оказавшись на границе чего-то, неважно во времени или в пространстве, люди неизбежно отказываются от своих предыдущих идентичностей.

Идентичность формируется при наличии соседей. Границы вырывают идентичности из людей и отбрасывают прочь» – Маршалл Маклюэн

Изучение региональной идентичности жителей Российских городов активно разрабатываемый предмет исследования в политологии, социологии, философии, географии, культурологии (Крылов, 2005; Жаде, 2007; Лысенко, 2013). На данный момент складывается категориальный аппарат для междисциплинарного исследования обозначенного вопроса в профессиональной педагогике (Маркова, 1999; Чепурышкин, 2008; Мурзина, 2005; Поддубная, 2004).

Определим основные понятия. Регион – «территория с относительно целостной организацией экономической и социальной жизни, которая имеет в наличии определенные органы управления» (Чепурышкин, 2008, с.10). Идентичность – «некоторая устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самоотождественность» (Н.Н. Федотова) (Жаде, 2007, с.60).

Покажем, как исследователи определяют региональную идентичность, какие «цивилизационные параметры» (Жаде, 2007, с.60) входят в структуру этой идентичности. М.П. Крылов под региональной идентичностью понимает «системную совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина»» (Крылов, 2005, с.51). Он описывает этот феномен через культуру укоренённости и культуру мобильности – как «волно к развитию на данной территории» (Крылов, 2005, с.51). Культурные отношения выражаются через ценностные ориентации, коммуникативные способности (способность объединиться, в частности), социально-культурные качества человека, процессы мышления (анализ, оценку), рефлекссию.

Региональная идентичность понимается как «связь, которую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни и типом личности, которая формируется на данной территории, и в деятельности которой находит выражение «дух региона»» (Мурзина, 2005, с.27). И.Я. Мурзина полагает, что идентичность является интегрирующим началом личности, обеспечивая его тождественность самому себе и тому образу, на который он ориентируется. В качестве образов рассматривается ценности региональной культуры. Соответственно, ощущение связи жителя определённой территории с местом проживания, по мнению, И.Я. Мурзиной, происходит через восприятие и осознание им жизненного опыта и ценностей и смыслов, а также через мышление и рефлекссию.

З.А. Жаде считает региональную идентичность «одним из ключевых элементов конструирования региона как специфического социально-политического и институционального пространства» (Жаде, 2007, с.65). Автор полагает, что региональную идентичность можно рассматривать как элемент социальной идентичности. Он описывает следующую структуру социальной идентичности: когнитивный аспект (знания) и эффективный аспект (эмоции, ценности).

О.В. Лысенко, исследуя пермское общество в контексте региональной идентичности, полагает, что любая идентичность – результат договоренности между людьми. Региональная идентичность – это понимание, осознание индивидом своего образа, как жителя определенной территории. Представления, как результат понимания и осознания, являются, в том числе, источником формирования стиля данной территории.

Рассмотрев определения региональной идентичности, перейдём к перечислению её особенностей, опираясь на работу Л.В. Смирнягина.

Во-первых, региональную идентичность можно сменить. Воспользуемся цитатой Мартина Липсета «Нельзя стать чернокожим или китайцем, но можно стать южанином» (Смирнягин, 2007, с.94). Данная возможность отличает региональную идентичность, например, от идентичности этнической. Стоит отметить, что процесс смены и утраты региональной идентичности достаточно долгий.

Во-вторых, данной идентичности свойственна конкуренция. Обладатели региональной идентичности не всегда испытывают чувство солидарности друг к другу.

В-третьих, региональная идентичность объединяет людей разных рас, профессий, состояний, уровней образования; ломает или снижает барьеры между группами людей связанные с профессией, уровнем образования и т.д.

В-четвертых, региональная идентичность – иерархизированна. Можно говорить о многоступенчатой идентичности (Смирнягин, 2007).

Рассмотрев различные определения и особенности региональной идентичности, обозначим собственную позицию. Мы исходим из того факта, что любая индивидуальность как носитель личностной идентичности являет собой реализацию

определенной общности или категории людей, т.е. каждый представитель культуры обладает одновременно и личностной и коллективной идентичностью.

Общности в информационном пространстве не имеют ярко выраженных национальных, территориальных, кастовых, сословных ограничений. Ключевым фактором формирования общностей становится ценностный фактор. «Я разделяю ценности группы – поэтому я принадлежу этой группе» вместо более раннего «Я принадлежу этой группе – поэтому я следую ценностям этой группы».

Мы придерживаемся культурологического подхода (Крылов, 2005; Мурзина, 2005), и рассматриваем региональную идентичность как итог ценностного осмысления личностью себя как пермяка в процессе профессионального пути в Пермском крае. Как результат идентификации субъекта с неким набором ценностных ориентаций, как в своей профессиональной группе (работающие в Перми), так и в группе людей проживающих в Перми.

Использование феномена региональной идентичности в высшем профессиональном образовании актуально. Специально организованная работа (направленная на формирование у будущих специалистов стратегий идентификации себя в условиях конкретного города, региона) создает условия для появления у студентов уверенности в том, что они будут поняты и приняты в профессиональной среде города. Можно сказать, что осознание собственной региональной (городской идентичности) гарантирует устойчивость личности в постоянно меняющемся мире (Лукьянов, 2009; Маркова, 1999). А также позволяет выстраивать стратегии профессионального, социального и личностного развития и саморазвития в конкретных социально-экономических условиях города.

Продумывая специально организованную работу в вузе, направленную на формирование у будущих специалистов стратегий идентификации себя в условиях конкретного города, региона, определим план действий.

Во-первых, на основе анализа научной литературы: (Печищев, 2011; Смирнягин, 2007) и социологического исследования («Пермь как стиль», 2013) выявить структурные элементы региональной (городской идентичности) пермяков в аспекте личностных характеристик влияющих на достижение успеха в г. Перми.

Во-вторых, на основе анализа психологических тестов, определить методики для диагностики личностных характеристик студентов, лежащих в основе стратегий успешной идентификации себя на территории города.

В-третьих, используя аксиологический подход в профессиональном образовании, подобрать или разработать содержание, формы, методы и средства, направленные на формирование у студентов собственных стратегий успешной идентификации в г. Перми.

Реализуя первый пункт плана, попытаемся описать личностные характеристики пермяка. Пермяки обладают своим культурно-ценностным капиталом и, проживая на территории города, передают накопленный опыт из поколения в поколение. Т. е., опыт может рассматриваться как один из элементов региональной идентичности.

Рассмотрим личностные характеристики пермяка в историческом аспекте. Воспользуемся публикациями в газете «Пермские губернские ведомости» второй половины XIX века, которые исследовал И.М. Печищев.

Авторы статей отзываются о пермяках, как о диком народе, так как они живут в гористой местности. Пермяк неграмотный и говорит на своем языке. Мужчины, в особенности, знают русский язык, православный, простой. При этом, авторы отмечают, что у пермяка есть чувство изящества, а также чувство

общности. Можно говорить о том, что пермяк – разный и в чем-то противоречивый (Печищев, 2011).

Говоря о личностных характеристика пермяка, обратимся к исследованию О.В. Лысенко. Автор считает, что, в целом, пермякам больше свойственны положительные качества. Он приходит к выводу о «положительном тоне пермской городской идентичности» (Лысенко, 2013, с.83). При этом отмечает и негативные качества, что еще раз подтверждает противоречивый образ пермяка. Докажем это на примерах.

Во-первых, отметим положительные качества пермяка. Наибольший перевес таких качеств наблюдается в коммуникативном блоке. Пермяк: добрый, дружелюбный, открытый, отзывчивый и гостеприимный. В деловой сфере, пермяк: серьезный, трудолюбивый, честный, прямой, ответственный.

Во-вторых, отметим негативные качества. В данную категорию можно отнести такие качества пермяка, как нерешительность, грубость, хамство.

В целом образ пермяка, по мнению, О.В Лысенко хороший. Он обладает положительными качествами (доброта, открытость), хотя и слегка пассивный. Для пермяка важнее быть хорошим, чем богатым или знаменитым. «Это условное «братство», которое до некоторой степени отменяет внутреннюю социальную иерархию». (Лысенко, 2013, с.87)

Обратимся к работе А.Г. Кузнецова, и попытаемся выявить структуру направленности личности пермяка, т.е. набор неких устойчивых побуждений которые определяют его активность при достижении успеха. Воспользуемся ответами на вопрос, кого респонденты считают успешным пермяком.

Отметим, что респонденты определили одних и тех же лидеров рейтинга успешных пермяков вне зависимости от возраста, социального статуса, материального достатка. Они выбрали одинаковые приоритетные стратегии достижения успеха в городе Пермь – ориентация на профессионализм и на приобретение социального капитала, т.е. «выстраивание отношений с хорошими людьми» (1 место в рейтинге занимает профессионализм, 2 – репутация хорошего доброго человека). Следовательно, при прочих равных условиях, в структуру потребностей пермяков входит ориентация на достижение профессионального мастерства, и ориентация на социальные связи. Это и определяет направленность личности.

Таким образом, разобрав структурные элементы региональной идентичности, описанные, М.П. Крыловым, И.Я. Мурзиной, З.А. Жаде, и проанализировав работы пермских ученых, полагаем, что следующие личностные характеристики помогают человеку в успешной идентификации себя как жителя конкретного города:

- § потребность в достижении;
- § ценностные ориентации;
- § рефлексивность;
- § опыт;
- § активная жизненная позиция.

Можно сказать, что направленность педагогического процесса в вузе на развитие профессионализма, опираясь на вышеназванные личностные характеристики, будет являться удачной педагогической стратегией. Вторым важным направлением может стать развитие ценностных ориентаций составляющих кодекс морально-этических и нравственных правил, которые определяют конструкт «хороший добрый человек».

Прежде чем выстраивать серьезную методическую работу по формированию у студентов ВУЗа стратегий идентификации себя как профессионала и формированию у них умения накапливать социальный капитал в условиях региона, необходимо провести предварительный «замер» того, какими стартовыми стратегиями идентификации обладают студенты. Таким образом, мы последовательно переходим ко второму этапу.

Во-первых, для диагностики выраженности у студентов вуза потребности в достижениях, воспользуемся «Тестом мотивации достижения» Мехрабиана (модификация теста-опросника А. Мехрабиана предложена М.Ш. Магомед-Эминовым).

Во-вторых, для диагностики ценностных ориентаций у студентов, воспользуемся «Морфологическим тестом жизненных ценностей» – авторы В.Ф. Сопов и Л.В. Карпушина.

В-третьих, для диагностики рефлексивности, воспользуемся Методикой А.В. Карпова, позволяющей определить уровень рефлексивности.

В-четвертых, для исследования опыта и активной жизненной позиции студентов воспользуемся методиками «Якоря карьеры», «Способности к прогнозированию».

Описанные методики лежат в основе планируемых исследований личностных характеристик, влияющих, по нашему мнению, на успешную региональную (городскую) идентификацию студентов. Далее, переходим к третьему пункту плана.

Предлагаем в формировании представлений у студентов о пермской городской идентичности обратиться к аксиологии. Мы исходим из утверждения Ю.П. Азарова, что ценности и смыслы естественно входят во все сферы жизнедеятельности, они неотделимы и неотчуждаемы от человека и проявляются во всех его поступках и отношениях. Недостаточно знать, что такое, например, профессионализм. Как пишет Л.И. Роднов, определяющим сущность сознания выступает единство разумной деятельности мысли и нравственной деятельности чувства (могу ли я любить профессию, если до меня не доходит ее смысл, я её не понимаю и наоборот, могу ли я по-настоящему понимать профессию, если я чувственно не переживаю, если она выключена из нравственной деятельности моего чувства). Именно ценностное отношение выступает императивом для личности, тем, на что она опирается, идентифицируя себя и самореализуясь в учебе, труде, общении.

Анализ существующих определений понятия «ценность» (Разин, 1996; Блюмкин, 1981; Фролов, 1995; Анисимов, 1985) позволил выяснить, что ценности являются внутренним стержнем культуры, рассматриваются как объединяющее звено в материальной и духовной жизни и реализуются через отношения значимости к предметам и явлениям действительности.

В психолого-педагогических исследованиях, по мнению ученых (Фонарев, 2001; Гершунский, 1996; Вербицкая, 2002; Сериков, 1998; Мурзина, 2005; Ахтырский, 2003) аксиологический подход:

§ позволяет осмысливать педагогические явления и процессы на общепhilosophическом уровне;

§ востребован при проектировании содержания образования как на государственном уровне (компетентностный подход в стандартах III поколения в вузах, объявление 2014 года – годом культуры), так и на региональном и местном;

§ реализуется в личностно-ориентированном обучении, где высшей ценностью признается личность, стремящаяся к самоизменениям;

Таким образом, реализуя аксиологический подход в нашем исследовании мы:

§ исходим из нравственной оценки процессов профессиональной самоидентификации студента на основе его эмоциональных переживаний, субъективных представлений

§ акцентируем внимание на то, что человек является высшей ценностью, а его право на свободу, счастье, развитие и проявление всех способностей, рассматриваем как ведущие ценности в личностно-ориентированном подходе к процессу формирования стратегий профессиональной самоидентификации студентов в вузе;

§ создаём условия для самостоятельного и ответственного определения субъектами образовательного процесса границ возможного в выборе стратегий профессиональной идентификации направляя, тем самым, процессы профессионального самоопределения.

Настоящая статья является вводной частью большой работы по исследованию процессов формирования региональной (городской) идентичности выпускников вузов в контексте аксиологического подхода. В работе сформулирован основной понятийный аппарат и базовые теоретические предпосылки для дальнейших исследований.

Литература:

Азаров, 1985 – Азаров Ю.П. Искусство воспитывать: Кн. для учителя. 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Просвещение». 1985. – 448 с.

Анисимов, 1985 – Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. – М.: «Мысль». 1985. – 158 с.

Ахтырский, 2003 – Ахтырский С.П. Личностно-ценностный потенциал содержания как основа проектирования регионального компонента – педагогического образования: диссертация кандидата педагогических наук. Ростов-на-Дону, 2003. – 178 с.

Блюмкин, 1981 – Блюмкин В.А. Мир моральных ценностей // Новое в жизни науке, технике. Серия «Этика». – М.: «Знание», 1981. – № 18. – 64 с.

Вербицкая, 2002 – Вербицкая Н.О. Теория и технология образования взрослых на основе витагенного (жизненного) опыта: диссертация доктора педагогических наук. – Екатеринбург, 2002. – 327 с.

Гершунский, 1996 – Гершунский Б.С. Менталитет и образование: Учеб. пособ. для студентов. – М.: «Институт практической психологии», 1996. – 144с.

Жаде, 2007 – Жаде З.А. Россия в поисках региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 12. – 2007. – № 6. – С 58-68.

Крылов, 2005 – Крылов М.П. Современная региональная идентичность в Европейской России: Север-Юг // Известия РАН. Серия географическая. – 2005. – № 5. – С. 51-60.

Кузнецов, 2013 – Кузнецов А.Г., Селезнева С.М. Экономическая эффективность или социальная справедливость: стратегия успеха по-пермски // Пермь как стиль. Презентация пермской городской идентичности / под.ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. Ст. О. Л. Лейбовича. Пермь: «Редакционно-издательский совет ПГГПУ», 2013. – 240 с. – С.200-223.

Лукьянов, 2009 – Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире. Автореферат дис. доктора психологических наук. – Томск, 2009. – 43 с.

Лысенко, 2013 – Лысенко О.В. Город как стиль: определение понятия, предпосылки формирования и составные части // Пермь как стиль. Презентация пермской городской идентичности / под.ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. Ст. О. Л. Лейбовича. – Пермь: «Редакционно-издательский совет ПГГПУ», 2013. – 240 с. – С. 13-23.

Лысенко, 2013 – Лысенко О.В. Образ пермяка в представлении пермяка // Пермь как стиль. Презентация пермской городской идентичности / под.ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. Ст. О. Л. Лейбовича. – Пермь: «Редакционно-издательский совет ПГГПУ», 2013. – 240 с. – С. 81-100.

Лысенко, 2013 – Лысенко О.В. Пермь как стиль / под.ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. Ст. О. Л. Лейбовича. – Пермь: «Редакционно-издательский совет ПГГПУ», 2013. – 240 с.

Маркова, 1999 – Маркова А.К., Психология профессионализма. –М., 1996. – 308 с.

Мурзина, 2005 – Мурзина И.Я. Ценностные основы содержания образования и формирование региональной идентичности // Искусство и образование. – 2005. – № 6 (38). – С. 18-33.

Печищев, 2011 – Печищев И.М. Пермяки: столкновение идентичностей (на материале газеты «Пермские губернские ведомости» с 1849 по 1879 гг.) // Мультимедийная журналистика Евразии – 2011: традиции и инновации Востока и Запада. – Казань, 2011. – С. 196-202.

Поддубная, 2004 – Поддубная Т.К. Интеграция личностного и профессионального компонентов сознания как проявление акме человека // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2 ч. / под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В.Э. Чуковского. Ч. 1. – М.: «Смысл», 2004. – 328 с. – С 303 -310.

Разин, 1996 – Разин А.В. Ценностная ориентация и благо человека // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 1996. – № 1. – С. 77-87.

Роднов, 1996 – Роднов Л.И. Разум и нравственность в единстве сознания // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 1996. – № 4. – С. 14-27.

Серигов, 1998 – Серигов В.В. Личностно-ориентированное образование. Поиск новой парадигмы. – М., 1998. – 289 с.

Смирнягин, 2007 – Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля. Рос. ассоциация междунар. исследований. – М. МГИМО – Университет. Т.2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной, 2007. – 116 с.

Фонарев, 2001 – Фонарев А.Р. Профессиональная деятельность как смысл жизни и акме профессионала // Мир психологии. – 2001. – №2. – С 99-103.

Фролов, 1995 – Фролов И.Т. Философия и этика науки: истоки и перспективы // Вопросы философии. – 1995. – № 7. – С. 32- 35.

Чепурышкин, 2008 – Чепурышкин И.П., Пугачева Н.Б. Регионализация образования как предмет научного исследования // Педагогика. – 2008. – №8. – С. 9-16.

Игнатьева О.В., Лысенко О.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

ПЕРМЬ КАК СТИЛЬ: В ПОИСКАХ УНИКАЛЬНОСТИ*

**Материал подготовлен в рамках проекта № 034-ф Программы стратегического развития ПГГПУ*

Ключевые слова: региональная идентичность, городской стиль, пермский культурный проект, брендинг города, городские сообщества

В статье рассматриваются основные направления деятельности Пермского культурного проекта, реакция на этот проект со стороны городского сообщества и влияние пермского культурного проекта на развитие города и региона.

Ignatieva O.V., Lysenko O.V. (Perm)

PERM AS STYLE: IN SEARCH OF ORIGINALITY

Key words: regional identity, city style, Perm cultural project, city branding, city communities

The paper considers basic dimensions of the Perm cultural project, the reaction to this project of the city community and its impact on the development of the city and the region.

Повод проведения данной конференции сам по себе дает почву для размышлений на заявленную тему. 900 летний юбилей упоминания слова «пермь» в письменных источниках ничуть не хуже (а может даже и лучше) иных обоснований претензий многих городов на свою значимость, уникальность и древность. А стремление придать значимость месту обитания и региону прекрасно вписывается в то, что еще в начале 90-х гг. XX века Р. Робертсон назвал глокализацией – тенденцией к сохранению и усилению региональной значимости на фоне глобализации. Эта тенденция проявляется всюду – и в практике управления региональных и городских властей, и в новой моде на этническое, и в попытках придумать, а чем же мы, собственно, отличаемся от наших близких и далеких соседей. «Уникальность в современном глобализованном мире не нивелируется, не стирается, а наоборот, востребована, поскольку дает индивидам и обществам конкурентные преимущества» (Тульчинский, 2011). Впрочем, чаще всего эти попытки (по правде говоря, не всегда удачные, а часто просто неуклюжие) обладают специфической социальной функцией – если этого не делать, если не вырабатывать социальных и культурных инструментов положительной городской и региональной идентичности, они возникнут сами, ввиду определенного общественного запроса. Но возникнут уже в виде экстремистских кошмаров, причем в наиболее отвратительном виде – с национальным ли религиозным оттенком, примером чему служат ИРА, баскские экстремисты, националисты, сепаратисты и фанатики всех мастей. Иначе говоря, когда в обществе есть такая потребность – ее надо обслуживать, а не морализировать и высмеивать.

Однако, признавая вслед за П. Бергером и Т. Лукманом, за Э. Хобсбаумом, Б. Андерсоном и Э. Геллнером тезис о том, что любая идентичность есть продукт социального конструирования, мы далеки от мысли, что *любую идентичность можно сконструировать на любом месте*. Как правило, не все образы,

предлагаемые местным сообществам в качестве их символов и масок, принимаются последним безболезненно. Можно утверждать (и практика брендинга территорий и городов в России это подтверждает), что наилучшей стратегией будет конструирование местной идентичности из тех образов, символов и ритуалов, которые уже присутствуют в массовом сознании жителей. Поэтому необходимым этапом такого рода деятельности должны стать исследования тех образов идентичности, которые уже сложились и укрепились на данной территории. Прежде чем говорить о Перми, как о стиле, нам необходимо исследование пермских стилей, то есть тех форм презентации идентичностей, которые сложились в разных городских сообществах. Этому и посвящена статья.

Генезис пермского городского сообщества

Пермь как город, подобно многим другим городам Урала, Поволжья и Сибири, сложился в своих современных очертаниях только в XX веке. Достаточно сравнить современные карты города с картами столетней давности, чтобы понять, насколько разительны перемены: многократно увеличившаяся площадь города и численность населения, переориентация города на промышленное производство, возросшая сложность социальной структуры и социального пространства города говорят сами за себя. Не менее разительно будут отличаться и тексты, описывающие город сто лет назад и в более позднее время. Образ города, вырисовывающийся из воспоминаний чиновников и путешественников XIX – начала XX века (В Парме, 1988), заставляет видеть в Перми некий восточный фронт, форпост европейской цивилизации посреди дикого края, заполненного староверами, кержаками, темными крестьянами и беглыми каторжниками (Белдыцкий, 1901, Мамин-Сибиряк, 1951). Согласимся, сегодня такие образы редко кому придут в голову. Суть произошедших за столетие изменений можно описать как специфический процесс российской урбанизации, сочетавшей миграцию населения из деревень в областной центр, строительство новых и модернизацию старых предприятий, принудительное перемещение в Пермь больших масс людей, а также технологий, предприятий и учреждений в процессе индустриализации, коллективизации, эвакуации и репрессивной политики 1930-50-х гг. прошлого века. В результате этих процессов сложился большой город, который до сих пор сочетает в себе столь разные и даже противоречивые элементы, что на их нивелировку и «подгонку» в более или менее однородное сообщество и пространство не хватило даже относительно спокойных и благополучных 1960-80-х гг.

В итоге в социальном пространстве Перми до сих пор сохраняются лакуны, оставшиеся от прошлого, своеобразные «старицы», в которых законсервировались иные, принадлежащие прошлому структуры, а и сообществе до сих пор просматриваются практики, восходящие еще к прошлому. Без особого труда можно увидеть:

- следы деревенского уклада жизни, проявляющегося в народной топонимике (Пермь как стиль, 2013), в системе оппозиций, используемых для описания городского пространства (например, «поехать в город»), в практиках рураризации (например, в сохранившихся обрабатываемых огородах и садах у значительной части городских жителей; (Адаптационные стратегии населения, 2004);
- остатки уклада, свойственного рабочим поселкам периода ранней индустриализации; это проявляется в сохранившихся следах барачных рабо-

чих поселков (лежащие в основе деления на микрорайоны), в существовании подростковых и молодежных полукриминальных объединений на окраинах города, восходящих к временам заводских поселков, в доминировании архетипа завода в картине мира отдаленных от центра микрорайонах, в полицентричности города (Шишигин, Лысенко, 2012).

- Воспроизводство культуры типичных для индустриального города социальных групп, таких как субкультуры рабочих, инженеров, учителей, медиков и многих других, целиком или осколками сохранившихся в современных реалиях города (Гордон, Клопов, 1997).

Исследование этих фрагментов социальных пространств и культур до сих пор остается актуальной задачей для историков, социологов, городских антропологов и культурологов. Мы вынуждены констатировать, что до сих пор не существует сколько бы ни было сбалансированной исследовательской программы, инструментариев, гипотез, которые позволили бы собрать воедино разрозненные тексты и источники по данной теме. Однако некоторые черты складывающейся специфической городской культуры этого типа, важные с точки зрения поставленной проблемы, следовало бы обозначить уже сейчас.

Во-первых, для таких сообществ характерно значительное культурное расслоение, обусловленное уровнем и характером образования, профессиями, образом жизни. В позднем советском городе достаточно явно выделялись два больших слоя населения, один из которых представлял собой совокупность более или менее урбанизированных социальных групп, а второй – совокупность людей, продолжавших оставаться на периферии городской жизни, и в пространственном, и в культурном отношении. Понятно, что вторые, с точки зрения первых, представлялись некими «новыми городскими варварами», маркированными терминами типа «жлобы», а позднее – «гопники». Для первых (очевидно, находящихся в меньшинстве) город представляет собой более или менее единое символическое и социальное пространство, освоенное и присвоенное. Их социальные контакты строились уже не по принципу «двора» и микрорайона, а по принципам общности профессии, увлечений, общности взглядов. Если, например, проследить биографические конструкции двух одноклассников, один из которых поступает в вуз, а другой следует устойчивой модели советского времени «двор-ПТУ-завод», то мы без труда можем обнаружить, как будет меняться их способ существования в городском пространстве: для первого достаточно быстро новые студенческие, а потом и профессиональные связи станут более значимыми и широкими (в пространственном измерении), чем школьные и дворовые, а второй так и ограничит основной ареал своего обитания микрорайоном, изредка выбираясь «в город» за покупками и развлечениями. Вообще, судя по нашим исследованиям, город становится городом в России тогда, когда возникают площадки, на которых могут встретиться эти «современные горожане». Этим объясняется столь важная роль разного рода культурных институций города – театров, филармоний, библиотек, а ныне, возможно, клубов и фестивалей, вход в которые для непосвященных охраняется изначально высокими требованиями к культурным компетенциям индивида. Не случайно даже небольшие по численности городские поселения Пермского края, имеющие театры, даже самодеятельные, гораздо больше похожи на город, чем их соседи, лишенные таких площадок (Сравнение Лысьвы и Чусового, Губахи и Кизела может это подтвердить). При разрушении (или отсутствии) такой площадки исчезает и тот слой, который выстраивает свои связи поверх микрорайонов-поселков. Освоение этих культурных институций

(хотя бы на уровне «я там бывал») становится обязательным для каждого, кто претендует на статус горожанина. Так, первокурсник, приехавший из деревни в Пермь, должен побывать в театре, в галерее, в ресторане, в центре, в центральных магазинах. В этом же ряду стоит и феномен приезжего, который обязан в Москве и Санкт-Петербурге побывать в театрах, хотя большинство москвичей и питерцев туда не ходят годами.

Самопровозглашенная роль урбанизированного меньшинства, которое само себя предпочитало именовать интеллигенцией или интеллигентными людьми, по сути, являлась прогрессорской (спасибо за эту удачную аналогию со Стругацкими профессору Марку Липовецкому, высказавшему ее в частной беседе). И это важно понимать при обсуждении заявленной темы. Чувствуя себя носителями «городской», прогрессивной культуры, именно представители этого слоя первыми ощутили потребность в символической презентации новой городской идентичности, не сводимой ни к заводу, ни к этносу, ни к государству. Как замечал еще Э. Дюркгейм, совместные ритуалы рожают чувство социальности. А социальность нуждается в легитимации – то есть в доктрине локальной идентичности, в ответе на вопрос «а кто мы, собственно, есть». Потребность в этом становится особенно острой тогда, когда ослабевают иные идентичности, в первую очередь социально-классовые, что и произошло в 1990-х гг.

И тут пермское городское сообщество столкнулось с общей проблемой большинства российских городов. Типовые советские индустриализированные города плохо подходили на роль «уникального места». Кому-то повезло больше – Санкт-Петербургу или Одессе имидж придумывать не пришлось. Для остальных же прежние коннотации и нарративы, типа «города-труженика» и «города-героя», создаваемые в рамках идеологической советской модели, безнадежно утратили свою актуальность, да и плохо подкреплялись новыми реалиями. Новые определения отыскивались очень тяжело. Стратегии поиска «гениев места» (в Перми – Л.Г. Пастернака, А.П. Чехова или С.П. Дягилева) почти не сработали, да и были изначально скроены по лекалам «интеллигентных людей», не воспринимаемых «новыми горожанами», не говоря уже о «городских варварах». Именно поэтому доминирующим образом самоописания «интеллигентных» пермяков стал образ «дыры» (Пермь как стиль, 2013).

В массовом сознании образ пермяка носит не столь драматический характер. В ходе массового опроса пермяков в декабре 2012 года (число опрошенных – 996 человек, выборка квотная, поло-возрастная) в рамках исследования «Пермь как стиль», выяснилось, что историческая память городского сообщества возводит характер пермяков к трем основным источникам: к массовой эвакуации в город людей и учреждений в годы Великой отечественной войны (так считает более 57 % горожан), к так называемой «горнозаводской цивилизации» – 48 % (здесь, очевидно, не обошлось без влияния книг А. Иванова), и к влиянию ссыльных, причем как политических (36,6 %) так и уголовных (27,9 %). Остаются в исторической памяти и иные источники пополнения населения, а стало быть, и культуры – старообрядцы (19,2 %) иммиграция эпохи индустриализации (17,8 %). Все эти образы, так или иначе, окрашены в маскулинные тона. Очевидно, поэтому новым телевизионным символом Перми стали не кто-нибудь, а «Реальные пацаны».

С другой стороны, статус «пермяка» в массовом сознании отнюдь не соотносится с маргинальностью и деградацией. В ходе исследования оказалось, что пермская идентичность в наибольшей степени проявляется у людей со средним достатком, профессионалов с высшим образованием, интегрированным

в городскую жизнь, проживших в Перми не менее 7-8 лет. Чем ниже социальный статус жителя Перми – тем чаще он готов отдать предпочтение этнической, региональной или географической идентичности в ущерб локальной. Чем выше статус – тем чаще гражданская идентичность («гражданин России») «побеждает» пермскую. Получается, что самосознание пермяков наиболее ярко проявляется в средних слоях городского сообщества, где сосуществуют и стереотипы поведения «интеллигентных людей», и новые городские группы, вызванные к жизни новыми глобальными процессами (о чем речь пойдет ниже).

На уровне самоописания образ «пермяка» оказывается окрашен скорее в положительные тона. Это в целом доброжелательный, дружелюбный горожанин, которому, конечно, недостает культуры и энергичности, но зато свойственно трудолюбие и профессионализм, а заодно – и некоторое высокомерие по отношению к соседям. Что интересно – идеалом пермяков являются петербуржцы, а символом дурного поведения – москвичи.

Иными словами, пермский стиль глазами самих пермяков есть презентация мужского, несколько брутального (окрашенного в милитаристски-криминальные тона), оппозиционного к власти (столице, крупному бизнесу, чиновничеству) образа, несколько смягченного прививкой «высокой» культуры и индустриализма. Очевидно, что такой образ не всегда вписывается в современные реалии, но не учитывать его нельзя.

Современный вызов городу

Сложность анализа увеличивается, если мы примем во внимание наложение в современном российском городе двух процессов – затянувшегося перехода российского общества к рыночному (или квазирыночному – в зависимости от оценки) обществу, и одновременно – процессов, связанных с глобализацией мира. Здесь мы имеем в виду изменение самого характера общества эпохи «тяжелой модернити» к некоему постсовременному состоянию, для которого характерны деиндустриализация, переход от экономически детерминированной структуры общества к структуре, воспроизводимой по канонам стилей, отказ от примордиализма в определении социальной идентичности в пользу «стихийного» конструктивизма. Разумеется, стоит вспомнить и более приземленные процессы – распространение новой культуры индивидуализма, «биографизацию» жизни, новые технологии коммуникации и т.д. и т.п. Как следствие, новая социально-экономическая ситуация вызвала существенный рост новых городских слоев, не похожих ни на «интеллигентных людей», ни на «городских варваров», причем задолго до крушения самого Советского Союза (вспомним сетования по поводу «образованцев», начавшиеся еще в 1980-е гг.). Что характерно, почти тогда же в социальной теории начинаются попытки дать этим слоям новое имя – «людей третьей волны» (Тоффлер, 1999), «креативного класса» (Флорида, 2011) или «социальных новаторов». Даже понятие среднего класса на этой волне приобрело совсем иной оттенок (Кагарлицкий, 2012; Дилигентский, 2002). Само наличие попыток отыскать термин и тем самым промаркировать новое социальное явление свидетельствует о его реальности. Более того, именно численность этого нового слоя людей, по мнению многих авторов, является важнейшим фактором развития города.

И тут мы вновь возвращаемся к исходной теме – к проблеме поиска городом своего лица. В новой ситуации оказалось, что для того, чтобы «застолбить» свое место в мире, мало смутно очерченного мифа в массовом сознании, необходим

образ, способный убедить новых, перспективных жителей города в том, что это и есть местно, в котором следует поселиться. В этом и следует искать социальные корни потребностей в «брендингах» городов, реноваций, культурных революций.

О чем мечтали «революционеры» и что из этого получилось

В основе Пермской культурной революции, напомним, лежали тезисы о культуре как главном ресурсе экономического и социального развития региона, о необходимости поворота вспять миграционных процессов, о создании новой городской среды. Такова была, по крайней мере, декларация «революционеров». Каковы были «истинные» мотивы авторов и реализаторов этого проекта – судить политологам: это по их части строить гипотезы на основе инсайдерской информации («народная» политология, кстати, свой вердикт вынесла). Мы можем доступными нам средствами проанализировать, как отнеслось к этому проекту местное сообщество и почему, а также кто и что выиграл от культурной революции.

Всем известно, что местное сообщество отнеслось к пермскому культурному проекту, мягко говоря, плохо. Но гораздо реже фиксируется тот факт, что содержательно было два протеста. Первый, со стороны «городских варваров», в основном носил характер раздражения по поводу непонятного и явно немаскулинного характера привносимого нового стиля. Антропологически основные авторы проекта (М. Гельман, Б. Мильграм) принадлежат к современной богеме, к творцам современного искусства. Практики современного искусства подразумевают ставку на самоценность переживания вне зависимости от того, каким будет вызываемое чувство, положительным, вписанным в канон пристойности, или негативным, провоцирующим. Последнее, пожалуй, еще и лучше, так как пристойное, возвышенное переживание искусства, благодаря авангарду XX века и теоретикам постмодернизма типа Ж. Бодрийяра, напроочь связывается современным творцом культуры с буржуазностью, скукой, фальшью. Так что укрепление в массовом сознании «красных человечков», «табуретки» и «надкусанного яблока» как символов Пермской культурной революции было вполне закономерным и даже запланированным.

Иное дело «интеллигентные люди». Критика с их стороны, в какие бы одежды она не рядилась, вызвана не культурными различиями, а скорее наоборот – генетическим родством с носителями идеи «осовременивания» города. Продолжая аналогию М. Липовецкого, представим, какие чувства должно было вызывать у прогрессоров Стругацких появление подопечной им территории представителей иной, еще более прогрессивной и могущественной цивилизации, которая ставит своей целью не только окультуривание местных дикарей, но и самих прогрессоров. Не удивительно, что в пермском «интеллигентном» дискурсе сразу же обозначились три вопроса: а является ли то, что представляет Гельман, Мильграм etc., действительно искусством, стоит ли оно тех денег, которые за него платят, и почему не платят местным? Как следствие, часть местного сообщества ушла в оборону и бойкот, а часть стала перенимать новые технологии, включаться в обсуждения и конкурсы, и выстраивать собственные проекты.

Истинным же потребителем продукции пермского культурного проекта стали те социальные группы, которые в силу возраста, рода деятельности и новых коммуникативных возможностей, не принадлежат ни «варварам», ни «интеллигентам». Данные нашего исследования позволяют утверждать, что около 15-17 % пермяков, во-первых, вполне лояльно воспринимают новые явления

культуры и отличаются определенным культурным плюрализмом, во-вторых, готовы включаться в новые гражданские практики и горизонтальные сообщества (Пермь как стиль, 2013), в-третьих, исповедуют новые, проектные, подходы в экономической деятельности, тем самым выпадая из привычной социальной структуры. Как бы при этом они не относились к персоналиям, именно они получили в рамках «революции» стимул и возможности включиться в игры инсценировок, конструирования новых образов и новой городской идентичности. Взамен прежнего негативного отношения к «отсталости» Перми, они смакууют «пермскость» «Реальных пацанов», воспринимают пермские древности (звериный стиль) как равноправный в череде других «этник», и, одновременно, готовы признать своими старые культурные институции – галерею, балет и т.д.

Видимо, это и есть основной итог нашей культурной революции.

Перспективы

Возможно, мы разочаровали некоторых читателей, ожидавших ответа на заветный вопрос, а кто он, собственно, есть, настоящий пермяк, и каков на самом деле искомый этот пермский стиль. Стиля как единой формы презентации пермской идентичности не существовало ранее, не смогли его задать и «революционеры». Стоит согласиться с О. Лейбовичем, что в настоящий момент понятие городского стиля есть скорее идеологическая конструкция, нежели феномен нашей жизни (См.: Пермь как стиль, 2013.). Но это не означает, что стиля не может существовать в принципе, особенно в нашу эпоху конструирования всего и вся.

Очевидно, что сегодня перед Пермью, как и любым другим городом, стоит альтернатива: или довольствоваться сложившимися, полуотрефлексированными образами собственной идентичности, выстроенными к тому же на почве комплекса провинциальной неполноценности и зависти к соседям, либо создать новый Миф, содержащий помимо прочего и позитивную программу оценки, создания и присвоения исторической памяти, символики и городского пространства. К тому же начало положено, опыт, пусть иногда и негативный, уже есть. Более того, именно опыт пермского культурного проекта позволяет нам видеть те условия, без которых Пермь как стиль не состоится:

- формирование и сохранение новых площадок для коммуникации и формирования нового городского сообщества, готового играть новый спектакль презентации идентичности;
- наличие набора разделяемых этим сообществом символов (как любимых, так и ненавидимых), причем привязанных к территории системами ритуалов, смыслов и практик;
- формирование новой мифологии города, опирающейся на такие символы, через СМИ, книги и газеты. Ибо старые мифы побеждаются только мифами новыми.

Литература:

Адаптационные стратегии населения, 2004 – Адаптационные стратегии населения. Под ред. Аврамовой Е.М. – СПб: ИСПЭН, 2004.

Белдыцкий, 1901. – Белдыцкий Н.П. В Парме. Очерки северной части Чердынского уезда. – Пермь, Типо-литография губернского правления, 1901.

В Парме, 1988 – В Парме. Сост., предисл. и комм. Н.Ф. Авериной – Пермь: Кн. Изд-во, 1988. – 400 с.

Гордон, Клопов, 1997 – Гордон Л.А., Клопов Э.В., Возрождение рабочего движения в России. Вторая половина 80-начало 90-х годов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Российск. гос. ун-т, 1997.

Дилигенский, 2002 – Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Институт фонда "Общественное мнение", 2002. – 285 с.

Кагарлицкий, 2012 – Кагарлицкий Б. Восстание среднего класса. – М.: Эксмо, 2012.

Мамин-Сибиряк, 1951 – Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // Собрание сочинений в 12-ти т., т. 12. – Свердловск, 1951

Пермь как стиль, 2013 – Пермь как стиль: презентации пермской городской идентичности. Под О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой.– Пермь: ПГГПУ, 2013.

Тульчинский, 2011 – Тульчинский Г. От фанов до элиты // Международный журнал исследований культуры. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://culturalresearch.ru/ru/fash> (дата обращения: 25.06.2013).

Тоффлер, 1999 – Тоффлер А. Третья волна. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999.

Флорида, 2011 – Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. – 432 с.

Шишигин, Лысенко, 2012 – Шишигин А. В., Лысенко О. В. Формирование новых городских центров в современном российском городе как средство реализации человеческого потенциала // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 93-98

**Маркевич И.В., Бельтюкова Е.Д., Мусина А.В.,
Синицина Н.А.**

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ г. ПЕРМИ

Ключевые слова: финансовая культура, уровень финансовой грамотности, уровень образования, кредитование, сбережения.

В России происходит процесс формирования финансовой культуры. Существует запрос широких кругов населения на практические финансовые знания, которые дают возможность человеку грамотно управлять своими денежными средствами. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты наших исследований финансовой культуры студентов и работающего населения г. Перми. Они позволяют выработать рекомендации по оценке финансовой грамотности населения, а также повысить финансовую культуру населения г. Перми.

**Markevich I.V., Beltyukova E.D., Musina A.V., Sinitsyna N.A. (Perm)
NECESSITY AND PERSPECTIVES FOR THE DEVELOPMENT OF
FINANCIAL CULTURE OF PERM POPULATION**

Key words: financial culture, level of financial literacy, educational level, crediting, savings

Formation of financial culture is actively unfolding in contemporary Russia. The general population is in need of practical financial knowledge to manage their savings. The results of our research of the financial culture of students and working population of Perm provide evidence for that. The findings allow developing recommendations for the evaluation of financial literacy and improving financial culture of Perm population.

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось повышенным вниманием к вопросам культуры и просвещения во всём мире. Эту тенденцию подтверждает и празднование 900 лет имени «Пермь». В данном контексте интересно рассмотреть один из аспектов современной пермской культуры – финансовую культуру.

Под финансовой культурой мы понимаем общепринятую, основанную на знаниях систему практических навыков финансового поведения граждан. Крепостное право, десятилетия господства административно-командной системы препятствовали становлению в России этой культуры. В настоящее время в нашей стране только началось её формирование. В России не создана массовая культура ответственных инвестиционных решений. Есть запрос широких кругов населения на практические финансовые знания, но та информация, которая транслируется «сверху», малоэффективна, непонятна, не превращается в практический навык.

Об этом свидетельствуют, в частности, результаты наших исследований финансовой культуры пермских студентов. В 2006 году было проведено анкетирование 320 студентов Пермского государственного педагогического университета. Данный вуз имеет многочисленные и разноплановые направления подготовки выпускников. Соответственно, студенты этого вуза обладают различным менталитетом, жизненным опытом и традициями, являясь своеобразным отражением довольно большой части спектра населения г.Перми. Поэтому студентов Пермского государственного педагогического университета можно рассматривать как носителей финансовой культуры пермяков.

Исследование показало, что крайне незначительная доля опрошенных готова инвестировать средства в инвестиционные фонды (3%), негосударственные пенсионные фонды (1%), кредитные потребительские кооперативы граждан (1%). При этом 72% опрошенных не знали, что такое кредитные потребительские кооперативы граждан, 51% не знали об инвестиционных фондах, 32% опрошенных не представляли себе механизм работы названных кредитно-финансовых институтов, 61% опрошенных представляли его себе поверхностно. Положительно высказались относительно потребности в получении более обширных и глубоких знаний по вопросам кредитования и преумножения собственных денежных средств 65% и 90% опрошенных соответственно.

В 2012 году было проведено ещё одно исследование. Было опрошено 100 студентов четырех факультетов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, а именно: естественно-научного, информатики и экономики, математического и исторического. Средний ежемесячный доход, получаемый в основном от родителей, вместе со стипендией, у 90% респондентов составил от 2 до 6 тысяч рублей. Только около 10% респондентов обладали денежными средствами в размере от 6 до 10 тысяч рублей. При приобретении необходимой вещи студенты исторического факультета и факультета информатики и экономики предпочитали воспользоваться исключительно собственными (семейными) сбережениями. Среди опрошенных 86% студентов математического и естественно-научного факультета предпочитали собственные сбережения и лишь 14% готовы были оформить кредит. Неработающие студенты ещё не готовы и не желают оформлять кредит, так как у них нет собственного дополнительного заработка.

На вопрос «Если бы Вы взяли кредит, то с каким набором проблем Вам бы пришлось столкнуться?» студенты исторического и математического факультета, а также факультета информатики и экономики в 100% случаев столкнулись бы с постоянными мыслями о необходимости вернуть долг. Естественно-научный факультет показал иные результаты: 60% девушек, так же, как и все, столкнулись бы с постоянными мыслями о необходимости вернуть долг, 15% девушек – предпочли не брать кредит из-за боязни выглядеть неудачниками в глазах окружающих и 25% девушек отказались от возможности взять кредит в надежде на будущее снижение процентов по кредиту. Юношей волновали две проблемы – постоянные мысли о необходимости вернуть долг и возможность того, что проценты по кредиту в будущем снизятся.

Мнение и поведение друзей и знакомых может оказывать непосредственное влияние на кредитное поведение студента. Решение о получении кредита или о взятии в долг крупной суммы денег, как правило, не принимается в одиночку. Оно активно обсуждается, причем, не только в кругу семьи, но и в рамках более широкого социального окружения. Многие студенты, выбирая кредитную организацию, склонны были обращаться к позитивному опыту друзей и знакомых. При этом студенты естественно-научного факультета в 60% случаев ничего не знали о кредитовании, но хотели бы узнать. На вопрос «Может ли пример ваших друзей по использованию кредита или формированию накоплений оказывать на вас влияние» 70% респондентов ответили положительно и только 30% отметили незначительную степень влияния.

В большинстве случаев информацию о возможностях кредитования студенты получали с помощью радио и телевидения. Многие респонденты указали также на интернет и рекламу самих банков.

Большинство респондентов (80%) полностью согласны с утверждением «По тому, какими вещами пользуется человек, окружающие определяют, к какому социальному слою он принадлежит, какое положение занимает в обществе». Единогласно с этим утверждением согласились лишь студенты факультета информатики и экономики. А вот студенты естественно-научного факультета не полностью согласны с этим высказыванием, только 40% поддержали его, остальные студенты разделяли другие точки зрения (50% – не придавали этому значение, 10% – не согласны с утверждением). На основе этих данных можно сделать вывод, что студенты естественно-научного факультета проще относятся к людям с более высоким статусом. А вот ориентация на людей с более высоким заработком у студентов вообще отсутствует. Большинство опрошенных (86%) не придавали никакого значения тому, с каким окружением людей (по уровню дохода) следует общаться, 14% студентов предпочли общаться с людьми, у которых доход такой же, как у них самих.

Все опрошенные студенты готовы были поделиться своими сбережениями с другом, из них 75% – безусловно, сразу же, а 25% – после долгих раздумий. Это свидетельствует о щедрости студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Потребность в сбережениях наблюдалась на всех факультетах: у 100% респондентов – на историческом факультете и на факультете информатики и экономики, у 70% – на естественно-научном факультете, у 80% – на математическом факультете. Хранить свои собственные сбережения респонденты предпочитают дома, так как их доходы ещё не столь велики.

Делать вклады в кредитно-финансовые учреждения студенты ещё готовы, брать кредит – не хотят (считают, что у них нет такой потребности). Это объясняется тем, что большинство студентов не работает, и при покупке необходимых вещей обращаются за финансовой помощью к родителям. На вопрос «Какие условия кредитования вас устроят?» все респонденты ответили: «без залога», «без поручительства» или «без залога и поручительства».

Студенты по-прежнему не знали о кредитных потребительских кооперативах граждан и инвестиционных фондах, о принципах их функционирования (лишь 2% опрошенных имели представления об инвестиционных фондах). Знаниями о пенсионных фондах обладали все. В этом велика роль разнообразной рекламы. Также с пенсионными фондами респондентов знакомили ещё в школе. Многие уже вступили в различные негосударственные пенсионные фонды.

Сравнительный анализ показал, что студенты исторического факультета и факультета информатики и экономики более эрудированны в кредитно-финансовых вопросах, чем студенты математического факультета, но разница не значительна; уровень финансовой грамотности естественно-научного факультета можно оценивать как ниже среднего. Для многих опрошенных студентов естественно-научного факультета сама анкета оказалась довольно сложной для понимания, при её заполнении затрачивалось больше времени, нежели на других факультетах. Это, на наш взгляд, связано, в первую очередь, со спецификой подготовки, которую получают студенты. Так, на факультете информатики и экономики студенты изучают широкий спектр экономических дисциплин. На историческом факультете у студентов развивают логическое мышление. У студентов профиля подготовки «юриспруденция» преподаётся широкий спектр правовых дисциплин. Профиль естественно-научного факультета менее ориентирован на финансовую грамотность. Студенты математического

факультета, в силу особенностей своей специальности, предпочитают точные прогнозы и результаты, поэтому стараются остерегаться кредитов.

В 2013 году в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете были продолжены исследования финансовой культуры студентов. Были опрошены 111 человек с четырёх факультетов – информатики и экономики, иностранных языков, педагогики и психологии детства, правового и социально-педагогического образования.

Средний ежемесячный доход у 30% студентов составил от 500 рублей до 2 тысяч рублей. Доходом в размере от 2 до 6 тысяч рублей располагают 25% опрошенных. Около 13% респондентов обладают денежными средствами в размере от 6 до 10 тысяч рублей, 4% имеют доход от 10 до 15 тысяч, 5% – от 15 тысяч рублей и выше.

При приобретении необходимой вещи студенты информатики и экономики воспользуются своими сбережениями в 96% случаев, и только 4% возьмут деньги в долг. Все опрошенные студенты факультетов иностранных языков и социальной педагогики предпочитают потратить сэкономленные деньги при покупке товара. Студенты факультета педагогики и психологии детства в 95% случаев воспользуются сбережениями и в 5% случаев возьмут деньги в долг. Никто из опрашиваемых студентов не захотел оформить кредит. Многие «боятся» брать кредиты, что связано с недоверием к кредитным организациям и недостаточной компетентностью в данном вопросе, а также с личностными качествами людей.

На вопрос «Может ли пример ваших друзей по использованию кредита или формированию накоплений оказывать на вас влияние?» 37% респондентов ответили, что в незначительной степени, 27% опрошенных не следуют примеру своих друзей по использованию кредита или формированию накоплений, 21% – подвержены влиянию и 15% затрудняются ответить на данный вопрос.

Информацию о возможностях кредитования студенты получают с помощью телевидения (68%), радио (12%) и газет (21%). Также респонденты, отвечая на данный вопрос, указали интернет (2%) и знакомых (30%), через которых они получают информацию. Были и такие, которые ничего не знают и не хотят знать о возможностях кредитования (10%). Большинство опрошенных студентов готово поделиться своими сбережениями с другом, из них 70% – безусловно, сразу же, 29% – после долгих раздумий, 1% – отказались помогать другу вообще. Итак, по-прежнему студенты обладают щедростью, способностью к сопереживанию и взаимопомощи.

О наличии потребности в сбережении денежных средств студенты факультета информатики и экономики ответили «да» в 76% случаев, «нет» – в 11%, «не знают» – в 13%. Соответственно, факультет иностранных языков – 80%, 6%, 14%. На факультете правового и социально-педагогического образования 58% респондентов дали положительный ответ и 42% – отрицательный. Студенты факультета педагогики и психологии детства ответили положительно в 68% случаев, отрицательно – в 9% случаев, 23% опрошенных не смогли определиться с ответом. Таким образом, большинство респондентов имеют потребность в сбережениях.

Что касается хранения денег, 83% студентов факультета информатики и экономики доверяют свои деньги Сбербанку, 11% хранят деньги дома, 6% – на карте. На факультете правового и социально-педагогического образования 57% опрошенных хранят деньги в Сбербанке и 43% – дома. На факультете иностранных языков: в Сбербанке – 73% респондентов, дома – 22%, на карте – 5%. На факультете педагогики и психологии детства: в Сбербанке – 82%, 18% –

дома. Проанализировав ответы, можно сказать, что лидирующие позиции для хранения денег занимают Сбербанк и дом. Это свидетельствует как о консервативности, осторожности студентов, недоверии их к кредитным организациям, так и недостаточной компетентности в данном вопросе.

Среди студентов факультета информатики и экономики 33% имеют представление о том, что такое кредитный потребительский кооператив граждан, 84% представляют назначение инвестиционного фонда и 97% владеют информацией о том, что представляет собой пенсионный фонд. На других факультетах, не имеющих связи с экономикой, знанием о назначении кредитного потребительского кооператива граждан обладают всего 10%, об инвестиционном фонде – 47% и о пенсионном фонде – 96% респондентов. По-прежнему студенты факультета информатики и экономики, благодаря большему количеству предметов, связанных с экономикой, более осведомлены в данном вопросе, нежели студенты других факультетов. Довольно большая часть опрошенных (73% студентов факультета информатики и экономики и 64% студентов педагогики и психологии детства, факультета иностранных языков) частично знает, как работают выше перечисленные организации. И лишь 5% студентов на всех факультетах полностью осведомлены о работе данных организаций. Приведённые ответы демонстрируют недостаточное понимание студентами точного механизма функционирования кредитно-финансовых организаций, клиентами которых они могут стать.

Из общего числа опрошенных не пользуются кредитом 93%. Шесть процентов опрошенных пользуются кредитом редко, и 1% (а точнее, 1 студент) – часто. Из общего числа опрошенных 91% не видит необходимости брать кредит. Процент по-прежнему высок вне зависимости от факультета. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что в возрасте от 18 лет до 21 года молодые люди ещё не заинтересованы в таком банковском продукте как кредит. Он не является чем-то обыденным и необходимым для студентов на данном этапе их жизни. Они, скорее, воспользуются сбережениями.

Но есть 9% респондентов, которые испытывают необходимость в кредитах. Из них 50% нуждаются в кредите размером от 10 до 50 тысяч рублей, 50 % – от 100 до 500 тысяч рублей. Большие суммы интересовали студентов старших курсов, а меньшие, соответственно, первокурсников.

Около 56% студентов заинтересует кредит, если он будет без залога. На втором месте по привлекательности условий – кредит без поручительства (23% опрошенных). И точно такое же число опрошенных (23%) выделяет в качестве привлекательного условия кредит под поручительство. На третьем месте – кредит под залог машины (6% респондентов). Последнее свидетельствует о повышении благосостояния современных студентов, по сравнению с предыдущими годами.

Таким образом, наблюдения показывают, что в России и в г. Перми, в частности, происходит становление новой финансовой культуры. Вместе с тем, студенческая молодёжь на протяжении ряда лет имеет отдалённое представление о кредитно-финансовых организациях и их деятельности. Самой знакомой организацией для всех оказался пенсионный фонд. Кредит мало востребован у студентов в силу их возраста и отсутствия компетентности. Серьезное препятствие здесь – существующая система ценностей, представлений и стереотипов: россияне привыкли относиться ко всему с осторожностью и недоверием. И это во многом оправдано. Хотя немалую роль играет необходимость уменьшения величины процентной ставки и приближения её к

«справедливому» уровню. На наш взгляд, в данной сфере должен присутствовать разумный консерватизм, основанный на знании.

С целью повышения финансовой культуры пермяков (и студентов, в частности) вузы в своей структуре могут содержать центры финансового образования, центры финансового консалтинга, финансовые инкубаторы для малого бизнеса, центры подготовки и повышения квалификации кадров, занимающихся повышением финансовой грамотности населения, методические центры по разработке учебных материалов.

Возможными направлениями просветительской работы вузов могут быть издание и распространение брошюр, буклетов, памяток, публикации статей в многотиражных вузовских и местных газетах с информационными материалами о функциях кредитно-финансовых организаций, алгоритмах принятия решения о выборе финансовых посредников и т.п.; проведение специальных курсов, обучающих семинаров для различных категорий граждан. Темами открытых лекций и семинаров по вопросам финансовой культуры населения могут быть такие, как «Основы финансовой грамотности», «Ваша финансовая безопасность», «Финансовые пирамиды: понятие и признаки», «Финансовые институты в России», «Личные финансы», «Школа инвестора», «Практикум заёмщика», «Азбука налогообложения», «Финансовый калькулятор», «Страховой практикум», «Поведенческие финансы», «Кредитные потребительские кооперативы граждан – возрождение дореволюционных традиций» и другие. Для осуществления данных мероприятий можно также привлекать студентов, обучающихся на экономических специальностях вузов, что будет являться для них неплохой практикой.